

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СВЯТ

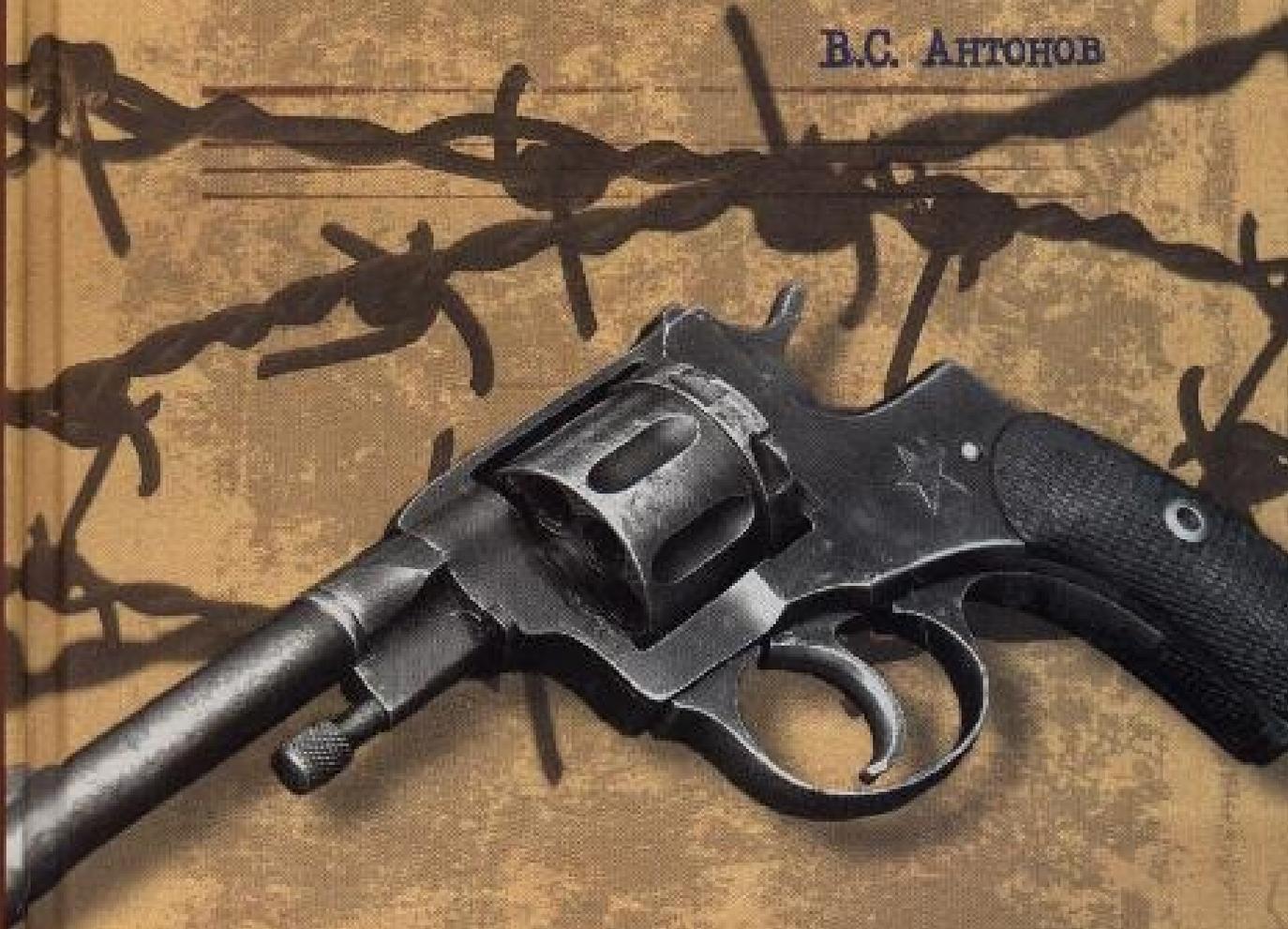
ДЕЛО № 12-016

РАССТРЕЛЯННАЯ РАЗВЕДКА

В.С. АНТОНОВ

РАССТРЕЛЯННАЯ РАЗВЕДКА

В.С. Антонов

ХРАНИТЬ _____ (год)
вечно ЛЕТ

Annotation

Репрессии, охватившие нашу страну в конце 1930-х годов, нанесли огромный ущерб советской внешней разведке, серьезно подорвали ее успешную деятельность в предшествующие годы. Аресты коснулись не только руководителей внешней разведки, но и многих ведущих разведчиков. В результате были ликвидированы почти все нелегальные резидентуры, утрачены связи с ценнейшими источниками информации, что самым серьезным образом сказалось на обеспечении государственной безопасности страны.

В книге рассказывается о наиболее видных разведчиках, павших жертвами необоснованных репрессий. Одновременно в отдельной ее главе приводятся краткие биографические сведения на их коллег, также ставших жертвами «большого террора».

Содержание книги основано на рассекреченных архивных материалах СВР и Зала истории внешней разведки...

-
- [Антонов Владимир Сергеевич](#)
 -
 - [РАССТРЕЛЯННАЯ РАЗВЕДКА \(Вместо предисловия\)](#)
 - [Глава I. У ИСТОКОВ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ](#)
 - [Глава II. РУКОВОДИТЕЛЬ ИНО](#)
 - [Глава III. ГРОССМЕЙСТЕР СПЕЦСЛУЖБ](#)
 - [Глава IV. БОЕЦ «НЕВИДИМОГО ФРОНТА»](#)
 - [Глава V. ТРАГЕДИЯ РАЗВЕДЧИКА ГЛИНСКОГО](#)
 - [Глава VI. НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ](#)
 - [Глава VII. ЧЕКИСТ СЫРОЕЖКИН](#)
 - [Глава VIII. ГЕНЕРАЛ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ](#)
 - [Глава IX. ИСИДОР МИЛЬГРАМ: ПУТЬ НА ГОЛГОФУ](#)
 - [Глава X. СУДЬБЕ НАПЕРЕКОР](#)
 - [Глава XI. РАЗВЕДЧИК АЛЕКСЕЕВ-ЖЕЛЕЗНЯКОВ](#)
 - [Глава XII. СОТРУДНИКИ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ, ПАВШИЕ ЖЕРТВАМИ РЕПРЕССИЙ В 1930—1940-е ГОДЫ](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
 - [Приложение 1](#)
 - [Приложение 2](#)
 - [Приложение 3](#)

Антонов Владимир Сергеевич
Расстрелянная разведка

Светлой памяти сотрудников советской внешней разведки, ставших
жертвами необоснованных репрессий в 1930-е — 1940-е годы,
ПОСВЯЩАЕТСЯ

РАССТРЕЛЯННАЯ РАЗВЕДКА (Вместо предисловия)

Повествуя об историях разведывательных операций на страницах наших изданных ранее книг, посвященных разведке, мы вынуждены были зачастую указывать, что тот или иной разведчик погиб в 1937 году или позже в результате необоснованных репрессий. Эти страшные годы, получившие в народе отрицательное прозвище «ежовщина», унесли жизни свыше половины работавших в то время разведчиков.

Однако репрессии против политических противников авторитарного сталинского режима, да и просто против лиц, в чем-то не согласных с политикой всемогущего вождя, начались гораздо раньше, практически сразу после убийства члена Политбюро ЦК ВКП (б) Сергея Мироновича Кирова, и продолжались в той или иной форме вплоть до кончины Сталина в 1953 году.

О сталинском периоде правления страной и о необоснованных репрессиях написаны горы книг, в которых — в зависимости от позиции автора — он предстает либо выдающимся государственным деятелем, либо узурпатором власти и злодеем. Мы не собираемся вступать в полемику ни с теми, ни с другими и давать собственные оценки Сталину как руководителю Советского государства в то драматическое лихолетье истории нашей страны. Наша задача скромнее и сводится к тому, чтобы показать, как отразились репрессии на закордонной деятельности внешней разведки и ее сотрудниках в предвоенные годы.

1 декабря 1934 года в 16 часов 37 минут в Смольном был убит друг и ближайший соратник И.В. Сталина, член Политбюро ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома партии Сергей Миронович Киров. По установленной версии, смертельную рану нанес ему на почве личной неприязни ревнивец Николаев, человек психически неуравновешенный. Вопреки всякого рода домыслам и спекуляциям на этот счет «детей Арбата», Сталин ни прямого, ни косвенного отношения к убийству Кирова не имел. Он полностью доверял своему другу и даже планировал перевести его в Москву на более ответственный пост. К слову сказать, когда вышла в свет книга Сталина «Вопросы ленинизма», он преподнес ее Кирову с дарственной надписью: «Моему дорогому другу, брату моему любимому от автора». Этот автограф отражал истинное отношение Сталина к своему

соратнику и не являлся политической мимикрией генсека, к которой он впоследствии, особенно после гибели Кирова, неоднократно прибегал в борьбе против своих действительных и мнимых политических противников.

Как рассказывала одному из авторов этой книги Елена Николаевна Трясунова (фамилия указана по мужу), работавшая в секретариате генсека в те драматические дни, Сталин был потрясен трагической гибелью своего самого близкого друга. У него буквально дрожали руки и срывался голос. Он все время повторял: «Что же происходит? Неужели ОНИ уже убивают нас?» Они — это троцкистско-зиновьевская оппозиция. Елена Николаевна особо отмечала, что горе Сталина было неподдельным. «Даже если бы он и был гениальным актером, — говорила она, — он не смог бы более убедительно "сыграть" эту сцену».

Мысль о том, что убийство Кирова было организовано идейно разгромленным недавно «троцкистско-зиновьевским блоком», пришла Сталину в голову не случайно. В первых донесениях 01 "НУ относительно обстоятельств убийства Кирова отмечалось, что в середине 1920-х годов Николаев голосовал за платформу Зиновьева, исключался из партии. Через свою жену Мильду Драулс он обратился к Кирову с апелляцией и был восстановлен в партии и даже устроен на работу в один из райкомов на периферии. Однако ехать «в глубинку» не захотел, к тому же приревновал Кирова к своей жене, работавшей официанткой в Смольном. 1 декабря 1934 года он по партийному билету прошел в Смольный для «решительного объяснения» с Кировым. Находясь в состоянии сильного возбуждения, он «для храбрости» взял с собой пистолет. Это естественный поступок для того времени, поскольку многие члены партии имели разрешение на ношение личного оружия. При объяснении Николаева с Кировым его охрана, догадываясь о конфиденциальном характере беседы, отошла в сторону. Тут нервы Николаева сдали и оп выстрелил в Сергея Мироновича. Выстрел оказался смертельным.

Получив известие о смерти Кирова, Сталин вместе с Молотовым, Ворошиловым и Ягодой в тот же день выехали в Ленинград. Здесь он сразу отстранил от занимаемых должностей начальника Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области Ф.Д. Медведя и его первого заместителя И.В. Запорожца, который с августа месяца болел, а в день убийства находился на излечении в Сочи. Оба чекиста были арестованы, обвинены в «преступно-халатном отношении к своим обязанностям по обеспечению госбезопасности» и осуждены на 3 года лишения свободы, а затем направлены начальниками лагерей в системе ГУЛАГа в Магадан. В

1937 году они были отозваны в Москву, вновь арестованы и расстреляны.

Вся семья Николаева, его жена Мильда Драулс и ее мать были расстреляны спустя два месяца после смерти Кирова. Были репрессированы и тысячи других лиц, не имевших никакого отношения к этому покушению. Высшие чины НКВД были прекрасно осведомлены о личной версии трагической гибели Кирова, однако они были вынуждены молчать об этом, поскольку Сталин объявил, что Кирова убили враги партии.

Сам Сталин, разумеется, вскоре понял истинные причины убийства Кирова. Однако он уже не мог дать «обратный ход» развязанному террору и, видимо, решил использовать сложившуюся ситуацию для физического устранения тех, кто хотя бы в чем-либо были не согласны с его политикой. Репрессии против политических противников Сталина были начаты по его инициативе в конце 1936 года. По его указанию нарком внутренних дел Генрих Ягода устроил избиение партийных кадров, ответственных работников органов госбезопасности, комсомола, наркоматов, других ведомств, в которых, по мнению вождя, завелись «враги народа».

Сталин, разумеется, хорошо знал, что ни Троцкий, ни Зиновьев, ни Бухарин, так же как тысячи других «оппозиционеров», никогда не были связаны с разведками иностранных государств, не организовывали по их заданию актов саботажа и диверсий, заговоров с целью развала Советского Союза и реставрации в нем капиталистического строя. Решив раз и навсегда избавиться от любого проявления инакомыслия, он не ограничивался только физическим устранением своих оппонентов, но и стремился к тому, что называлось ликвидацией политической биографии. Отсюда—громкие московские судебные процессы, инсценированные ОГПУ по заданию генсека. В ходе этих процессов подсудимые, морально и физически сломленные в застенках НКВД, признавались в таких преступлениях, которые не могли им присниться даже в самом кошмарном сне. Цель этих судебных процессов заключалась не в установлении истины, а в уничтожении малейших признаков инакомыслия и утверждении полного единовластия «вождя», чтобы путем физического и морального террора заставить всех выполнять его указания, даже ценой собственной жизни.

Сразу после убийства Кирова ВЦИК принимает решение об упрощенном рассмотрении дел, связанных с террором. Слушание этих дел отныне проходило без участия прокурора, осужденные не могли подавать кассационных жалоб на решение суда и ходатайств о помиловании. Приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно.

Фактически это было возрождением к жизни «чрезвычайных» стальнойпинских законов о военно-полевых судах.

С января 1935 года, в соответствии с распределением обязанностей в Политбюро, Сталин лично курировал органы государственной безопасности. Это означало, что ни одно назначение на номенклатурную должность в НКВД не могло состояться без его санкции. Для подготовки «большого террора» нарком внутренних дел Генрих Ягода по указанию Сталина приступил к чистке органов государственной безопасности, устраняя лиц, которые в прошлом поддерживали оппозицию и голосовали за ее платформу. Перед тем как развернуть массовые репрессии против своих оппонентов, Сталин стремился обезопасить себя от «врагов» и «троцкистов» в НКВД. По его логике, в этом не было ничего удивительного: в 1920-е годы, когда в партии существовала относительная свобода мнений, велись внутрипартийные дискуссии по наиболее важным вопросам, платформа оппозиции набирала до сорока процентов голосов чекистов. К тому же в самом начале деятельности в ВЧК работали также левые эсеры, которые привносили свое видение мира в работу этой организации.

Здесь уместно, на наш взгляд, коснуться роли личности председателя ВЧК—ОГПУ Феликса Эдмундовича Дзержинского. Сегодня некоторыми «правозащитниками» активно муссируется утверждение о том, что Дзержинский был основателем ГУЛАГа. Прямо скажем им: Дзержинский не создавал ГУЛАГ Он скончался 20 июля 1926 года, а Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (ГУЛАГ) НКВД СССР было создано лишь в 1931 году. Резкий же рост репрессий произошел во второй половине 1930-х годов, при Ежове.

Ложным также является и утверждение «правозащитников» о том, что «красный террор» в нашей стране был развязан по инициативе Дзержинского. На самом деле он был развязан в 1918 году Яковом Свердловым и Львом Троцким после убийства эсером Леонидом Каннегиссером председателя ЧК Петроградской коммуны Моисея Урицкого, и в ответ на «белый террор» контрреволюции. В ходе «красного террора» было расстреляно около 500 человек — представителей старого режима, в то время как за время «белого террора» лишь за июнь—декабрь 1918 года и только на территории 13 губерний, занятых белыми, по неполным данным, было расстреляно 23 тысячи человек. И не случайно известный деятель Белого движения и монархист В. Шульгин позже отмечал, что они «начинали борьбу почти что святые, а кончили — почти что разбойники».

Защитники собственных нрав начисто игнорируют тот факт, что в 2000 году Главным управлением исполнения наказаний (ГУИН) Министерства юстиции Российской Федерации (ныне — Федеральная служба исполнения наказаний. —Прим. авт.) была издана брошюра «Карательная политика России на рубеже тысячелетий». В ней приводится статистика, показывающая, какое число заключенных находилось в исправительных учреждениях России за сто лет — с 1898 по 1999 год. Приведем иллюстративный пример из этого документа.

1922 год. Ф. Дзержинский в то время являлся наркомом внутренних дел и председателем ВЧК. Общее количество лиц, находившихся под стражей и отбывавших наказание, составляло 70 тысяч человек (на сто тысяч человек населения приходилось 67 заключенных). И это в конце ожесточенной Гражданской войны, явившейся результатом иностранной интервенции и сопровождавшейся «белым террором», контрреволюционными заговорами и мятежами, о которых «право-защитники» почему-то не любят вспоминать.

В 1909 году, когда министром внутренних дел России был близкий сердцу демократов «великий реформатор» Петр Столыпин, в тюрьмах и на каторге содержалось 180 тысяч заключенных (140 узников на 100 тысяч человек населения). Вспомним, кстати, основные составляющие столыпинской реакции: карательные отряды для подавления массовых крестьянских выступлений в стране; свирепствовавшие военно-полевые суды, широко применявшие смертную казнь; расстрелы и виселицы (не случайно удавки для приговоренных к повешению называли тоща «столыпинскими галстуками»).

По данным упомянутой выше брошюры, в 1999 году в исправительных учреждениях России содержалось более одного миллиона человек (708 узников в расчете на 100 тысяч человек населения, иными словами, в 10 раз больше, чем при Дзержинском, и в 5 раз больше, чем при Столыпине).

Но вернемся к теме нашего исследования. Генрих Ягода уволил из органов госбезопасности 8100 человек, заподозренных в нелояльности к политике Сталина. Начались громкие судебные процессы над лидерами антисталинской оппозиции. Однако темпы расправы с инакомыслящими не устраивали генсека, который обвинял Ягodu в излишнем либерализме. 25 сентября 1936 года Сталин, находившийся вместе со Ждановым на отдыхе в Сочи, направил в Москву членам Политбюро телеграмму следующего содержания:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным назначение тов. Ежова

на пост наркомвнутдела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД».

Уже на следующий день после получения телеграммы Сталина, 26 сентября, наркомом внутренних дел стал секретарь ЦК ВКП (б) Николай Ежов. По совместительству за ним сохранялись посты секретаря ЦК и председателя Комитета партийного контроля. Одним из первых шагов Ежова на посту наркома стало указание о том, что органы госбезопасности должны развернуть чистку, начиная с самих себя.

18 марта 1937 года Ежов выступил на собрании руководящих работников наркомата внутренних дел, на котором заявил, что «шпионы» заняли в НКВД ключевые посты. Он потребовал «твердо усвоить, что и Дзержинский испытывал колебания в 1925—1926 годах. И он проводил иногда колеблющуюся политику». Это был сигнал о том, что репрессии коснутся и ближайших соратников Дзержинского. Вскоре волна арестов в НКВД захлестнула и его руководящих работников. Прежде всего, это коснулось лиц польской национальности. Руководством страны было выражено политическое недоверие внешней разведке.

В своих мемуарах «Разведка и Кремль» один из бывших руководителей внешней разведки генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов по этому поводу писал:

«Когда арестовывали наших друзей, все мы думали, что произошла ошибка. Но с приходом Деканозова (начальник внешней разведки со 2 декабря 1938 года по 13 мая 1939 года.—Прим. авт.) впервые поняли, что это не ошибки. Нет, то была целенаправленная политика. На руководящие должности назначались некомпетентные люди, которым можно было отдавать любые приказания. Впервые мы стали опасаться за свои жизни, оказавшись под угрозой самоуничтожения собственной же системой. Именно тогда я начал размышлять над природой системы, которая приносит в жертву людей, служащих ей верой и правдой.

Я считаю Ежова ответственным за многие тяжкие преступления. Больше того, он был еще и профессионально некомпетентным руководителем... Чтобы понять природу "ежовщины", необходимо учитывать политические традиции, характерные для нашей страны. Все политические кампании в условиях диктатуры неизменно приобретали безумные масштабы, и Сталин виноват не только в преступлениях, совершавшихся по его указанию, но и в том, что позволил своим подчиненным от его имени уничтожать тех, кто оказывался неугодным

местному партийному начальству на районном и областном уровнях. Руководители партии и НКВД получили возможность разрешать даже самые обычные споры, возникавшие чуть ли не каждый день, путем ликвидации своих оппонентов».

Репрессии, охватившие страну в конце 1930-х годов, нанесли огромный ущерб и советской внешней разведке. Они серьезно подорвали ее успешную в целом работу в предшествующие годы. К 1938 году были ликвидированы почти все нелегальные резидентуры, оказались утраченными связи с ценнейшими источниками информации. Некоторые из них были потеряны навсегда. Порой в «легальных» резидентурах оставалось всего 1—2 работника, как правило, молодых и неопытных. Аресты создали в коллективах обстановку растерянности, подозрительности и недоверия.

За годы «ежовщины» были арестованы практически все бывшие и действующие руководители ИНО и многие ведущие разведчики.

Так, 13 мая 1937 года был арестован выдающийся организатор контрразведки и разведки Артур Артузов. 15 июня 1937 года — Станислав Мессинг, работавший тогда уже в Наркомате внешней торговли. 21 ноября 1937 года — первый начальник советской внешней разведки Яков Давтян (Давыдов). 23 ноября 1938 года — Меер Трилиссер, являвшийся к тому времени ответственным сотрудником Исполкома Коминтерна.

Возглавивший разведку после Артузова комиссар госбезопасности 2-го ранга Абрам Слуцкий 17 февраля 1938 года внезапно скорострительно скончался в кабинете первого заместителя наркома внутренних дел М. Фриновского. А уже в апреле того же года его посмертно исключили из партии как «врага народа».

После смерти Слуцкого исполняющим обязанности начальника внешней разведки был назначен майор госбезопасности Сергей Шпигельглас. Но и он продержался в этой должности менее четырех месяцев. 9 июня 1938 года его сменил старший майор госбезопасности Зельман Пассов. А судьба Шпигельгласа была решена: 2 ноября 1938 года он был арестован, а 12 февраля 1940 года — расстрелян. Пассова же постигла та же участь спустя три дня — 15 февраля.

В это же время было подвергнуто репрессиям и большое число ведущих разведчиков. Среди них можно назвать: резидентов в Лондоне А. Чапского, Г. Графпена и Т. Малли; в Париже — С. Глинского и Г. Косенко; в Риме — М. Аксельрода; в Берлине — Б. Гордона; в Нью-Йорке — П. Гутцайта; выдающихся разведчиков-нелегалов Д. Быстролетова, Б. Базарова, Г. Сыроежкина и многих других.

Были арестованы и брошены в тюрьмы Я. Буйкис, И. Лебединский, Я. Серебрянский, И. Каминский, П. Зубов и сотни других разведчиков. Некоторым из них удалось все же выйти из заключения и успешно работать в годы Великой Отечественной войны.

Как отмечает в своем исследовании историк советских органов госбезопасности Д. Прохоров, «в результате так называемых "чисток" в 1937—1938 годах из 450 сотрудников внешней разведки (включая заграничный аппарат) были репрессированы 275 человек, то есть более половины личного состава». Этот разгром разведки привел к печальным последствиям. В результате со многими ценными агентами была прервана связь, восстановить которую удавалось далеко не всегда. Более того, в 1938 году в течение 127 дней кряду из центрального аппарата внешней разведки руководству страны не докладывалось вообще никакой информации. Случалось, что сообщения на имя Сталина некому было подписывать, и они отправлялись за подписью рядовых сотрудников аппарата разведки.

Вскоре после февральско-мартовского 1937 года пленума ЦК ВКП (б), принявшего решение о развертывании масштабных чисток, были арестованы почти все начальники управлений и отделов НКВД и их заместители. Волна репрессий коснулась не только ветеранов ВЧК, но и выдвиженцев Ягода, лиц, которые слишком много знали об истинной подоплеке московских процессов, о том, какими методами НКВД добивался признательных показаний от лидеров антисталинской оппозиции.

Кстати, определенный интерес для читателя может представить рассказ о выступлении Ежова на февральско-мартовском пленуме, который приводит в своей книге «Сталин и разведка» историк Игорь Дамаскин:

«Обсудив вопрос о вредительстве, пленум перешел к рассмотрению вражеской деятельности в самом наркомвнутделе. Обсуждение проходило на закрытом заседании, в отсутствие приглашенных на пленум лиц.

Начало доклада Ежова было довольно спокойным. Он даже заявил о сужении "изо дня в день вражеского фронта" после ликвидации кулачества, когда отпала необходимость в массовых арестах и высылках, которые производились в период коллективизации.

Затем нарком перешел к нападкам на существующую тюремную систему для политзаключенных (так называемые политизоляторы). Он привел цитату относительно обследования Суздальского политизолятора: "Камеры большие и светлые, с цветами на окнах. Есть семейные комнаты... проводятся ежедневные прогулки мужчин и женщин по 3 часа (смех Берии: "Дом отдыха! ") ". Упомянул Ежов и спортивные площадки, полки для книг

в камерах, усиленный паек, право отбывать наказание вместе с женами (сейчас трудно поверить, что в начале 1937 года в изоляторах для политзаключенных существовали такие условия. — *Прим. авт.*). Указал он и на практику смягчения наказаний, отмстив, например, что из 87 осужденных в 1933 году по делу Смирнова девять человек—выпущены на свободу, а для шестнадцати — тюрьма заменена ссылкой.

Заявление Ежова вызвало возмущение участников пленума. Бедняги, они не знали, что вскоре многим из них придется оказаться в местах не столь отдаленных...

Ежов заявил, что с момента своего прихода в НКВД он арестовал 238 работников наркомата, ранее состоявших в оппозиции. Другим контингентом арестованных чекистов были "агенты польского штаба"...

Резолюция по докладу Ежова повторяла формулировку телеграммы Сталина и Жданова из Сочи о запоздании с разоблачением троцкистов на 4 года и указывала, что "НКВД уже в 1932—1933 годах имел в своих руках все нити для того, чтобы полностью вскрыть чудовищный заговор троцкистов против советской власти".

Резолюция требовала ужесточить режим содержания политзаключенных и обязала НКВД "довести до конца дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма с тем, чтобы подавить малейшие проявления антисоветской деятельности"».

В связи с тем, что большая группа работников НКВД была отмечена правительственными наградами за активное участие в кампании 1937 года по борьбе с «врагами народа», Н. Ежов заявил: «Мы должны сейчас так воспитать чекистов, чтобы это была тесно спаянная и замкнутая секта, безоговорочно выполняющая мои указания». На смену старым чекистам были выдвинуты молодые кадры, не имевшие опыта работы, от которых требовалось безоговорочное выполнение указаний наркома. Как позднее вспоминал один из бывших сотрудников центрального аппарата НКВД, Ежов требовал от него репрессировать как можно больше людей, чтобы было чем отчитаться перед Сталиным.

Июльский 1937 года пленум ЦК ВКП (б) предоставил НКВД чрезвычайные полномочия в борьбе с «врагами народа». До этого пленума применение пыток на допросах обвиняемых было запрещено. В июле 1937 года Сталин послал в партийные органы секретную директиву Политбюро о применении при допросах физических мер воздействия. Она разъясняла только что занявшим свои посты партийным руководителям республиканского и областного масштаба, что пытки и избиения санкционированы Политбюро ЦК ВКП (б).

Поскольку запросы по этому поводу поступали в ЦК от местных партийных органов постоянно, 10 января 1939 года Сталин разослал секретарям республиканских и областных парторганизаций, а также руководителям республиканских наркоматов и управлений НКВД шифрованную телеграмму, в которой, в частности, говорилось:

«ЦК ВКП (б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с разрешения ЦК ВКП (б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП (б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и не разоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

На практике, к сожалению, пытки и избиения были не исключением, а правилом. При этом Сталина несколько не смущал тот факт, что такие методы «выколачивания» признательных показаний используют отнюдь не все буржуазные «разведки», а только карательные органы фашистских государств, соревноваться с которыми социалистическому государству просто не пристало.

Чтобы у читателей не возникла мысль о том, что и сама внешняя разведка занималась репрессиями в отношении инакомыслящих, сразу поясним, что в 1930-е годы под термином «разведка» понимались органы госбезопасности вообще. При этом контрразведка на профессиональном языке того времени называлась «внутренней разведкой», в отличие от внешней разведки, которая действовала за рубежом по трем основным направлениям: политическому, экономическому и научно-техническому. Что же касается непосредственно репрессий против «врагов народа», то этим занималось Секретно-политическое управление (СПУ) НКВД, которое проводило аресты подозреваемых и осуществляло следственные мероприятия в отношении арестованных.

Уже в первые месяцы «великой чистки» аппарат НКВД на местах был значительно расширен. Одновременно Сталин, лично курировавший органы госбезопасности, позаботился о том, чтобы значительно улучшить материальное положение чекистов. На заре советской власти чекисты в материальном отношении были обеспечены весьма недостаточно. Любые кампании по сбору средств в помощь бастующим шахтерам Англии,

узникам капитала, в фонды МОПР и т.п., как правило, начинались с чекистов как наиболее сознательного отряда граждан Советской республики, «обязанных быть в первых рядах». Чекисты-пограничники жили в землянках, нуждаясь в самом необходимом. Не лучше было и положение остальных сотрудников органов госбезопасности, которые месяцами не получали денежного вознаграждения за свой нелегкий труд, часто связанный с риском для жизни.

Однако меры, предпринятые Сталиным в 1937 году, были призваны не столько улучшить жизнь, сколько материально развратить чекистов, превратить их в особую касту, дорожащую своими привилегиями. Оклады работников НКВД в 1937 году были существенно увеличены и стали превышать даже оклады партийных работников. Кроме высоких окладов, в НКВД была создана специальная сеть магазинов, в которых по низким ценам продавалось конфискованное имущество арестованных. Как вспоминал выдающийся разведчик-нелегал Дмитрий Быстролетов, при его аресте сотрудники СПУ, не стесняясь его присутствия, вслух рассуждали о том, кто и что возьмет из его вещей.

Следует однако отметить, что среди новобранцев НКВД «сталинской волны» было немало людей, которых буквально ошеломила обстановка беззакония и произвола, царившая в органах госбезопасности. Некоторые из них даже сходили с ума или кончали жизнь самоубийством. В сентябре 1938 года покончил с собой секретарь Ежова. Он застрелился, катаясь на лодке по Москве-реке. Многие работники НКВД, участвовавшие в «большой чистке», сами погибли в вакханалии «ежовщины». За 1934—1939 годы 21 800 сотрудников Наркомата внутренних дел были репрессированы по обвинению в «контрреволюционных преступлениях», в том числе сотни разведчиков. Это были чекисты, пытавшиеся оказывать сопротивление беззаконию, т.е. кто слишком много знал о репрессиях, а также организаторы «липовых дел», арестованные в конце 1938 — начале 1939 года.

Осенью 1938 года Сталину стало ясно, насколько массовые чистки ослабили советские органы безопасности. К тому же в ЦК ВКП(б) поступали многочисленные письма от партийных руководителей на местах и простых граждан, в которых обращалось внимание на беззаконие и произвол, творившиеся «ежовцами». Ежов выполнил свою миссию, и Сталин решил им пожертвовать, возложив на него ответственность за разгул террора в стране.

Первым признаком того, что карьере Ежова пришел конец, стало его назначение 8 апреля 1938 года по совместительству наркомом водного

транспорта. В августе того же года первым заместителем наркома внутренних дел и одновременно начальником Главного управления государственной безопасности, в состав которого входила и внешняя разведка, был назначен Лаврентий Берия, являвшийся 1-м секретарем Тбилисского горкома КП (б) Грузии, а до этого длительное время работавший в органах ВЧК—ГПУ Закавказья.

17 ноября 1938 года Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило на своем заседании секретное постановление СНК и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», явившееся, по сути, предвестником конца «ежовщины». В документе, в частности, отмечалось:

«Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937—1938 годах при упрощенном ведении следствия и суда, не могла не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и прокуратуры.

Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительской работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых лимитов для производства массовых арестов. Глубоко укоренился упрощенный порядок расследования, при котором следователь, как правило, ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными. Нередко показания арестованных записываются в виде заметок, а затем спустя продолжительное время составляется общий протокол, причем совершенно не выполняется требование о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока обвиняемый не признается в совершенных им преступлениях».

Постановлением от 17 ноября 1938 года органам НКВД и Прокуратуре запрещалось проводить какие-либо массовые аресты и выселения, а сами аресты предписывалось осуществлять в соответствии с Конституцией страны только по постановлению суда или с санкции прокурора. В центре и на местах ликвидировались судебные «тройки». В то же время в документе подчеркивалось, что «очистка СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров должна продолжаться, но с использованием более совершенных и надежных методов».

В тот же день Ежов направил Сталину докладную записку, в которой

кался в том, что «не завершил разоблачение заговорщиков из НКВД». Вопреки всякой логике, в его письме отмечалось, что «заговорщикам удалось завербовать не только верхушку ЧК, но и среднее звено, а часто и низовых работников». Ежов подчеркивал, что «инострannую разведку, по существу, придется создавать заново, поскольку весь ИностраннЫй отдел НКВД оказался засоренным шпионами».

23 ноября в кабинете Сталина Ежов написал заявление в Политбюро ЦК ВКП (б), в котором просил освободить его от должности наркома внутренних дел СССР. Просьба Ежова была удовлетворена. Новым наркомом внутренних дел стал Лаврентий Берия.

Репрессии против чекистских кадров пошли на убыль, но полностью не прекратились. Еще будучи первым заместителем наркома внутренних дел, Берия запросил у председателя Военной коллегии Верховного суда СССР Ульриха данные о деятельности этого судебного органа. В полученном ответе говорилось:

«За время с 1 октября 1936 года по 30 сентября 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР и выездными сессиями коллегии в 60 городах осуждено:

- к расстрелу — 30 514 человек;
 - к тюремному заключению — 5643 человека.
- Всего — 36 157 человек».

Колоссальный урон сталинскими репрессиями был нанесен и Красной Армии. Июньский процесс 1937 года над мнимыми участниками «заговора генералов» во главе с маршалом Тухачевским привел к разгрому военных кадров. 29 ноября 1938 года нарком обороны Ворошилов на заседании Военного совета признал, что за 1937—1938 годы из армии было вычищено свыше 40 тысяч человек. Объективности ради скажем, что не все они были расстреляны. Накануне и в ходе войны в строй было возвращено свыше 30 тысяч «вычищенных» офицеров. С июня 1937 по сентябрь 1938 года было репрессировано около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов и командующие военными округами. За малым исключением, были арестованы все начальники управлений и другие ответственные работники Наркомата обороны и Генерального штаба, все начальники военных академий и институтов, все руководители военно-морского флота и командующие флотами и флотилиями.

Вслед за Тухачевским были расстреляны все маршалы Советского Союза, за исключением Ворошилова, Буденного и Шапошникова. Маршал Блюхер был забит до смерти на допросе в Лефортовской тюрьме в связи с

отказом признать себя виновным в шпионаже в пользу Японии.

Из 408 работников руководящего и начальствующего состава Красной Армии, осужденных Военной коллегией Верховного суда СССР, 401 был приговорен к расстрелу и только семь—к различным срокам тюремного заключения. Из репрессированных командиров бригадного — корпусного звена было расстреляно 643 человека, 63 умерли под стражей, 8 покончили жизнь самоубийством и 85 отбыли длительные сроки тюремного заключения.

В этот же период массовых репрессий в армии было уничтожено все руководство Разведывательного управления и все начальники отделов военной разведки (один армейский комиссар 2-го ранга, два комкора, четыре корпусных комиссара, три комдива и два дивизионных комиссара, 12 комбригов и бригадных комиссаров, 15 полковников и полковых комиссаров) — 39 человек высшего командного состава с большим опытом разведывательной работы.

Авторы книги «Империя ГРУ» А. Колпакиди и Д. Прохоров приводят обращение к наркому обороны К.Е. Ворошилову исполнявшего обязанности начальника 1-го отдела Разведывательного управления полковника А.И. Старунина и заместителя начальника отдела по агентуре майора Ф.А. Феденко, в котором, в частности, говорится:

«В результате вражеского руководства в течение длительного периода времени РККА фактически осталась без разведки. Агентурная нелегальная сеть, являющаяся основой разведки, почти вся ликвидирована... Реальных перспектив на ее развертывание в ближайшее время нет. Итак, накануне крупнейших событий мы не имеем "ни глаз, ни ушей". В управлении есть немало людей, знающих работу, которые могли бы внести в дело развертывания агентуры новую большевистскую струю, но система, косность, трусость и ограниченность так называемых руководителей глушат здравые начинания и инициативу людей».

В результате предвоенных репрессий Красная Армия лишилась большего числа военачальников высшего звена, чем за все годы Великой Отечественной войны. Армия была деморализована. Ни один командир не принимал самостоятельных решений. В почете были безграмотные с военной точки зрения, но идеологически «правильные» решения. Так, Красная Армия победила в Гражданской войне во многом благодаря тому, что стратегические запасы вооружений и обмундирования Русской армии в период Первой мировой войны концентрировались в складах примерно на линии Волги. Там же, в Казани, находился и золотой запас России. Эти вооружения и амуниция достались большевикам и сыграли значительную

роль в победе, поскольку в условиях хозяйственной разрухи и Гражданской войны организовать «с нуля» военное производство в стране, находившейся в кольце врагов, было просто невозможно.

Накануне Великой Отечественной войны, когда граница СССР была перемещена на Запад, начальник Главпура Лев Мехлис и маршал Кулик, отвечавшие за вооружение Красной Армии, предложили Сталину сконцентрировать запасы боевой техники, вооружения и обмундирования в непосредственной близости от границы, поскольку, согласно военной доктрине того времени, Красная Армия должна была воевать «малой кровью» и на чужой территории. Сталин утвердил это безграмотное, но идеологически безупречное предложение. В результате этого решения, а также грубейших ошибок и просчетов тогдашнего советского военного командования только в первые дни войны Красная Армия потеряла 67 процентов стрелкового оружия, 91 процент танков и САУ, 90 процентов боевых самолетов, 90 процентов орудий и минометов, находившихся на ее вооружении в предвоенное время.

В разгар битвы за Москву Молотов, курировавший оборону Западного фронта, в ответ на просьбы военачальников дать им хотя бы винтовки отвечал, что винтовок нет. Он рекомендовал им в борьбе с танками противника шире использовать бутылки с зажигательной смесью, которые в дальнейшем получили название «коктейль Молотова». Защитники же Москвы задавали себе вопрос: куда подевалось грозное вооружение, которое имелось в армии накануне войны?

Хорошо также известно, что многие германские генералы, памятуя о «завещании генерал-полковника Секта», который считал, что войну с Советским Союзом можно выиграть либо в течение трех месяцев, либо никогда, поскольку СССР располагает огромной территорией, гигантскими природными ресурсами, значительным населением и производственной базой, предостерегали Гитлера от войны с Советами. В ответ Гитлер приводил лишь один контраргумент: в результате уничтожения командного состава Красная Армия стала слабее, чем в 1935 году. 23 ноября 1939 года, выступая на секретном совещании руководства вермахта, Гитлер охарактеризовал СССР как ослабленное в результате внутренних процессов государство. «Фактом остается то,—заявил он приближенным генералам,— что в настоящее время боеспособность русских вооруженных сил — незначительная. На ближайшие год или два нынешнее состояние сохранится».

Гитлер, к сожалению, оказался частично прав. Перевес в вооружениях и военной стратегии Красной Армии над его воинством наступил только в

1943 году, после сражений под Сталинградом и на Курской дуге. Однако цена этот перевеса была невероятно высокой. Только в 1941 году из-за ошибок Сталина и просчетов Верховного командования Красная Армия потеряла военнопленными 3,5 миллиона человек. В следующем, 1942 году, немцы захватили в плен полтора миллиона красноармейцев. А все потери Советского Союза в Великой Отечественной войне составили 27 миллионов человек. Таких потерь Россия и Русская Армия не знали даже в годы Первой мировой войны.

Какова же численность жертв «большого террора»? Обратимся к официальному документу, подготовленному 1 февраля 1954 года для Н.С. Хрущева и приведенному в одной из своих публикаций свердловским исследователем Виктором Черноскутовым:

«Секретарю ЦК КПСС тов. Хрущеву Н.С. В связи с поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц, в соответствии с вашими указаниями о необходимости пересмотреть дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах, докладываем:

С 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере — 642 980 человек, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2 369 220 человек, в ссылку и высылку — 765 180 человек.

Из общего количества осужденных, ориентировочно, осуждено: 2 900 000 человек—Коллегией ОГПУ, "тройками" НКВД и Особым совещанием; 877 000 человек — судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной коллегией.

Генеральный прокурор Р. Руденко.

Министр внутренних дел С. Круглов.

Министр юстиции К. Горшенин».

Итак, как явствует из приведенного документа, всего с 1921 по начало 1954 года по политическим обвинениям было приговорено к смертной казни 642 тысячи 980 человек, к лишению свободы — 2 миллиона 369 тысяч 220 человек, к ссылке—765 тысяч 180 человек (но отнюдь не «десятки миллионов», как об этом в последние годы талдычат по всем каналам центрального российского телевидения записные «демократы». — *Прим. авт.*)

Близкие к цифрам, упомянутым в приведенном выше документе — 3 778 234 репрессированных, в том числе 786 098 расстрелянных — впервые были обнародованы в 1990 году руководством тогдашнего КГБ СССР.

Много это или мало? Разумеется, даже один расстрелянный невинный

человек с точки зрения здравого смысла — это много. Каждый невинно пострадавший от политических репрессий — весомая часть великой трагедии нашей страны. Однако даже в наше время, когда ГУЛАГ канул в Лету, в тюрьмах демократической России содержится примерно один миллион человек. По данным члена Комитета по безопасности Государственной думы генерал-лейтенанта Александра Гурова, ежегодно в России обнаруживают 40— 42 тысячи неидентифицированных трупов, а еще 50 тысяч человек кончают жизнь самоубийством. Иными словами, если так будет продолжаться и далее, за тридцать лет, примерно соответствующих периоду правления Сталина, от рук бандитов погибнет около 1,2—1,5 миллиона человек, что превышает число людей, расстрелянных по приказу Сталина в 1930-е годы.

* * *

Уже в первые месяцы своего пребывания на посту наркома внутренних дел Берия расставил на ключевые посты своих людей, прибывших вместе с ним из Грузии. Кроме того, им была проведена «чистка» ежовских кадров, занимавших руководящие посты в НКВД как в центре, так и на местах. Помимо Николая Ежова, расстрелянного 4 февраля 1940 года, такая же участь постигла Михаила Фриновского, Бориса и Матвея Берманов, Станислава Рсденса, Леонида Заковского, Семена Жуковского, Александра Радзивиловского, Льва Вельского и других руководящих сотрудников наркомата.

В то же время новый нарком пошел на некоторые послабления. В течение 1939 года из лагерей было выпущено 223 800 осужденных, а еще 103 800 человек вернулись из колоний-поселений. Среди освобожденных были будущий Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский, будущий Герой Советского Союза генерал армии Александр Горбатов и вице-адмирал Георгий Холостяков, академик и адмирал Аксель Берг, академик Лев Ландау, осужденный за распространение листовок антисталинского содержания.

Однако необоснованные репрессии не прекратились. Были произведены новые аресты и во внешней разведке. Для подготовки смены репрессированным разведчикам Берия объявил призыв в НКВД «лучших комсомольцев». Накануне войны именно эти «новобранцы» стали тем костяком, который в условиях полного погрома Сталиным и Ежовым органов внешней разведки воссоздавали ее. Именно молодые лейтенанты и

капитаны, призванные по комсомольскому и партийному наборам во внешнюю разведку, обеспечивали в годы Великой Отечественной войны ее успешную деятельность.

Разгром внешней разведки незадолго до начала Второй мировой войны нанес серьезный урон государственной безопасности нашей страны. После отстранения Ежова от должности наркома внутренних дел в НКВД была направлена специальная проверочная комиссия из ЦК ВКП (б). Она была призвана выяснить, как разоблачаются «изменники и авантюристы», проникшие во внешнюю разведку и «обманывавшие партию и государство». Каждый сотрудник разведки подлежал тщательной проверке. Члены комиссии во главе с В. Деканозовым интересовались в первую очередь связями сотрудников с троцкистами и другими «врагами народа».

Новые руководители пришли в разведку по партийному набору. Среди них были партийные активисты, выпускники академии РККА имени М.В.Фрунзе, гражданских вузов. Был среди них и будущий начальник внешней разведки 32-летний старший майор госбезопасности Павел Фитин, который руководил ее работой все годы военного лихолетья.

В паправленном руководству НКГБ отчете о работе внешней разведки с 1939 по 1941 год начальник разведки Павел Матвеевич Фитин писал:

«К началу 1939 года в результате разоблачения вражеского руководства в то время Иностранного отдела почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке. Ни о какой разведывательной работе за кордоном при этом положении не могло быть и речи. Задача состояла в том, чтобы, наряду с созданием аппарата самого отдела, создать и аппарат резидентур за кордоном».

Чтобы восстановить кадровый состав внешней разведки, требовалось организовать специальную подготовку ее молодых сотрудников. Жизнь диктовала необходимость создания специального учебного заведения. И 3 октября 1938 года нарком внутренних дел издал приказ об организации Школы особого назначения (ШОН) для централизованной подготовки разведывательных кадров.

В воспоминаниях П.М. Фитина, опубликованных после его смерти в «Очерках истории российской внешней разведки», по этому поводу говорится:

«В соответствии с решением Центрального Комитета партии от 1938 года "Об улучшении работы Иностранного отдела НКВД" нам пришлось значительно перестраивать деятельность разведки.

Данное решение было вызвано создавшимся ненормальным

положением в органах государственной безопасности, и в первую очередь в разведке. В 1930-х годах сложилась обстановка недоверия и подозрительности ко многим чекистам, главным образом к руководящим работникам, не только центрального аппарата, но и резидентур Иностранного отдела за кордоном. Их обвиняли в измене Родине и подвергали репрессиям. В течение 1938—1939 годов почти все резиденты ИНО за кордоном были отозваны в Москву и многие из них — репрессированы.

Обстановка настоятельно требовала принятия неотложных мер по перестройке всей работы внешнеполитической разведки. В марте 1938 года в органы государственной безопасности Центральный Комитет партии мобилизовал около 800 коммунистов с высшим образованием, имевших опыт партийной и руководящей работы. После обучения на ускоренных курсах Школы особого назначения их направили как в центральный аппарат, так и в периферийные органы. Большая группа выпускников ускоренных курсов, в которой находился и автор этих строк, была отобрана для работы в 5-м (разведывательном) отделе ГУГБ НКВД СССР.

Влившиеся в разведку новые кадры вместе с оставшимися на работе чекистами-разведчиками образовали монолитный сплав опыта и молодого задора. Их задача состояла в том, чтобы улучшить разведывательную работу за кордоном.

В результате принятых мер в предвоенные годы удалось укомплектовать около 40 резидентур за кордоном и направить в них более 200 разведчиков, а также вывести на нелегальную работу многих кадровых чекистов. Это сразу же сказалось на результатах».

Новое руководство внешней разведки действительно предприняло энергичные меры по восстановлению загранаппаратов, деятельность которых была парализована в результате многочисленных чисток, и укреплению центрального аппарата разведки. За короткий предвоенный срок Фитину удалось не только залечить раны, нанесенные разведке необоснованными репрессиями, но и значительно активизировать ее деятельность, в первую очередь — за рубежом, сосредоточив внимание на подборе руководителей резидентур. В течение 1939—1940 годов за рубеж были направлены такие опытные разведчики, как М. Аллахвердов, В. Зарубин, Е. Зарубина, А. Коротков, Б. Рыбкин, З. Воскресенская-Рыбкина, Д. Федичкин.

К середине 1940 года в центральном аппарате разведки в Москве работали уже 695 человек, а 242 разведчика были командированы за границу. Удалось укомплектовать 40 резидентур. Наиболее крупными из

них были резидентуры в США, Финляндии, Германии. Однако полностью завершать реорганизацию разведки, создавать условия для ее работы в боевых условиях, чем занимался еще в начале 1930-х годов выдающийся организатор разведки Артузов, Павлу Фитину пришлось уже в ходе войны. Молодые лейтенанты и капитаны, пришедшие во внешнюю разведку накануне войны, с честью справились с этой нелегкой задачей, снабжая высшее советское руководство необходимой политической, военной и научно-технической информацией. Они сумели переиграть нацистские спецслужбы и внесли свой вклад в Великую Победу над гитлеровской Германией и ее сателлитами.

* * *

Замысел этой книги родился у авторов довольно давно. Нам пришлось изучить сотни документов, просмотреть тысячи фотографий разведчиков, ставших жертвами «большого террора», переговорить с немногими ветеранами внешней разведки, уцелевшими в мясорубке «ежовщины». Откровенно признаемся, эту книгу было нелегко писать, хотя бы потому, что на тему о сталинских репрессиях и так уже существуют горы литературы. К сожалению, более или менее объективного описания трагических страниц нашей истории 1930-х годов прошлого столетия не так уж много. О репрессиях же против внешней разведки и ее сотрудников, ставших первыми невинными жертвами «большого террора», пока написано еще до обидного мало. Разумеется, в этой книге мы не можем даже кратко рассказать о жизни и судьбах всех чекистов-разведчиков, ставших жертвами кровавой вакханалии расправ. Сложно даже перечислить их имена, так как не все они пока известны. Можно лишь констатировать, что подавляющее большинство из них были достойными людьми. Они любили и ненавидели, делали ошибки и исправляли их, совершенствовали свое разведывательное мастерство и выполняли задания Центра. Они не знали за собой вины, потому что добросовестно исполняли свой долг и считали себя строителями нового мира, который нужно оберегать от многочисленных реальных врагов.

Люди, о которых рассказывается в книге, служили не Сталину и не Берии, а Отечеству, Отчизне.

Многих героев книги нельзя судить по законам нашего времени. Они являлись людьми своей эпохи. И даже если бы они не стали разведчиками, то добились бы заметного успеха в какой-то другой сфере, поскольку все

они были личностями неординарными. В то же время их трагедия заключалась в том, что они погибли не от рук действительных врагов. Все они пали от рук своих же товарищей, став невинными жертвами ожесточенной борьбы за власть, которой сопровождается каждая социальная революция.

Известный публицист Виктор Кожмяко, очень удачно, как нам кажется, написал по этому поводу:

«То время уже отдалилось и объективных свидетелей остается все меньше. Главное — это не только наиболее героический, но и наиболее сложный, противоречивый период нашей истории, полный драматизма и трагедийности. Вот почему выдающийся современный мыслитель Вадим Кожин, недавно ушедший от нас, обращаясь к тому времени, особенно настаивал: не критиковать надо прошлое, которое уже состоялось, а понять!»

Публикуя биографические очерки о некоторых наиболее видных разведчиках, павших жертвами неистового разгула репрессий, мы помещаем в конце нашего скромного труда «Книгу памяти», в которой приводим краткие биографические данные на их коллег, также ставших жертвами «большого террора».

А предварить рассказ о разведчиках 1930-х годов мы хотели бы, с разрешения автора, стихотворением талантливого русского поэта и нашего большого друга Анатолия Пшеничного, которое, как нам кажется, органично отвечает содержанию всей книги.

ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ

Мы — жертвы репрессий.

Вы, кажется, так

Теперь называете нас?

И, судя по прессе, —

Развеялся мрак

И пробил положенный час.

С пакетов молчанья

Осыпался клей

И хрустнул на ваших зубах!

Да только не стало,

Не стало светлей

В нечитанных наших гробах.

Козда спозаранку

Стучали к нам в дверь,

Вонзая в рассвет голоса,

Мы вместо прощанья
Шептали: «Не верь!»,
Целуя родные глаза.
И капли в следы
Нам вколачивал дождь,
И тлели распятия рам!..
И щурился в спины нам
Бдительный вождь
С портретов по красным углам.
Но в лагерных дебрях
И в камерной мгле
Мы гнали сомнений мираж.
И верили свято,
Что нет на земле
Судьи справедливей, чем наш...
Но не докричатся —
Кричи не кричи,
Не выжить —
Молчи не молчи!..
И, бросив щиты, обнажили мечи
Улыбчивые палачи.
Лучиною тлела
Надежда в груди
И вновь успевала сгореть.
И черной звездой плыла впереди
Свобода — по имени Смерть.
Но были мы вместе
С любимой страной,
Как с материком острова!..
«Вы жертвою пали в борьбе роковой...» —
Вы помните эти слова?
У вас на земле —
Новостроек леса,
На травах могильных — роса...
У ваших вождей
Молодые глаза
И ветер летит в паруса...
С пакетов молчанья
Осыпался клей

И хрустнул на ваших зубах!
Да только не стало,
Не стало светлей
В несчитанных наших гробах.

Глава I. У ИСТОКОВ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Победа Октябрьской революции и возможный выход России из Первой мировой войны встретили враждебное отношение в лагере Антанты. С первых дней триумфального шествия советской власти по стране ведущие державы этого блока—Англия, Франция, Италия, Япония и США — организовали заговор против Советской России, предусмотрев, в частности, арест советского правительства и убийство В.И. Ленина. «заговор послов» был успешно ликвидирован чекистами благодаря энергичным мерам, предпринятым Ф.Э. Дзержинским. Страны Антанты организовали вооруженную интервенцию против своей бывшей союзницы. Началась Гражданская война. Советская Россия сумела разгромить интервентов и изгнать их из страны.

Однако никто не мог гарантировать, что внешние заговоры против Страны Советов на этом прекратятся, поэтому созданная еще 20 декабря 1917 года Всероссийская чрезвычайная комиссия уделяла неизменное внимание получению разведывательной информации из-за рубежа. В начале 1918 года Дзержинский направляет со специальным разведывательным заданием в Финляндию сотрудника ВЧК Филиппова. Позже по поручению Дзержинского в Турцию с разведывательным заданием выезжает спецгент ВЧК Султанов. По заданию особых отделов, созданных в декабре 1918 года, сотрудники и агенты ВЧК направляются в тылы германских войск на Украине, в Прибалтике и в Белоруссии для ведения разведки и организации партизанских отрядов.

В то же время в Москве понимали, что решить вопросы, связанные с ведением закордонной разведки в стане противника, только путем засылки агентуры за линию фронта было нельзя. Поэтому осенью 1920 года, проанализировав причины поражения Красной Армии в войне с панской Польней, Политбюро ЦК РКП (б) пришло к выводу о необходимости для страны иметь надежную разведку. Было принято решение о создании самостоятельной разведывательной службы внутри органов ВЧК. Исходя из этого решения партии, 20 декабря 1920 года Ф.Э. Дзержинский подписал приказ № 169 «О создании Иностранного отдела (ИНО) ВЧК». Исполняющим обязанности начальника ИНО стал Яков Христофорович Давыдов (настоящая фамилия — Давтян).

Родился Яков Давтян 10 октября 1888 года в селе Верхние Акулисы Нахичеванского края в семье крестьянина, занимавшегося мелкой торговлей и садоводством. Отец мальчика умер, когда ему исполнилось всего два года, и мать с двумя детьми на руках осталась без средств к существованию. Вскоре брат матери, служивший в Тифлисе, взял Якова в свой дом на воспитание. Яков поступил в лучшую в городе 1-ю Тифлисскую гимназию. Интересно отметить, что одновременно с Яковым Давтяном в этой гимназии в 1900—1903 годах учился будущий замечательный русский поэт Николай Гумилев.

В 1905 году 17-летний Яков вступил в партию большевиков. Вел работу в ученических и рабочих кружках, находился под негласным надзором полиции.

В 1907 году Я. Давтян окончил гимназию и приехал в Петербург, чтобы поступить в Петербургский университет. Одновременно принимал активное участие в деятельности Петербургской организации РСДРП (б): являлся членом бюро райкома, а затем—членом горкома партии. Работал в ее военной организации, в редакции газеты «Голос казармы», вел агитацию среда солдат.

В конце 1907 года Яков Давтян был арестован полицией «за революционную деятельность». В мае 1908 года был выпущен из тюрьмы под залог и эмигрировал из России в Бельгию, где продолжил учебу в Политехническом университете и получил инженерное образование. Являлся членом Бельгийской социалистической партии и сотрудничал с ее печатными изданиями. Вместе с видным революционером М.М. Литвиновым участвовал в работе русских эмигрантских организаций. В Бельгии он подружился с известной революционеркой Инессой Арманд, проживавшей там в эмиграции.

1 августа 1914 года началась Первая мировая война. Германская армия вероломно вторглась на территорию нейтральной Бельгии и вскоре оккупировала ее. В 1915 году Яков Давтян был арестован германскими оккупационными властями «за ведение антигерманской агитации» и заключен в тюрьму города Аахен. Провел восемь месяцев в одиночной камере, затем был переведен в лагерь для интернированных, находившийся на территории Германии. За неоднократные попытки побега был направлен в штрафной лагерь.

В августе 1918 года, через пять месяцев после подписания Россией Брестского мира с Германией, Яков Давтян по ходатайству первого советского полпреда в Берлине А.А. Иоффе был освобожден немцами из лагеря для военнопленных и вернулся в Россию. В сентябре того же года он

становится заместителем председателя Московского губсовнархоза, который возглавляла Инесса Федоровна Арманд, и фактически руководит его работой. К этому периоду относится и его сотрудничество с газетой «Правда», в которой Яков Христофорович публиковал статьи на экономические и политические темы.

В феврале 1919 года партия направляет Я. Давтяна в составе миссии Российского Красного Креста во Францию для решения вопроса о возвращении на родину солдат и офицеров 40-тысячного Русского экспедиционного корпуса. В миссию, которую возглавлял видный революционер Д.З. Мануильский, входила также и И.Ф. Арманд, долгие годы проживавшая в этой стране. Поначалу французы враждебно встретили посланцев революционной России, однако затем были вынуждены согласиться отпустить на родину русских солдат, оказавшихся на чужбине.

В мае 1919 года Яков Давтян и Инесса Арманд сошли с борта французского парохода в Новороссийском порту. Усевшись в пролетку, они собрались было отправиться в путь, но вдруг с трапа парохода сбежал бородатый солдат и, схватив рысака под узцы, громко крикнул: «Товарищи! Не уезжайте! Одну минуточку!»

Седоки повернулись в сторону парохода, и с палубы корабля, как раскаты грома, донеслось троекратное «ура!». Это русские солдаты, возвратившиеся на родину, благодарили Давтяна и Арманд за свое вызволение.

Возвратившись в Москву, Давтян обратился в ЦК партии с просьбой предоставить ему работу с учетом приобретенного зарубежного опыта. В июне 1919 года он был направлен на Украину в качестве особоуполномоченного Совета обороны для инспекции политотделов военных учреждений. В связи с отступлением Красной Армии из Киева в августе 1919 года ему был выдан мандат следующего содержания:

«Тов. Давтяну поручается восстановление порядка в районе Киевского железнодорожного узла, прекращение бесчинств войсковых эшелонов, задержание дезертиров, выселение из вагонов всех лиц, коим по штатам ими пользоваться не положено. Тов. Давтян имеет право ареста с последующим преданием суду состоящего при нем Ревтрибунала всех не подчиняющихся его распоряжениям, право пользования прямыми проводами, телефонным, телеграфным, право проезда в любом поезде и пользования отдельным паровозом».

В сентябре 1919 года Давтян был направлен на Южный фронт начальником политотдела 1-й Кавказской кавалерийской дивизии. В начале 1920 года Давтяна вновь отзывают в Москву, теперь уже для работы в

Наркомате иностранных дел. Через несколько дней он назначается на должность первого секретаря советского полпредства в Ревеле (Таллине) и направляется туда в командировку. Затем из Ревеля его переводят в Лондон секретарем делегации Л.Б. Каменева.

После возвращения из Лондона в октябре 1920 года Яков Христофорович работает в центральном аппарате НКВД заведующим отделом прибалтийских стран и Польши и одновременно является членом коллегии наркомата. По рекомендации И.Ф. Арманд на молодого дипломата обратил внимание Ф.Э. Дзержинский. По его ходатайству Оргбюро ЦК РКП (б) на заседании 12 ноября 1920 года принимает решение «откомандировать Давтяна Я.Х. в распоряжение ВЧК», где, как предполагалось, он должен был возглавить создаваемый Иностранный отдел (внешнюю разведку).

Дело это было новое и связанное с многочисленными трудностями. Не хватало грамотных сотрудников, владевших секретами чекистского мастерства, навыками ведения разведработы за рубежом и свободно говоривших на иностранных языках. Скучным был и бюджет внешней разведки, а задачи перед ней стояли большие. Сам Давтян, правда, имел некоторый опыт работы за рубежом, в основном по линии НКВД, однако разведка, которой он должен был руководить, была для него «terra incognita». К тому же первому организатору ИНО ВЧК в ту пору было всего 32 года.

Поскольку Яков Христофорович числился сразу за двумя ведомствами, было решено, что в целях конспирации в ИНО ВЧК он будет работать под фамилией Давыдов.

В приказе Ф.Э. Дзержинского о создании Иностранного отдела ВЧК, в частности, указывалось:

«1. Иностранный отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранного отдела ОО ВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного отдела ВЧК.

3. Иностранный отдел ВЧК подчинить начальнику Особотдела тов. Менжинскому.

4. Врид. начальника Иностранного отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума штаты Иностранного отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем отделам ВЧК производить только через Иностранный отдел».

Давтян активно включился в процесс разработки Положения об Иностранном отделе ВЧК, определения его структуры и штатного состава. Но если в Наркоминделе, где Давтян одновременно продолжал работать, он был официально утвержденным начальником отдела и членом коллегии, то его статус в ИНО в качестве исполняющего обязанности начальника был менее определенным. Дзержинский, которому Давтяна рекомендовала Арманд, разумеется, знал об их дружеских отношениях. Знал он и о теплых отношениях революционерки с В.И. Лениным. Однако с официальным назначением Давтяна на столь ответственный пост Дзержинский не торопился, желая, очевидно, более детально изучить его личные и деловые качества.

Подобное положение, видимо, не устраивало Давтяна. Через месяц официальной работы в качестве исполняющего обязанности руководителя внешней разведки органов госбезопасности он пишет служебную записку в Управление делами ВЧК:

«Ввиду того, что исполняя обязанности начальника Иностранного отдела с 30 ноября 1920 года, я числюсь в резерве назначения Административного отдела, прошу провести меня приказом по занимаемой должности».

Однако его просьба не была удовлетворена. Сегодня трудно сказать, чем это было вызвано. Возможно, Дзержинский присматривался к исполняющему обязанности начальника внешней разведки, но не исключено, что причиной был его неровный характер и «кавказский темперамент», о чем речь пойдет дальше. Тогда Давтян подает рапорт с просьбой перевести его на дипломатическую работу за рубежом.

20 января 1921 года руководство ВЧК освободило Давтяна от занимаемой должности в ИНО. Он возвращается в НКВД, который в ту пору возглавлял Г.В. Чичерин, и назначается советником полпреда РСФСР при Венгерской Советской Республике. Одновременно с Давтяном было оговорено, что за рубежом он будет выполнять и поручения Дзержинского. Преемником Давтяна на посту начальника ИНО ВЧК стал Рубен Катанян.

Наша справка

Рубен Павлович Катанян родился в 1881 году в Тифлисе в семье служащего. Отец его был учителем гимназии, мать—домохозяйкой. После окончания 1-й Тифлисской гимназии он поступил на юридический факультет Московского университета. В 1903 году вступил в московскую

студенческую группу РСДРП. Активный участник революции 1905 года в Москве. В 1906 году окончил Московский университет и стал заниматься адвокатской практикой. Сотрудничал в газетах социал-демократического направления. В 1907 году был направлен для ведения партийной работы в Закавказье. С 1912 года находился под негласным надзором полиции.

В 1917 году состоял в организации объединенных социал-демократов-интернационалистов. Был членом редколлегии газеты «Известия». После победы Октябрьской революции редактировал газету «Красный воин» 11-й армии в Астрахани. Участвовал в создании Московской ЧК С июля 1919 по июнь 1920 года—заместитель начальника политуправления Реввоенсовета республики. Затем являлся заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП (б). 20 января 1921 года назначен начальником Иностранного отдела ВЧК.

На посту начальника внешней разведки Рубен Павлович Катанян проработал недолго, всего до 10 апреля, и по собственному желанию перешел на прокурорскую работу. В дальнейшем он трудился в Прокуратуре РСФСР, Верховном суде СССР и Прокуратуре СССР. Курировал деятельность органов госбезопасности. Был награжден орденом Ленина и нагрудным знаком «Почетный чекист». Имел звание профессора Московского университета.

В 1938 году Р.П. Катанян был репрессирован. С 1938 по 1948 год и с 1950 по 1955 год находился в заключении, а с 1948 по 1950 год— в ссылке. Полностью реабилитирован в 1955 году.

Скончался в Москве 6 июня 1966 года.

* * *

С 10 апреля 1921 года Иностранный отдел ВЧК вновь возглавил, но теперь уже в должности официального начальника, Яков Христофорович Давтян. Объяснялось это просто: пока кадровый аппарат Наркоминдела оформлял Давтяна на работу в Венгерскую Советскую Республику, революция в ней была подавлена, и вопрос о его дипломатической службе за кордоном отпал.

Но и Давтян недолго руководил Иностранным отделом. Уже в августе 1921 года он вновь переводится на дипломатическую работу и назначается полпредом РСФСР в Литве. Пробыв в Ковно до сентября того же года, он возвращается в Москву и назначается временным поверенным в делах РСФСР в Китае в ранге советника. При этом Давтян, как было оговорено

ранее, одновременно утверждается главным резидентом ИНО ВЧК в Китае, где в ту пору работало около десятка разведывательных коллективов.

Через некоторое время после прибытия в Пекин в служебном письме на имя своего преемника на посту начальника Иностранного отдела Михаила Трилиссера Яков Давтян пишет: «Нашу работу здесь я считаю чрезвычайно важной и полагаю, что тут можно многое сделать».

Яков Христофорович энергично взялся за дело. Через полгода он докладывает в Центр:

«Работа здесь весьма интересная, захватывающая, но очень трудная, чрезвычайно ответственная. Отдаленность от Москвы, плохая связь, взаимное непонимание еще больше осложняют нашу работу... Я никогда (даже в ИНО) так много не работал, как здесь, и никогда это не стоило мне таких нервов».

Объяснялось это тем, что у Якова Христофоровича не сложились отношения с руководителем резидентуры ИНО в Пекине Аристархом Рыльским, который считал, что Давтян дублирует его работу. Следует также иметь в виду, что в те годы органы государственной безопасности еще находились в стадии становления: плохой была дисциплина, многие чекисты голосовали за платформу оппозиции, возглавляемой Троцким, нуждались в укреплении принципов единоначалия и субординации. Требовалось наведение элементарного порядка в работе, и Давтян принимает энергичные меры. Это, несомненно, дало свои плоды, и 9 декабря 1922 года в служебном письме на имя Трилиссера он так характеризует Рыльского:

«О Рыльском ничего плохого сказать не могу, но и особенно хвалить также не стану. Он сильно подтянулся с моим приездом, и есть надежда, что будет полезен. Посмотрим».

Но уже со следующей почтой в Центр ушло новое письмо главного резидента:

«Я буду просить вас заменить Рыльского. Он абсолютно не справляется со своими заданиями, так как ленив и вял».

А еще через месяц, 9 января 1923 года, в адрес начальника разведки летит новое послание:

«Вопреки моему прежнему мнению, Рыльский оказался более симпатичным, чем я ожидал. У него есть некоторая вялость в работе, но в общем и целом он работает недурно и ведет себя очень хорошо. Я им почти доволен и прошу его не заменять, сработался он со мной хорошо».

Однако у Центра было иное мнение в отношении Рыльского. Понимая, что главной причиной неровного отношения к нему Давтяна является

характер последнего, Центр принял решение отозвать Рыльского в Москву, ибо его непростые взаимоотношения с главным резидентом могли поставить под удар всю работу советской разведки в Китае.

Следует подчеркнуть, что этот отзыв не отразился на положении Рыльского в разведке: вскоре он был направлен резидентом ОГПУ в Данию. Затем получил назначение в Париж. В дальнейшем работал руководителем других резидентур как по линии «легальной», так и нелегальной разведки. Яков Христофорович еще не раз встречался с ним, работая за рубежом, но уже в качестве «чистого» дипломата.

Кремль придавал большое значение укреплению всесторонних связей с Китаем, который являлся самой крупной соседней страной. К тому же после Октябрьской революции в Маньчжурии укрылись многочисленные белогвардейские вооруженные организации. Здесь же была значительная — до нескольких десятков тысяч человек — русская колония, работавшая в основном на принадлежавшей СССР Китайско-Восточной железной дороге. Центру было важно знать истинное положение дел в соседней стране, особенно планы белогвардейской вооруженной эмиграции.

Через год после приезда в Пекин Я.Х. Давтян докладывал начальнику внешней разведки:

«Несколько слов о нашей специальной работе. Она идет хорошо. Если Вы следите за присылаемыми материалами, то, очевидно, видите, что я успел охватить весь Китай, ничего существенного не ускользает от меня. Наши связи расширяются. В общем, смело могу сказать, что ни один шаг белых на всем Дальнем Востоке не остается для меня неизвестным. Все узнаю быстро и заблаговременно».

На чем основывались такие оценки главного резидента ОГПУ в Китае? Давтяну действительно удалось активизировать работу разведки в этой стране, особенно по белой эмиграции. В частности, мукденская резидентура через свою агентуру в японских спецслужбах добыла уникальный архив белогвардейской контрразведки, касающийся всего Дальнего Востока. Полученные документы Давтян направил в Центр специальным курьером. В сопроводительном письме на имя начальника разведки М.Л. Трилиссера он не без гордости писал:

«Дорогой Михаил Абрамович! С сегодняшним курьером посылаю Вам весь архив белогвардейской контрразведки, полученный в Мукдене. Прошу принять меры, чтобы архив этот не "замариновался" и был использован».

В середине 1923 года в направленном в Центр отчете о проделанной работе Давтян сообщал:

«Работу я сильно развернул. Уже теперь есть приличная агентура в

Шанхае, Тяньзине, Пекине, Мукдене. Ставлю серьезный аппарат в Харбине. Есть надежда проникнуть в японскую разведку.

Мы установили очень крупную агентуру в Чанчуне. Два лица, которые будут работать на нас, связаны с японцами и белогвардейщиной. Ожидаю очень много интересного».

Несмотря на эмоциональную окрашенность служебных писем, Давтян в целом не преувеличивал достижений своих сотрудников.

Уже к концу 1920-х годов харбинская резидентура станет ведущей в работе против Японии и белогвардейской эмиграции. Именно в Харбине сотрудник резидентуры Василий Пудин получит план японской военщины в отношении СССР, который затем войдет в историю под названием «меморандум Танаки». Им же будет добыто свыше двадцати японских шифров.

В годы Великой Отечественной войны из Китая будет поступать весьма важная политическая информация по Японии.

А основы этой блестящей работы советской внешней разведки в данном регионе были заложены в ту пору, когда главным резидентом Иностранного отдела ГПУ—ОГПУ в Китае был Яков Христианович Давтян.

Совмещать сразу две должности — временного поверенного в делах РСФСР в Китае и главного резидента ИНО ГПУ—ОГПУ—для Я.Х. Давтяна было непросто. И он ставит перед Центром вопрос о том, чтобы его освободили от одной из должностей, однако в силу своего «кавказского темперамента» делает это излишне эмоционально. В ответ на указания Центра относительно дальнейшего совершенствования работы советской разведки в Китае Давтян 6 сентября 1923 года пишет Трилиссеру.

«Я полагаю, что в Пекине лучше видно положение дел, чем из Москвы. Если Вы с этим не согласны, то тоща прошу освободить меня от работы совершенно».

Конечно же, Давтян был абсолютно неправ. Ведь в Центр стекались разведывательные сведения по Китаю не только из руководимых им резидентур в этой стране, но и из многих других резидентур, в том числе действовавших в Европе, Азии и Америке. Поэтому именно Центр обладал большей информацией относительно внутреннего положения дел в Китае, нежели Давтян.

В другом письме на имя начальника разведки Давтян, в ответ на некоторые дружеские замечания Трилиссера, делится с ним следующими мыслями:

«Я думаю, что мне было бы целесообразно отказаться от работы в

ИНО, т.к. я совершенно не могу согласиться с Вашими методами действий».

Не все гладко складывалось у него и с НКВД. Китай, как уже отмечалось, занимал видное место во внешнеполитических планах советского руководства, а это требовало от Давтяна напряженной работы по линии наркомата. Москва высказывала пожелания улучшить работу полпредства, что также вызывало у него болезненную реакцию. В личных письмах на Лубянку он жаловался на НКВД и замечал, что «Пекин, по-видимому, будет моей последней работой в этом милом учреждении».

Однако в Москве решили по-иному. В апреле 1924 года Яков Давтян заменяется на посту главного резидента в Китае и отзывается из Пекина. В Москве он окончательно переводится в НКВД СССР, где по-прежнему ощущается острая нехватка квалифицированных кадров. Летом 1924 года Яков Христофорович назначается полпредом СССР в Тувинской Республике и одновременно становится председателем полномочной комиссии ЦИК СССР по урегулированию двусторонних отношений и инспекции советских учреждений. Решив задачи, поставленные перед ним в Кызыле, осенью того же года Давтян возвращается в Москву.

Вскоре Давтян получает новое назначение: полпредом СССР в Венгрии. Однако режим адмирала Хорти не ратифицировал уже подписанный советско-венгерский договор об урегулировании спорных вопросов, и дипломатические отношения между двумя странами так и не были установлены.

В 1924—1925 годах Давтян находился на партийно-хозяйственной работе в Москве. В течении двух месяцев он трудился заместителем председателя треста «Чаеуправление», затем занимался партийной работой на фабрике «Большевичка», к партийной ячейке которой был прикреплен.

В начале 1925 года Давтян возвращается в НКВД и в мае назначается советником полпредства СССР во Франции, которое в то время возглавлял известный революционер и активный сторонник Троцкого Христиан Раковский. В Париже Давтян принимает участие в работе различного рода международных конференций, неоднократно замещает полпреда, которому в Москве не очень доверяли из-за его близости к Троцкому, и по-прежнему оказывает помощь резидентуре ИНО ОГПУ.

Осенью 1927 года Давтян назначается полномочным представителем СССР в Персии (Иране) и работает на этой должности до декабря 1929 года.

По возвращении в СССР Яков Христофорович был переведен на административную работу. С 3 февраля по 30 июня 1930 года он являлся

директором Ленинградского политехнического института и провел его реорганизацию. Под его руководством ЛПИ был разделен на ряд профильных институтов. 1 июля того же года Давтян назначается директором Ленинградского машиностроительного института Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). 23 января 1931 года переводится на работу в ВСНХ СССР — начальником сектора проверки исполнения.

В 1932 году Давтян вновь возвращается в НКВД и назначается полпредом СССР в Греции, а в апреле 1934 года—полпредом СССР в Польше. На VII съезде Советов СССР в 1935 году он избирается членом ЦИК СССР.

Однако близкое знакомство в период работы во Франции с одним из видных троцкистов Раковским не прошло для Давтяна даром.

21 ноября 1937 года Яков Христофорович был арестован в Москве по обвинению в принадлежности к «антисоветской террористической организации». Вскоре он был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и 28 июля 1938 года расстрелян.

25 апреля 1957 года Я.Х. Давтян был полностью реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР в связи с отсутствием состава преступления.

Имя Якова Христофоровича Давтяна (Давыдова), как одного из непосредственных организаторов внешней разведки нашей страны, занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Глава II. РУКОВОДИТЕЛЬ ИНО

В марте 1922 года по предложению Ф.Э. Дзержинского начальником Иностранного отдела ГПУ был назначен руководитель его закордонной части Меер Абрамович Трилиссер. На этом посту он успешно проработал до конца октября 1929 года, что в те времена было своего рода рекордом, и оставил яркий след в истории внешней разведки органов госбезопасности.

Меер Трилиссер родился 1 апреля 1883 года в Астрахани в семье сапожника. Многодетная семья не отличалась особым достатком, поэтому Меера в 10 лет отдали в городское реальное училище, дававшее среднее образование и основы коммерческой деятельности. После его окончания 17-лстний юноша в поисках лучшей доли уехал на работу в Одессу. В 1901 году вступил в члены Южной революционной группы социал-демократов. В том же году был арестован за революционную деятельность и выслан под гласный надзор полиции по месту рождения — в Астрахань.

Во время революции 1905 года Трилиссер находился в Казани, где вел революционную пропаганду среди военнослужащих Казанского гарнизона. Затем по указанию ЦК партии большевиков он был направлен в Петроград. Работал в военном комитете ЦК РСДРП (б), где руководил финляндской военной организацией партии. Являлся одним из организаторов первой конференции РСДРП (б) в Таммерфорсе (Тампере) в 1905 году. Руководил восстанием военных моряков в Свеаборге.

В июле 1907 года Меер Трилиссер был арестован царской полицией, препровожден в Петропавловскую крепость для особо опасных преступников и около двух лет находился под следствием. В ходе следствия было установлено, что в декабре 1906 года он организовал побег с гарнизонной гауптвахты города Выборга около сотни революционно настроенных солдат и матросов, содержащихся там в ожидании суда за участие в вооруженном восстании.

Вначале жандармским управлением были получены сведения, что организатор побега заключенных проходит по делам охраны под псевдонимами «Анатолий», он же «мещанин Стольчевский», он же «Капустянский», «Мурский» и «Павел-очки», а также приметы молодого человека: «среднего роста, еврейского типа, черные волосы, пользуется пенсне, одевается в черное пальто, под которым носит косоворотку синего цвета».

Вскоре подлинные фамилия и имя революционера были выявлены. В

донесении жандармского полковника Яковлева в департамент полиции, помеченном: «Весьма нужное. Совершенно секретное», сообщалось, что «организатор побега — главный руководитель финляндской военной организации РСДРП (б), уроженец Астрахани Михаил (Меер) Трилиссер».

В 1909 году Трилиссер был приговорен к восьми годам каторжных работ. До ноября 1914 года он отбывал заключение в Шлиссельбургской крепости, а затем был сослан на вечное поселение в Сибирь.

После Февральской революции 1917 года Трилиссер был амнистирован и переехал в Иркутск. Он работает редактором местной газеты «Голос социал-демократа», а затем по решению партии возглавляет военную организацию Иркутского комитета большевиков. В марте 1917 года назначается секретарем Иркутского совета, в октябре того же года на 1-м Общесибирском съезде Советов избирается членом ВЦИК Центральной Сибири и одновременно становится членом губкома РСДРП (б).

С победой Октябрьской революции Трилиссер принимает активное участие в установлении советской власти в Сибири, организует борьбу с контрреволюцией и саботажем, участвует в подавлении юнкерского мятежа в Иркутске в декабре 1917 года.

После мятежа Чехословацкого корпуса и военного переворота, осуществленного осенью 1918 года адмиралом Колчаком, в Сибири устанавливается белогвардейская диктатура. Трилиссер вместе с другими революционерами-большевиками уходит в подполье и переезжает на Дальний Восток, в город Благовещенск. Здесь он входит в состав коллегии советского военного комиссариата по Восточной Сибири и Забайкалью.

С образованием в 1921 году Дальневосточной республики (ДВР) Трилиссер назначается комиссаром по Амурской области, избирается членом Дальневосточного бюро РКП (б) и входит в руководящий состав Государственной политической охраны ДВР, выполнявшей функции контрразведки этой буферной республики. В рамках ГПО он создает первую на советском Дальнем Востоке специальную шифровальную службу для связи с Москвой и начинает формировать разведывательный агентурный аппарат.

Вскоре в центральный аппарат ВЧК в Москве из Дальневосточной республики начинают постоянно поступать шифрованные телеграммы о служебных переговорах Трилиссера с командованием Красной Армии, действовавшей против взбунтовавшегося чехословацкого корпуса и японских воинских подразделений, о планах Японии, США и белогвардейцев на Дальнем Востоке. Приведем одно из сообщений Трилиссера в Центр того периода:

«Получил информацию, что японское командование выдвигает вопрос о мирных переговорах. Местом встречи предполагается Харбин. Противник поспешно отступает, взорвав водокачку и разобрав железнодорожные пути. Нельзя ли получить аэроплан для ведения разведки?»

Сведения, получаемые от Трилиссера, представляют интерес не только для ВЧК, но и для Народного комиссариата по иностранным делам. Нарком Г.В. Чичерин шлет ему телеграмму, в которой, в частности, говорится: «Ваша энергичная деятельность и приятые меры всецело находят одобрение и решительную поддержку центрального правительства».

После изгнания интервентов с советского Дальнего Востока Трилиссер избирается секретарем Амурского обкома партии и одновременно является редактором газеты «Амурская правда». В марте 1921 года в качестве делегата от коммунистов Забайкалья участвует в работе X съезда РКП (б), провозгласившего новую экономическую политику (НЭП) и создавшего условия для перехода большинства крестьянства на сторону большевиков.

После завершения работы съезда Трилиссеру предложили занять должность заведующего Дальневосточным отделом Исполкома Коминтерна. Однако проработал он на этой должности всего несколько месяцев.

В августе того же года с Трилиссером встретился Ф.Э. Дзержинский и предложил ему перейти на работу в ВЧК, в Иностранный отдел. Трилиссер, имевший опыт агентурной работы на Дальнем Востоке, согласился. Он был назначен начальником закордонной части Иностранного отдела ВЧК. В 1920-е годы, помимо закордонной части разведки, которая действовала за рубежом, разведку сопредельных стран вели полномочные представительства ВЧК—ГПУ, а затем ОГПУ в приграничных районах—в Белоруссии, на Украине, в Закавказье, Средней Азии, Забайкалье, на Дальнем Востоке. Они имели право направлять свою агентуру в сопредельные страны. Подобная система деления разведки на закордонную и внутреннюю существовала до 1930 года и была упразднена в связи с реорганизацией органов госбезопасности.

Когда Трилиссер пришел в отдел, весь его состав размещался в одной большой общей комнате. Ему предстояло организовать разведывательную работу в странах Восточной и Западной Европы. В декабре 1921 года Трилиссер становится вторым лицом в Иностранном отделе — заместителем его начальника С.Г. Могилевского.

6 февраля 1922 года декретом ВЦИК РСФСР упраздняется ВЧК. На ее базе создается Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД

РСФСР. А 13 марта М.А. Трилиссер назначается начальником Иностранного отдела ГПУ. Он сменил на этом посту С.Г. Могилевского, возглавившего Закавказское ГПУ. С приходом Трилиссера к руководству внешней разведки молодого государства начался, по сути дела, новый профессиональный период ее деятельности. Разведка стала работать в полную силу: сказывался опыт агентурной работы ее нового руководителя.

В 1922 году Гражданская война закончилась на всей территории России. Страна получила мирную передышку, которую необходимо было использовать для восстановления разрушенного хозяйства. В.И. Ленин предупреждал, что Россия получила не мир, а только мирную передышку, которая продлится не более двадцати лет. Его предвидение оправдалось: в новую мировую войну Советская Россия, вернее СССР, была втянута через девятнадцать лет — в 1941 году.

Внутри страны по предложению В.И. Ленина осуществлялся НЭП. Советская Россия нуждалась в иностранных специалистах, оборудовании, технологиях, капиталах. Их можно было получить в странах Европы, прежде всего в Германии, которая, подобно Советскому Союзу, также находилась в изоляции. В 1922 году в Женеве состоялась международная конференция по экономическим и финансовым вопросам с участием делегации Советской России. Новую власть в нашей стране были вынуждены признать Англия и Франция, ранее организовавшие против нее иностранную интервенцию.

М.А. Трилиссер так определил задачи внешней разведки на тот период:

- выявление на территории каждого иностранного государства контрреволюционных организаций и групп, ведущих подрывную работу против Советской России;

- разработка спецслужб противника, занимающихся шпионажем против нашей страны;

- добыча секретной политической и экономической информации по зарубежным странам;

- получение документальных материалов по всем линиям работы.

Для решения стоявших перед внешней разведкой задач М.А. Трилиссер пригласил на работу в ИНО большую группу своих соратников по подпольной работе в военной организации партии, а также по работе на Дальнем Востоке в период Гражданской войны. Двое из них — С.Г. Вележев, с которым М.А. Трилиссер работал в Сибири в 1917—1918 годах, а также его соратник по дореволюционному подполью А.В. Логинов (настоящая фамилия — Бустрем) стали его заместителями. Ответственные

посты в Иностранном отделе заняли Я.Г. Минскер, Я.М. Бодеско и другие опытные чекисты, которых Трилиссер хорошо знал и которым доверял.

При Трилиссере штаты внешней разведки были расширены до 70 человек. В закордонной части ИНО стало шесть географических отделов. Работникам зарубежных резидентур ИНО была предоставлена большая свобода в вербовке агентуры, а резиденты имели право включать их в агентурную сеть без согласования с Центром. Формируя штаты ИНО, Трилиссер обращал особое внимание на профессиональную подготовку сотрудников, знание ими иностранных языков, умение работать с агентурой, приспособляемость к быстро меняющимся условиям.

Для выполнения поставленных перед внешней разведкой задач Трилиссер создаст новые закордонные аппараты и комплектует их грамотным оперативным составом. Под его руководством были образованы резидентуры ИНО в Берлине, Лондоне, Париже, Вене, Риме. На Востоке — в Токио, Пекине, Харбине, Сеуле — были созданы нелегальные резидентуры.

В 1922 году в Берлине была создана первая «легальная» резидентура ИНО ГПУ под руководством Бронислава Брониславовича Бортновского. Она располагала весьма ценными источниками информации по самой Германии, а также другим странам. В Центр направлялись, в частности, ежемесячные доклады Министерства государственного хозяйства Германии об экономическом положении страны, сводки главного управления берлинской полиции (полицай-президиума) о внутривнутриполитическом положении Германии и деятельности основных политических партий. Резидентура добывала ценные сведения о позиции Франции в отношении Советской России, материалы по Польше. Центр высоко оценивал деятельность своей берлинской резидентуры. В заключении о работе ее аппарата говорилось: «Материалы дипломатического характера очень интересны, в большинстве своем вполне заслуживают внимания».

В Центр мощным потоком пошла разведывательная информация, в первую очередь — о замыслах вооруженной эмиграции и ее связях со спецслужбами иностранных государств.

Борьба с вооруженной эмиграцией имела в те годы приоритетное значение для всего ГПУ, включая его Иностранный отдел. 11 января 1923 года решением Политбюро ЦК РКП (б) в недрах ГПУ было создано межведомственное Особое бюро по дезинформации во главе с членом ЦК И. Уншлихтом «в целях систематизации работы по введению в заблуждение иностранных государств о внутренней и внешней политике СССР, а также о состоянии его вооруженных сил и мероприятиях по

обороне Республики». В состав Дезинформационного бюро входили представители ГПУ, Разведотдела штаба РККА и НКВД. На него возлагалась задача разработки и информационного обеспечения акций тайного влияния, направленных на политическую и военно-стратегическую дезинформацию правительств и командования вооруженных сил иностранных государств. Так организационно оформилось одно из важнейших направлений деятельности внешней разведки того периода. Дезинфбюро сыграло важную роль в подготовке и проведении таких знаменитых операций органов госбезопасности, как «Трест», «Синдикат», «Академия», «Тарантелла». Всего спецопераций, в разработке которых принимал непосредственное участие М. А. Трилиссер, было реализовано более пятидесяти. Следует отметить, что в осуществлении ряда операций, например, против Русского общевоинского союза (РОВС), важную роль сыграли бывшие царские генералы Павел Дьяконов и Николай Скоблин, а также бывший министр Временного правительства Сергей Третьяков. Расскажем об одном из них.

Разведчик Павел Дьяконов

Октябрьская революция 1917 года развела офицеров и генералов старой русской армии по разные стороны баррикад. Часть из них приняла советскую власть. Некоторые патриотически настроенные кадровые военные, волей судьбы оказавшиеся за пределами родины, стали сотрудничать с внешней разведкой молодого Советского государства и внесли значительный вклад в обеспечение его безопасности. Среди таких патриотов достойное место занимает представитель первого поколения советских разведчиков—Его Императорского Величества Генерального штаба Российской армии генерал-майор Дьяконов.

Мартовским вечером 1924 года в вестибюль советского посольства на улице Гренель в Париже вошел среднего роста худощавый господин, одетый в плащ и дорогой темный костюм-тройку. Обратившись к дежурному дипломату, он попросил о немедленной встрече с советским послом:

— Речь идет о военном заговоре против Республики Совдепов. Я — один из непосредственных участников этого заговора. Меня зовут Павел Павлович Дьяконов.

Слово «заговор» подействовало, и гостя сразу же провели в отдельный кабинет, где с ним встретился резидент ИНО ОГПУ. Он попросил Павла

Павловича изложить на бумаге ставшие известными ему сведения. Через некоторое время сообщение Дьяконова с соответствующими комментариями резидента было доставлено дипкурьером в Москву. Ознакомившись с ним, руководитель внешней разведки Трилиссер отметил:

«Генерал очень вовремя напомнил о себе. Его сообщению можно верить: он честный служака, в расстрелах и казнях не замешан. Его информация вполне достоверна и перекрывается сведениями из других источников. Впрочем, прежде чем довериться Дьяконову, нам следует его хорошенько изучить: как-никак — это один из видных членов РОВС...»

В материале Дьяконова содержалась исключительно важная информация о программе тотального террора за пределами СССР против советских граждан и учреждений, которую намеревались осуществить боевики Русского общевоинского союза.

Террор и диверсии стали к тому времени главным оружием этой организации, ставившей своей целью свержение большевистского режима. В сообщении Дьяконова также указывалось, что руководство РОВС одновременно приняло решение готовить в западноевропейских городах, где имелись филиалы организации, «тройки» и «пятерки» террористов для заброски непосредственно на советскую территорию с целью проведения там терактов и организации вооруженных выступлений населения.

Имя генерал-майора Дьяконова, бывшего российского военного атташе в Великобритании, было хорошо известно руководству внешней разведки. Поэтому в Москве к его информации отнеслись исключительно внимательно. На следующий день на стол начальника Иностранного отдела лети материалы на Дьяконова, которыми располагал Центр.

«Павел Павлович Дьяконов родился 4 февраля 1878 года в городе Москве в семье военнослужащего.

С 17 лет он связал свою жизнь с армией. После завершения в 1895 году учебы в Московской практической академии коммерческих наук он поступил вольноопределяющимся в 5-й гренадерский Киевский полк, став кадровым военным. С отличием окончил Казанское пехотное юнкерское училище, а в 1905 году — Николаевскую Академию Генерального штаба. Принимал участие в Русско-японской войне.

До конца 1913 года Дьяконов работал на различных должностях в Главном управлении Генерального штаба. В июле 1914 года был назначен помощником военного атташе в Лондоне. При этом было учтено безупречное знание им английского, немецкого и французского языков. В начале Первой мировой войны Дьяконов подал рапорт с просьбой о переводе в действующую армию, и в сентябре 1914 года был направлен на

фронт.

В январе 1916 года полковник Дьяконов был назначен командиром 2-1ХЗ Особого полка русского экспедиционного корпуса, отправленного во Францию. Принимал активное участие в сражениях против немцев. Его боевые заслуги были отмечены семью высшими русскими и пятью иностранными орденами, в том числе — французским офицерским крестом Почетного легиона, что давало ему право на получение французского гражданства.

В начале 1917 года Дьяконов был переведен на работу в Генеральный штаб. По представлению начальника Генерального штаба за боевые отличия был произведен Николаем II в генерал-майоры. В сентябре того же года откомандирован в Лондон для исполнения обязанностей военного атташе, где оставался до 1 мая 1920 года. После закрытия аппарата российского военного атташе в Великобритании в мае 1920 года переехал на постоянное жительство во Францию.

В белогвардейском движении на территории России не участвовал. Ни он, ни члены его семьи никогда не высказывали враждебных намерений против новой власти в России»...

Последние строчки Трилиссер подчеркнул жирной чертой, а в левом углу документа написал: «Провести с генералом Дьяконовым доверительную беседу и выяснить его дальнейшие намерения».

Резидент ИНО ОГПУ провел в Париже очередную встречу с генералом. В ходе беседы Дьяконов рассказал, что планами РОВС активно интересуется великий князь Кирилл Владимирович, который просил генерала постоянно снабжать его информацией о деятельности этой организации. Он отметил, что князь хочет знать все, что Кутепов и его боевики замышляют против русских монархистов.

Чистота помыслов генерала Дьяконова не вызывала сомнений у резидентуры. Русский патриот отдавал себе отчет в том, что реализация планов РОВС по организации нового крестового похода против большевиков, за которыми пошло абсолютное большинство русского народа, приведет к новым потокам крови на его родине. Поэтому такие планы контрреволюции не вызывали поддержки у генерала.

Так царский профессиональный разведчик П.П. Дьяконов стал активно сотрудничать на патриотической основе с советской внешней разведкой. В письме на имя руководства разведки он написал:

«Настоящим я заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней.

Желая доказать свою преданность советскому правительству, я добровольно и сознательно беру на себя обязательство своевременно его информировать о деятельности правых (антисоветских) партий и контрреволюционных групп.

Обязуюсь охранять, защищать и служить интересам Союза Советских Социалистических Республик и его правительства.

П. Дьяконов.

Париж, март 1924 г.».

Советский разведчик Дьяконов успешно выполнял задания Центра по разложению Русского общевойскового союза, осуществлявшего подготовку и заброску на территорию СССР террористических групп. От него также поступала важная информация о деятельности кирилловских белогвардейских организаций и французской военной разведки. Дьяконов принимал непосредственное участие в проведении операции по захвату руководителя РОВС генерала Кутепова и в осуществлении ряда оперативных комбинаций. В частности, в результате одной из таких комбинаций французскими властями был арестован адъютант великого князя Кирилла Владимировича и руководитель белогвардейской организации младороссов Казем-бек.

В начале 1930-х годов, когда М.А. Трилиссер уже не являлся руководителем внешней разведки, Дьяконов сообщил о том, что группа бывших царских генералов во главе с Туркулом установила связь с лидером германских нацистов Адольфом Гитлером, у которого ищет финансовой помощи и политической поддержки. Он подчеркнул, что Туркул и его сообщники имеют высокопоставленных покровителей во французском Генштабе.

По поручению Центра Дьяконов довел до сведения Второго бюро Генерального штаба французской армии (военная разведка), с представителями которого он поддерживал служебные контакты в годы Первой мировой войны, сведения о профашистски настроенных белогвардейских офицерах и генералах. Незадолго до начала Второй мировой войны французские власти, которым генерал Дьяконов предоставил соответствующие документы, выслали из Франции большую группу прогерманского крыла русской эмиграции во главе с генералом Туркулом. Высылка этих лиц ослабила «пятую колонну» фашистов во Франции. Руководство французской военной разведки в этой связи письменно сообщило генералу Дьяконову: «Ваша информация о русских, которые известны своими немецкими симпатиями, чрезвычайно ценна для Франции. Мы высоко оцениваем наше сотрудничество».

В период гражданской войны в Испании Дьяконов неоднократно выезжал туда с исключительно важными специальными разведывательными заданиями Москвы.

После оккупации Франции фашистскими войсками Дьяконов был арестован и подвергнут допросам. Немцев в первую очередь интересовали его поездки в Испанию. На допросах он вел себя мужественно и стойко. Сорок три дня провел Павел Дьяконов в фашистском застенке.

Поскольку накануне вторжения гитлеровцев во Францию Павлу Павловичу и его дочери, которая также была арестована, было предоставлено советское гражданство и они получили советские паспорта, Народный комиссариат иностранных дел СССР потребовал от германских властей незамедлительно освободить арестованных во Франции советских граждан. Германское военное командование в Париже было вынуждено выполнить это требование. В конце мая 1941 года Павел Павлович Дьяконов и его дочь Мария Павловна вернулись на родину.

После нападения немецко-фашистских войск на Советский Союз генерал и его дочь как лица, недавно вернувшиеся из-за границы, были арестованы «по подозрению в поддержании связи с иностранными разведками и шпионаже против СССР». После первых допросов Дьяконов написал наркому внутренних дел:

«За 17 лет заграничной работы мне пришлось выполнить много ответственных заданий. За эту работу я получал только благодарности. В голове моей не укладывается, как могли меня всерьез подозревать в преступной деятельности против родины. Излишне говорить, какую нравственную боль мне причинило такое подозрение».

Неожиданно письмо нашло адресата. Им оказался начальник внешней разведки НКВД П.М. Фитин. В рапорте, направленном в следственные органы, говорилось: «Дьяконов и его дочь известны 1-му управлению НКВД. Управление считает необходимым их освободить». В октябре 1941 года Дьяконовы вышли на свободу.

Некоторое время они жили в эвакуации в Ташкенте, а затем переехали в киргизский город Кара-Суу. Павел Павлович работал там в райпотребсоюзе.

В ноябре 1942 года Павел Павлович Дьяконов выехал с эшелоном в Москву, сопровождая грузы для Красной Армии. В дороге он тяжело заболел и на станции Челкар (Казахстан) был помещен в больницу, где 28 января 1943 года скончался.

Помимо работы по белогвардейской эмиграции, другим важным направлением деятельности внешней разведки при М. А. Трилиссере было получение за рубежом научно-технической информации.

Наиболее успешно в 1920-е годы научно-техническая разведка ИНО ОГПУ действовала в Германии. Так, в середине 1920-х годов советской разведке удалось получить ряд запатентованных химических технологий знаменитой компании «И.Г. Фарбениндустри»; сталеплавильной технологии концернов Круппа и крупнейшей сталеплавильной фирмы «Рейнметалл»; чертежи нового локомотива фирмы Борзига, крупнейшего производителя паровозов и железнодорожного оборудования в Германии.

26 октября 1925 года председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский направил в ИНО ОГПУ записку о создании при ИНО «органа информации о достижениях заграничной техники». В соответствии с этой запиской 5 марта 1926 года Военно-промышленное управление ВСНХ разработало для ИНО «Перечень вопросов для заграничной информации», который, по существу, являлся заданием правительства СССР по добыче технической документации и образцов по оборонной тематике. Для решения этого задания в ИНО было создано самостоятельное отделение научно-технической разведки. К концу 1920-х годов сотрудники научно-технической разведки добыли, в частности, информацию об испытаниях новейшей авиационной техники, артиллерийских систем, военной радиоаппаратуры, о переработке нефти, а также по многим другим проблемам.

Не менее важное значение для СССР имела и добываемая под руководством М.А. Трилиссера информация о планах и намерениях противника в области экономики. Еще накануне Генуэзской конференции 1922 года закордонные резидентуры получили информацию о том, что страны Антанты пытаются поставить РСФСР в условия международной изоляции. Кроме того, из Парижа пришла информация о готовящемся террористическом акте белогвардейцев против главы советской делегации на конференции. Из Берлина на имя М.А. Трилиссера поступила телеграмма следующего содержания:

«По достоверным данным, Российский торгово-промышленный и финансовый союз в Париже, объединяющий крупнейших финансовых тузов царской России, создал специальный секретный совет, целью которого является организация террористических акций против

руководящих российских деятелей. Для специальной задачи выделяется фонд в полтора миллиона франков».

Перепроверка поступивших сведений показала, что во главе заговорщиков стоял известный террорист Борис Савинков, находившийся на содержании британской и французской разведок. Благодаря принятым мерам готовившаяся им террористическая акция против главы советской делегации Г.В.Чичерина была сорвана. Не удалось странам Антанты добиться и международной изоляции Советской России в Генуе. Советская делегация на переговорах заключила в Рапалло (пригород Генуи) договор с Германией об установлении дипломатических и экономических отношений. Международная блокада Советской России была прорвана, и вскоре западные государства, одно за другим, признали СССР и стали активно устанавливать с нашей страной торгово-экономические отношения.

Такое развитие событий поставило на повестку дня создание экономической разведки, призванной защищать интересы страны от недобросовестных коммерсантов, которые пытались, в частности в годы нэпа, получить в концессию советские предприятия и нажиться на них, не вложив в развитие производства ни гроша. Представители экономической разведки ИНО ОГПУ за рубежом внимательно изучали иностранные фирмы, предлагавшие различные сделки советской стороне, проекты их договоров, финансовое состояние, возможные связи с бывшими владельцами предприятий и т.п. На основе собранных и направленных в Центр сведений в Москве принималось решение по конкретным предложениям зарубежных партнеров.

Так, во время переговоров немецких предпринимателей, желавших вложить свои средства в получение концессии от треста «Северлес» на вырубку леса, экономическая разведка установила, что германская фирма необходимыми реальными капиталами не располагает. Она планирует получить концессию, чтобы перепродать ее другой фирме и извлечь комиссионную прибыль. Информация была доложена Главному концессионному комитету при Совете народных комиссаров, который отказал в предоставлении немецкой фирме концессии на вырубку леса.

Другой важной задачей экономической разведки 1920-х годов была борьба с фальшивомонетчиками, которые пытались наводнить советский рынок фальшивыми червонцами, так как эта валюта имела золотое обеспечение и котировалась на европейских биржах. Так, в 1924 году сотрудники экономического отделения ИНО ОГПУ установили агентурным путем, что одна из таких «фабрик» по производству фальшивых денежных знаков находится в Польше. Поначалу она располагалась в захваченном

белополяками литовском городе Вильно, а затем была переведена в Варшаву. Оттуда при попустительстве польских властей фальшивые червонцы переправлялись на территорию СССР. Благодаря принятым мерам этот канал был перекрыт.

Председатель ОГПУ Ф.Э. Дзержинский мог с уверенностью опираться на информацию, поступающую из зарубежных резидентур ИНО. Он часто направлял Трилиссеру официальные запросы по тем или иным проблемам. Приведем один из таких документов:

«Гов. Трилиссеру.

Просьба составить мне сводку (которую можно будет потом пополнять) всех махинаций Англии против нас после падения Макдональда — по нашим и Народного комиссариата иностранных дел данным. Я думаю с этим вопросом выйти в Политбюро. По-моему, надо образовать секретный комитет противодействия этим английским махинациям путем целого ряда мер не только дипломатических, но экономических, чекистских и военных.

Ф. Дзержинский».

Будучи начальником Иностранного отдела, М.А. Трилиссер сам возглавлял его закордонную часть. Он принимал непосредственное участие в оперативной деятельности ИНО.

...Разведке предстояло восстановить связь с одним из своих ценных агентов в Германии. Поездке Трилиссера за кордон предшествовала большая подготовительная работа. В Берлин он ехал под видом специалиста по готике. Когда все детали операции были отработаны и приблизился день отъезда, выяснилось, что у начальника разведки имеется всего один костюм, в котором он ходит на работу, и синяя косоворотка. Разумеется, в таком «камуфляже» было весьма трудно выдавать себя за старорежимного профессора, знатока и ценителя германской готики.

Пришлось срочно сшить для Трилиссера костюм и приобрести несколько галстуков европейского производства, которые, как оказалось, он не умел завязывать. Были куплены рубашки и другие предметы туалета, необходимые для респектабельного человека. Перед отъездом из Москвы Дзержинский еще раз обговорил с начальником внешней разведки все детали предстоящей операции.

В Берлине Трилиссер конспиративно встретился с агентом, которого посадил в свою оперативную машину и доставил на конспиративную квартиру. На встрече с источником он получил ценную документальную информацию о положении в Германии, сведения о доверительных связях иностранца в зарубежных странах. Агенту было поставлено новое задание,

с ним были обговорены дальнейшие условия связи, а также перспективы его вывода в Москву для оперативной подготовки. Конспиративная связь с ценным источником информации была восстановлена. В годы Великой Отечественной войны этот агент активно участвовал в подпольном антифашистском движении...

Умелое руководство Трилиссером внешней разведкой принесло свои плоды. 26 марта 1926 года он становится членом коллегии — заместителем председателя ОГПУ, а с февраля 1928 года — одновременно и уполномоченным ОГПУ при СНК СССР. Кадровый состав Иностранного отдела ОГПУ вновь увеличился. В 1929 году в отделе работали уже 122 человека, из которых 62 — в зарубежных резидентурах. 30 июля 1927 года Иностраный отдел был выделен из подчинения Секретно-оперативного управления ОГПУ, которым руководил Генрих Ягода, и стал самостоятельным подразделением, подчинявшимся непосредственно Коллегии ОГПУ.

Это был пик разведывательной карьеры М.А. Трилиссера.

Под его руководством внешняя разведка органов государственной безопасности добилась впечатляющих успехов. В частности, в 1927 году сотрудникам сеульской и харбинской резидентур практически одновременно удалось получить через свои агентурные возможности так называемый «меморандум Танаки» — сверхсекретное письмо премьер-министра Японии императору Хирохито, в котором были сформулированы основные направления внешней политики возглавляемого Танакой кабинета министров. В документе излагались планы оккупации Китая, Монголии, Индии, Малой и Центральной Азии, а также планы агрессии против Советского Союза.

Ценной агентурой располагали резидентуры ОГПУ в Берлине и Вене, на связи у которых были видные работники МИД и МВД этих стран. Источники важной информации имелись в Финляндии. Больших успехов в разработке вооруженной белогвардейской эмиграции добились резидентуры во Франции, Болгарии, Чехословакии, Турции и Китае. Много ценной агентуры было приобретено и в других странах.

В декабре 1927 года Трилиссер был награжден орденом Красного Знамени.

Безусловно, в период руководства Трилиссером внешней разведкой были в ее деятельности и провалы.

Так, в 1926—1927 годах произошло несколько провокаций против советских учреждений за границей, сопровождавшихся захватом полицией секретных документов Коминтерна в Лондоне, Пекине и Праге. В Пекине,

например, полиция при налете на советское полпредство захватила инструкции Коминтерна китайским коммунистам. В них содержались указания по оказанию помощи «советским товарищам» в ведении разведывательной работы, описание оружия, завозимого в Китай, рекомендации по инспирированию конфликтов между местным населением и иностранцами, некоторые материалы о деятельности военной разведки.

Британская провокация против Аркоса

Аркос — советско-британское акционерное торговое общество, которое было учреждено в Лондоне в июне 1920 года советской кооперативной делегацией во главе с Л.Б. Красиным. Английское Министерство торговли зарегистрировало его как частное акционерное общество с ограниченной ответственностью. В 1923 году СНК РСФСР разрешил Аркосу ведение торговых операций на территории Советской республики. Аркос стал крупнейшим экспортно-импортным объединением в Англии. К началу 1927 года оборот Аркоса превышал 100 миллионов фунтов стерлингов.

12 мая 1927 года британская полиция внезапно заблокировала все входы и выходы у дома № 49 по улице Мургейт, в котором размещался Аркос. Повальный обыск в помещениях акционерного общества продолжался несколько дней. Официальным предлогом для захвата Аркоса и обыска здания английское правительство и полиция объявили поиск особо секретного документа, якобы похищенного советской разведкой. Однако он не был обнаружен, и премьер-министр Стэнли Болдуин не смог позже убедительно доказать, что акция была оправданной.

Несколько советских сотрудников Аркоса пытались воспрепятствовать обыску, однако к ним была применена физическая сила и они были жестоко избиты британской полицией. Во время обыска полицейские обнаружили, что советский шифровальщик Антон Мидлер сжигает в подвалы секретные документы. Он был арестован и увезен в неизвестном направлении. В результате налета британская полиция захватила почту, другую документацию, а также шифры, которые использовались в переписке с Москвой.

Через девять дней, когда все советские служащие Аркоса были отозваны в Москву, владелец левой газеты «Дейли геральд» сделал запрос в английском парламенте относительно судьбы Мидлера. В полученном от министра внутренних дел ответе говорилось, что касаться этого вопроса

публично нецелесообразно.

События 12 мая вызвали политический кризис в стране. 26 мая премьер-министр Англии информировал советского поверенного в делах Л. Розенгольца о том, что британское правительство разрывает дипломатические отношения с СССР. Сотрудники всех советских дипломатических и торговых миссий были высланы из страны. По словам премьер-министра, Великобритания пошла на такой шаг в связи с тем, что СССР «ведет антибританскую шпионскую деятельность и пропаганду». При этом Болдуин полностью игнорировал многочисленные факты, свидетельствовавшие о том, что сама Англия вела широкую подрывную деятельность против Советской России.

Так, всем нам со школьной скамьи известно стихотворение В.В. Маяковского, посвященное памяти советского дипкурьера Теодора Нетто, убитого ранним утром 5 февраля 1926 года в экспрессе Москва—Рига братьями Габрилович. Однако мало кто знает, что это нападение было подготовлено и осуществлено британской разведкой СИС совместно с германскими и латвийскими спецслужбами, чтобы захватить советскую дипломатическую почту. Сами братья Габрилович не догадывались об этом: им было сказано, что чемоданы «битком набиты деньгами». За спиной заговорщиков стояли сотрудник британской разведки Ллойд и сотрудник германской военно-морской разведки Гаазе. Последний также являлся одним из активных членов крайне правой германской организации «Консул», которая вела разведку против СССР с первых дней советской власти, а затем влилась в военную разведку — абвер.

Позже берлинская резидентура ИНО ОГПУ оперативным путем получила текст письма, которое за три недели до убийства Т. Нетто Ллойд направил другому заговорщику — Гаазе. В письме говорилось:

«Рекомендованные вами два охотника (речь идет о братьях Габрилович. — *Авт.*) произвели на меня хорошее впечатление. Не считаю целесообразным посвящать этих людей в мои планы и пока что проинструктировал их набрать еще кое-кого в помощь в моем охотничьем матче. Я серьезно рассчитываю, что мои большие надежды, вложенные в эту экспедицию, оправдают себя полностью».

Добропорядочные британские джентльмены, обеспокоенные ростом национально-освободительного движения в своих колониях и в 1923 году утопившие в крови народное восстание в Ирландии, предпочитали не замечать этих фактов, а также своей роли в убийстве советского дипкурьера. Они поспешили обвинить СССР во вмешательстве во внутренние дела Англии и разорвали с ним дипломатические отношения.

Впрочем, эта грязная политическая акция подорвала доверие... сотрудников Правительственной школы кодов и шифров (ПШКШ) к правительству консерваторов, и с этих пор главная британская служба радиоперехвата предпочитала не делиться с ним получаемыми сведениями. Так, когда во время гражданской войны в Испании ПШКШ получила сведения об истинной военной мощи Германии и Италии, она не доложила эти сведения кабинету «мюнхенцев» во главе с Чемберленом. В 1930-е годы, когда для Британии наибольший интерес представляли сведения о военной мощи СССР и Германии, британские криптоаналитики не сообщали своему правительству никаких данных по этим странам.

В свете майских событий в Лондоне Политюро создало комиссию ЦК во главе с К.Б. Ворошиловым, которая рассмотрела создавшееся положение и разработала меры, направленные на то, чтобы впредь не допускать подобных инцидентов. Активное участие в работе комиссии и разработке рекомендаций принимал М.А. Трилиссер. В результате вся система безопасности советских полпредств, торговых представительств и миссий, а также резидентур внешней разведки была изменена. Коренным образом изменилась также и система шифрования: были введены одноразовые шифрблокноты, и с тех пор стала использоваться трудоемкая, но очень надежная система шифрования.

Коминтерн ужесточил контроль за деятельностью своего Отдела международных связей, который вел разведку за рубежом, изменил систему шифров и порядок работы с секретными документами. Резидентам Разведывательного управления РККА и ИНО ОГПУ запрещалось совмещать свои функции с работой в качестве представителей Коминтерна. Разведчикам запрещалось также вербовать коммунистов в качестве агентов. Впредь всякая вербовка агентуры утверждалась в Центре, тогда как до этого резидент ИНО ОГПУ имел право самостоятельно решать такие вопросы. К сожалению, на практике эти рекомендации далеко не всегда выполнялись.

Что касается Аркоса, то он возобновил свою деятельность в 1929 году после восстановления дипломатических отношений между СССР и Великобританией. Однако основные торговые операции проходили в то время уже по линии торгпредства СССР, участие же Аркоса в товарообороте резко сократилось. В начале Второй мировой войны акционерное общество Аркос прекратило свою деятельность.

* * *

27 октября 1929 года решением Политбюро ЦК ВКП (б) начальник Иностранного отдела ОГПУ М. А. Трилиссер был освобожден от занимаемой должности. Причиной послужило его открытое выступление против назначенного в тот день на должность первого заместителя председателя ОГПУ всесильного Генриха Ягоды, которого Трилиссер обвинил в сочувствии к «правому уклону» в партии. В связи с болезнью В.Р. Менжинского, организм которого медленно разрушал прогрессирующий паралич, Ягода фактически становился руководителем ОГПУ. Сотрудникам ОГПУ было разъяснено, что М.А. Трилиссер нарушил партийную дисциплину, поскольку затеял склоку внутри этой важной организации и поставил под сомнение авторитет ЦК ВКП (б).

Некоторое время опытный организатор разведки находился не у дел. Наконец в феврале 1930 года его неожиданно вызвали в Кремль к Сталину. Обращаясь к чекисту, тот сказал:

— Товарищ Трилиссер, мы решили дать вам новое поручение. Необходимо усилить работу органов нашей рабоче-крестьянской инспекции. Как вы знаете, мне далеко не безразлична эта работа. Вы, конечно, помните, что с марта 1919 года до апреля 1922 года наркомом РКИ был товарищ Сталин. Если не возражаете, то я сейчас расскажу вам, что именно необходимо там делать в первую очередь...

Трилиссер, конечно, не возражал и был назначен заместителем наркома РКИ.

В 1934 году на ХУП съезде партии М.А. Трилиссер был избран членом Комиссии советского контроля при СНК СССР и ее уполномоченным по Дальнему Востоку.

В 1935 году он был избран членом Президиума и кандидатом в члены Секретариата Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ), в котором работал под фамилией Москвин.

В Секретариате ИККИ аппарат Трилиссера курировал работу по линии компартий Латвии, Литвы, Финляндии, Эстонии и Польши. Он отвечал за деятельность спецслужб ИККИ и взаимодействие с органами НКВД, входил в комиссию Секретариата ИККИ по переводу в ВКП (б) членов зарубежных коммунистических партий. В Исполкоме Коминтерна Трилиссер работал до 1938 года.

В ноябре 1938 года Сталину доложили список большой группы работников внешнеполитических ведомств, якобы связанных с подпольной террористической деятельностью, среди которых значилось и имя сотрудника Исполкома Коминтерна Меера Абрамовича Трилиссера. Прочитав список, Сталин синим карандашом поставил свою визу. 23

ноября 1938 года бывший руководитель советской внешней разведки Меер Трилиссер был арестован. В обвинительном заключении, в частности, указывалось:

«Работая в 1926 году начальником Иностранного отдела ОГПУ, Трилиссер вошел в состав антисоветской группы, существовавшей в ОГПУ СССР, и имел организационную связь с врагом народа Ягодой и другими.

В последующие годы, перейдя на работу в аппарат Коминтерна, Трилиссер установил организационную связь по антисоветской деятельности с Кнориным и Пятницким (ответственные сотрудники Исполкома Коминтерна. — *Авт.*) и по их заданиям насаждал в братских компартиях Греции, Польни, Эстонии, Латвии и других стран троцкистские, шпионские кадры и провокаторов».

1 февраля 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР признала Трилиссера виновным по всем пунктам предъявленного обвинения и приговорила к высшей мере наказания. На следующий день опытный революционер-подпольщик, разведчик и государственный деятель был расстрелян.

Немногим ранее был арестован, а затем расстрелян и генеральный комиссар государственной безопасности Генрих Ягода, против которого Трилиссер выступил в 1929 году.

В 1956 году М.А. Трилиссер был посмертно полностью реабилитирован.

Глава III. ГРОССМЕЙСТЕР СПЕЦСЛУЖБ

В ночь с 20 на 21 августа 1937 года в одной из камер внутренней тюрьмы на Лубянке ожидал расстрела бывший начальник внешней разведки НКВД, бывший заместитель начальника военной разведки, основатель советской контрразведки, выдающийся чекист Артур Христианович Артузов.

На следующий день в Москве по сфабрикованному обвинению в сотрудничестве с иностранными спецслужбами вместе с ним были расстреляны 28 человек. Кровавый маховик репрессий против ни в чем не повинных людей только набирал обороты. Его жертвами станут более 20 тысяч чекистов, и среди них—человек-легенда Артур Артузов.

Он был расстрелян как изменник и заговорщик, обвиненный в сотрудничестве с четырьмя разведками мира. Но и после казни чекиста задуманные и блестяще проведенные им операции «Трест» и «Сипдикат-2» во все времена изучали как классические в закрытых учебных заведениях не только НКВД—КГБ, но и иностранных спецслужб, ибо по своему оперативному мастерству Артур Артузов не имел себе равных среди разведчиков всего мира.

16 февраля 1891 года в имении Установо Кашинского уезда Тверской губернии в семье швейцарского сыровара итальянского происхождения Христиана Фраучи, эмигрировавшего в Россию, родился первенец, которого родители по протестантской традиции нарекли тройным именем — Артур Евгений Леонард. В России второе и третье имена не были приняты, поэтому будущего разведчика сверстники звали просто Артуром.

Он был любимцем матери. Еще в детстве под ее руководством Артур овладел французским и немецким языками. Уже взрослым самостоятельно выучил английский язык. Спустя много лет, заполняя анкету, Артур Фраучи, взявший фамилию Артузов, укажет в графе «национальность»: «Сын швейцарского эмигранта, мать латышка, проживала все время в России. Отец умер в 1923 году. Я себя считаю русским».

Семья Фраучи была близка к революционным кругам России. После поражения первой русской революции 1905—1907 годов в семье Фраучи скрывались большевики Подвойский, Ангарский, его брат Клестов, а также будущий видный чекист, член коллегии ВЧК—ОГПУ Михаил Кедров,

который позднее сыграет значительную роль в жизни Артура Фраучи.

В 1909 году Артур окончил с золотой медалью Новгородскую мужскую гимназию и поступил на металлургический факультет Петербургского политехнического института. Последние летние каникулы он провел в Петербурге. По заданию М. Кедрова развозил запрещенную большевистскую литературу, приобретая первые навыки конспирации. Во время учебы в Политехническом институте активно участвовал в работе нелегальных партийных кружков.

Незадолго до Февральской революции 1917 года, получив диплом с отличием по специальности инженера-металлурга, Артур Фраучи стал работать в Металлургическом бюро, которым руководил выдающийся русский ученый-металлург В.Е. Грум-Гржимайло. При советской власти Металлургическое бюро преобразовали в Государственный институт по проектированию агрегатов сталелитейного производства — «Стальпроект».

Сослуживцы и сам профессор В.Е. Грум-Гржимайло прочили Артуру Фраучи блестящую карьеру инженера, однако он пошел иным путем. В начале лета 1917 года по заданию профессора он отправляется в командировку на Урал, в Нижний Тагил, откуда возвращается к осени, чтобы принять участие в Октябрьской революции. В Петрограде он разыскал руководителя Военной организации большевиков П. Подвойского и выразил желание работать вместе с ним. В декабре 1917 года Артур Фраучи вступает в большевистскую партию и целиком посвящает себя политической деятельности, оставив навсегда карьеру инженера. Именно в Военной организации А. Фраучи познакомился с профессиональным революционером, будущим преемником Ф. Дзержинского на посту председателя ОГПУ Вячеславом Рудольфовичем Менжинским, под руководством которого он позже разработает и осуществит ряд блестящих чекистских операций по обезвреживанию контрреволюционного подполья.

Весной 1918 года в северных районах России, особенно в Мурманске и Архангельске, создалась сложная и опасная обстановка. 6 марта в Мурманске с согласия Л. Троцкого высадился английский десант под предлогом защиты Севера от германского вторжения. За ним вскоре последовали французские и американские интервенты. К началу июля в Мурманске под командованием английского генерала Ф. Пула уже находилось до 17 тысяч интервентов, которых поддерживало до 5 тысяч белогвардейцев.

Совет народных комиссаров направляет на Север специальную комиссию под руководством М.С. Кедрова. В ее составе в качестве секретаря работает и Артур Фраучи. Он принимал участие в боях с

английскими интервентами под Архангельском, ему была поручена эвакуация стратегических грузов из Архангельского порта. В короткий срок оттуда было вывезено свыше 40 миллионов пудов угля и большое количество боеприпасов. Здесь же он возглавлял подрывной отряд, действовавший в тылу интервентов. Фраучи как инженеру было поручено уничтожить железнодорожный мост, чтобы остановить продвижение противника в глубь страны. С этой задачей он успешно справился.

К осени 1918 года функции комиссии Кедрова были исчерпаны, и он вместе с Фраучи возвратился в Москву. Артур, которого солдаты окрестили Артузовым, поступает на службу в ВЧК. С согласия своих руководителей Дзержинского и Кедрова он официально принимает фамилию Артузов. Вначале Артур Христианович работает особоуполномоченным и следователем ВЧК, выполняет ответственные задания Дзержинского и Менжинского на Западном и Юго-Западном фронтах. Первой серьезной чекистской операцией, в которой Артузов принял непосредственное участие, была операция по ликвидации антисоветской организации «Национальный центр».

В начале июля 1919 года под городом Луга Петроградской губернии красноармейцы застрелили белогвардейского офицера Никитенко. Среди найденных у него документов был обнаружен листок, из которого следовало, что убитый офицер являлся членом подпольной антисоветской организации, действовавшей в Петрограде и пытавшейся установить связь с командованием Белой гвардии. Заговорщики создали так называемый «Национальный центр» Петрограда, в который входили барон Штромберг, князя Андроников и Оболенский, а также другие лица рангом ниже, вскоре арестованные чекистами.

В августе 1919 года в Вятской губернии милицией был задержан подозрительный человек, назвавшийся Николаем Карасенко. При обыске в его мешке милиционеры обнаружили один миллион рублей. Задержанный оказался на самом деле офицером разведывательного отделения штаба армии Колчака Николаем Крашенинниковым. Деньги он вез для контрреволюционной организации «Национальный центр» в Москве. От Крашенинникова ниточки потянулись к руководителю «Национального центра» Николаю Николаевичу Щепкину. Осенью 1919 года Артузов участвовал в операции по его задержанию и аресту.

Операцией чекистов по ликвидации «Национального центра» руководил непосредственно Дзержинский. В ней участвовали также другие видные чекисты — Менжинский и Могилевский. В ходе операции был арестован руководитель «Национального центра»

Щепкин, в прошлом крупный деятель партии кадетов, бывший член Государственной думы. На свою заговорщическую деятельность он получил от адмирала Колчака один миллион рублей золотом.

В ходе обыска на квартире Щепкина чекисты обнаружили ряд секретных документов, среди которых были постановление Реввоенсовета Республики о сосредоточении фронтовых резервов Красной Армии в районе Тулы, а также изложение плана ее боевых действий против Деникина. Выяснилось, что этими сведениями Щепкина снабжал начальник оперативного отдела Всероссийского Главного штаба бывший царский генерал Кузнецов.

Кроме «Национального центра» в Москве в то время существовали еще две крупные контрреволюционные организации—«Союз возрождения России» и «Совет общественных деятелей», объединившиеся в так называемый «тактический центр». При нем была образована особая военная комиссия для связи с подпольными военными группами. За спиной заговорщиков стояла британская разведка СИС в лице ее резидента в Петрограде Пола Дюкса, который подписывал свои донесения в Лондон псевдонимом ST-25. Перед чекистами встала задача обезвредить контрреволюционный заговор. Они знали, что создан штаб Добровольческой армии Московского района. Его возглавил бывший генерал-лейтенант Н.Н. Стогов. Срок выступления был намечен на 21 сентября 1919 года, когда войска Деникина подойдут к Туле. Генерал Деникин планировал взять Москву до зимы и уже заготовил «Приказ № 1» о расстрелах большевиков и «Воззвание к населению Москвы».

19—20 сентября Артузов участвует в ликвидации контрреволюционного заговора. 23 сентября газета «Известия» опубликовала обращение ВЧК ко всем гражданам страны по поводу разгрома «Национального центра» и привела список 67 главных заговорщиков. В общей сложности чекисты при поддержке красноармейцев арестовали около 700 участников контрреволюционных организаций.

Роль Артузова в ликвидации заговора была высоко оценена руководством ВЧК, и он назначается заместителем начальника Особого отдела. Непосредственным его начальником был Кедров, который, в свою очередь, вскоре также получил повышение по службе.

В начале 1920 года Артузов становится начальником Особого отдела ВЧК. Весной того же года панская Польша при поддержке Антанты начала войну против Советской России, и Артузов трижды выезжал на фронт с мандатом ВЧК от 10 мая 1920 года, в котором, в частности, говорилось:

«Тов. Артузов командирован на Западный фронт для организации

особых отделов, непосредственного руководства их работой и согласования деятельности особых отделов фронтов и армий. Тов. Артузову предоставляется право производства обысков, облав и арестов по своему усмотрению. Все военные и гражданские учреждения и лица обязаны оказывать тов. Артузову полное и всемерное содействие в выполнении возложенных на него обязанностей».

В начале того же года в поле зрения чекистов попал Игнатий Добржинский, оказавшийся резидентом польской разведки в Москве. Артузову удалось перевербовать его на идейной основе и сделать кадровым сотрудником ВЧК, в которой он числился под фамилией Сосновский. С его помощью был ликвидирован ряд резидентур польской разведки в нашей стране. 18 июля 1921 года в связи с успешной ликвидацией контрреволюционного подполья и сети польского шпионажа Артузов был награжден орденом Красного Знамени.

В мае 1922 года в связи с окончанием Гражданской войны из Особого отдела был выделен новый — контрразведывательный отдел (КРО), который возглавил Артузов, по праву считавшийся в ВЧК мастером высокого класса. На этом посту он принимал непосредственное участие в проведении многих чекистских операций, в частности, в ликвидации заговора монархистов-иколаевцев, знаменитой операции «Сшцикат-2» по выводу в СССР и аресту известного террориста Бориса Савинкова, в операции «Трест», завершившейся арестом международного шпиона и заговорщика британского разведчика Сиднея Рейли, и многих других.

Руководство органов государственной безопасности молодого Советского государства сделало правильный вывод о том, что главную угрозу для нашей страны представляет Русский общевоинский союз (РОВС), и приняло меры по его разложению и дискредитации.

Эта напряженная работа советских разведчиков шла не прекращаясь с первой половины 1920-х годов до начала Второй мировой войны.

В конце 1920-х годов Врангель решил поставить во главе РОВС великого князя Николая Николаевича Романова, оставаясь при нем руководителем армии. Однако фактическим организатором РОВС на самом деле являлся начальник штаба генерал Кутепов, который после смерти Врангеля в 1928 году и Николая Николаевича в 1929 году стал единоличным руководителем всего белогвардейского движения за рубежом. В борьбе против советской власти он делал ставку на террор и диверсии. В Париже, где находилась штаб-квартира РОВС, а также во всех его филиалах (Прага, София, Варшава и другие столицы) готовились офицерские террористические группы для заброски в Советский Союз. Эта

работа проводилась в тесном контакте со спецслужбами Франции, Польши, Румынии и Финляндии.

Первым серьезным ударом по РОВС стала осуществленная чекистами под руководством Артузова операция «Трест». Это название она получила в связи с переходом советской власти от «военного коммунизма», вызванного разрухой и Гражданской войной, к новой экономической политике — НЭПу, когда в нашей стране возникали всякого рода тресты, картели, синдикаты. Решение чекистов провести подобную операцию родилось при следующих обстоятельствах.

В конце мая 1921 года в Германии открылся съезд русских монархистов, на котором присутствовали делегаты из разных стран. После бурных дебатов они избрали Высший монархический совет во главе с бывшим членом Государственной думы Н.Е. Марковым 2-м, известным черносотенцем. Самая многочисленная часть монархистов, включая Маркова 2-го и генерала Врангеля, ориентировалась на двоюродного дядю императора Николая II — великого князя Николая Николаевича, Верховного главнокомандующего русской армией в начальный период Первой мировой войны. Руководители монархистов понимали, что, не имея сообщников внутри Советской России, они не смогут добиться свержения большевиков. Кроме того, наличие тайной антибольшевистской организации в России позволило бы им рассчитывать на финансовую и материальную помощь со стороны Антанты.

Об операциях «Трест» и «Синдикат-2» написано множество книг и статей, сняты кинофильмы. Однако мало кто знает, как родился замысел этих классических чекистских оперативных игр с противником, закончившихся полной победой Артузова и разгромом белогвардейского подполья в нашей стране. А начиналось это так.

В глуши Смоленской губернии проживал генерал-лейтенант царской армии Владимир Джунковский, который в свое время был... шефом Отдельного корпуса жандармов. От своих сослуживцев этот генерал, причисленный к свите царя, отличался высокой порядочностью и честностью. Он, в частности, возражал против использования в борьбе с большевиками известного провокатора Малиновского, поскольку тот был депутатом Государственной думы, выступал против вербовки охранкой гимназистов, студентов, священнослужителей и рядовых армии.

Именно Джунковский, пользуясь своим нравом прямого доклада царю, рассказал ему о пьяных оргиях «старца» Григория Распутана, за что по настоянию императрицы был отстранен от должности и направлен на фронт командовать дивизией. В декабре 1917 года он уже при большевиках

вышел в отставку с сохранением мундира и пенсии, а в ноябре 1918 года выступил свидетелем на процессе провокатора Малиновского. Председателю ВЧК Дзержинскому удалось убедить Владимира Федоровича стать консультантом ВЧК в борьбе с контрреволюцией. Дзержинский познакомил его и с Артузовым.

Джунковский вместе с начальником КРО разработал операцию «Трест», которая стала классическим примером совместной работы разведки и контрразведки и вошла в учебники многих спецслужб мира. Работая над операцией, он пояснял, что чекистам не следует гоняться за отдельными террористами и контрреволюционерами, ибо это ничего не даст. Необходимо создавать легендированные организации, членами которых якобы являются реально существующие лица, хорошо известные в белоэмигрантских кругах. Так родилась легендированная чекистами «Монархистская организация Центральной России» (МОЦР), которая использовалась ими для оперативной игры с Высшим монархическим советом.

Шесть лет продолжалась операция «Трест». И все эти годы в качестве «эмиссара» МОЦР выступал А.Л. Якушев, бывший действительный статский советник, а в то время — ответственный сотрудник Наркомата путей сообщения, который по делам службы мог совершать регулярные поездки за границу. Через своего знакомого, переводчика английского паспортного бюро в Ревеле, Якушев довел до члена Высшего монархического совета князя Ширинского-Шахматова специально подготовленные чекистами сведения о том, что в Москве и Петрограде якобы продолжают подпольно действовать разрозненные группы монархистов, которые он намерен объединить.

Зарубежные монархисты очень хотели верить в то, что в Советской России сохранились их активные сторонники, и клюнули на приманку чекистов.

Шесть лет изо дня в день Джунковский вместе с Артузовым вели эту опасную игру, вводили в псе новых лиц, и даже организовали «инспекционную поездку» в СССР бывшего члена Государственной думы В.В. Шульгина, создавая тем самым на Западе авторитет легендированной организации. Он посетил Киев, Москву и Ленинград и по совету Якушева подготовил и опубликовал за рубежом книгу под названием «Три столицы». Интересно, что ее первыми читателями были Дзержинский, Менжинский и Артузов. В этой книге Василий Васильевич откровенно писал, что в Советской России нет голода, жизненный уровень постепенно повышается, а население в своем большинстве поддерживает большевиков.

Для придания большей убедительности «всемогуществу» МОЦР до представителей Запада и русских монархистов чекистами доводилась информация о том, что «ярыми антибольшевиками» якобы являются видный деятель партии Г. Пятаков, «красный генерал» М. Тухачевский, бывшие царские генералы Потапов, Свечин, полковник Б. Шапошников и другие.

«Нелегальная поездка» Шульгина в Киев породила за рубежом иллюзии в прочности позиций антисоветского подполья, которое якобы готовилось совершить переворот в стране. Британская разведка МИ-6 решила в этой связи направить в Москву своего эмиссара Сиднея Рейли, который еще в годы Русско-японской войны 1904—1905 годов работал на германские спецслужбы. В 1924 году Рейли под контролем чекистов «нелегально» пересек советско-финляндскую границу для встречи с эмиссарами «антисоветского подполья». Менжинский и Артузов приняли решение Рейли обратно на Запад не выпускать.

На вокзале в Москве Рейли встретила группа контрразведчиков, которые доставили его на дачу в Малаховку, где, по замыслу операции «Трест», было инсценировано заседание Политического совета МОЦР. Рейли был удовлетворен планами «руководителей организации», которым он настолько доверился, что решил через них направить из Москвы открытку своим друзьям за границу, в которой давал понять о благополучном прибытии в красную столицу.

После «заседания политсовета» и написания открытки Рейли был арестован чекистами Сыроежкиным и Пудиным и доставлен из Малаховки во внутреннюю тюрьму ОГПУ. Позже чекистами было инсценировано «случайное убийство» Рейли на советско-финляндской границе при его возвращении на Запад. 5 ноября 1925 года Сидней Рейли, приговоренный к смертной казни еще в 1918 году за участие в «заговоре послов», был расстрелян.

В 1927 году операция «Трест» полностью выполнила стоявшие перед ней задачи и была прекращена.

Параллельно с операцией «Трест» чекисты не менее успешно осуществляли разработанную Артузовым операцию «Синдикат-2». Она завершилась в 1924 году выводом в СССР и арестом руководителя «Народного союза защиты Родины и свободы» Бориса Савинкова. Для реализации этой многоходовой операции была создана легендированная подпольная антисоветская организация «Либеральные демократы», одним из полномочных представителей которой являлся опытный сотрудник ВЧК Андрей Павлович Федоров. Через эмиссара Савинкова в Москве Зекунова

Федоров вышел на самого руководителя террористической организации. Савинков настолько поверил в реальность существования «Либеральных демократов» и словам Федорова о том, что этой организации нужен энергичный вождь, что в августе 1924 года решился лично посетить СССР. Вместе с другими террористами — Деренталем и Фомичевым—Савинков был арестован чекистами на конспиративной квартире в Минске и доставлен в Москву на Лубянку. Его допросы вели Артузов и его заместитель Пиляр.

Савинков признал свое поражение и дал высокую оценку работе чекистов. 27—29 августа 1924 года в Военной коллегии Верховного суда проходили слушания по делу Бориса Савинкова, который полностью признал предъявленные ему обвинения. Суд приговорил его к расстрелу, однако решением Президиума ВЦИК высшая мера наказания была заменена лишением свободы сроком на 10 лет. После вынесения приговора Борис Савинков продолжал оставаться во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке. 7 мая 1925 года он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна.

В конце 1920-х годов Артузов разрабатывает и осуществляет операцию по нейтрализации белогвардейского атамана Бориса Анненкова, укрывшегося со своими бандами в Китае. В результате чекистских мероприятий атаман был выдан советским властям в марте 1926 года и как крупный военный преступник расстрелян 24 августа 1927 года.

После завершения операций «Трест» и «Синдикат» работы по борьбе с контрреволюцией у чекистов не убавилось. Начальник КРО ОГПУ Артузов и его подчиненные продолжали активно работать над разложением главной контрреволюционной эмигрантской организации — Русского общевойскового союза (РОВС), насчитывавшей в своих рядах до 20 000 активных штыков. Фактически это была русская армия за границей, руководители которой планировали организовать новый поход Антанты против Советской России. РОВС возглавлял генерал Врангель. После его смерти руководителем этой организации стал генерал Кутепов, а позднее — генерал Миллер.

Штаб-квартира РОВС располагалась в Париже, а его филиалы обосновались в сопредельных с СССР странах и находились на содержании западных спецслужб. Оттуда на территорию нашей страны засылались многочисленные группы агентов французской, польской, британской и румынской разведок, пытавшиеся создавать контрреволюционное подполье. В ответ чекисты под руководством Артузова засылали в сопредельные страны хорону подготовленных сотрудников от имени

легендированных организаций и занимались компрометацией наиболее активных деятелей РОВС.

В Ревель был направлен опытный сотрудник ОГПУ Дмитрий Федичкин. Здесь он привлек к сотрудничеству бывшего российского подданного «Карла», который по его заданию встретился с активным деятелем РОВС полковником Борисом Энгельгардтом и завербовал его, выступая от имени германской разведки. Энгельгардт снабжал «Карла» сведениями о русской эмиграции, информировал его о всех своих шагах по вербовке шпионов и подбору диверсантов, засылавшихся в СССР как по линии РОВС, так и при его посредничестве спецслужбами западных стран. Эта информация незамедлительно передавалась в Центр. В дальнейшем Энгельгардт был скомпрометирован перед руководством РОВС.

Летом 1930 года внешняя разведка органов государственной безопасности — ИНО ОГПУ — начала разработанную под руководством Артузова операцию под кодовым названием «Тарантелла». Выбор этого названия диктовался национальным происхождением выдающегося разведчика, отец которого был швейцарцем итальянского происхождения. Цель операции чекистов заключалась в том, чтобы продвигать через подставную агентуру ОГПУ направленную информацию в британские руководящие круги. Главную роль в операции «Тарантелла» играл секретный сотрудник ИНО Борис Федорович Лаго, проходивший по переписке Центра под псевдонимом «Марсель».

Британская разведка вышла на «Марселя» через завербованного ею ранее эмигранта, ставшего впоследствии региональным резидентом Секрет интеллидженс сервис, Виктора Богомольца, который по ее заданию вел активную разведывательную работу против СССР. «Марсель» установил тесный контакт с Богомольцем, которого в течение четырех лет снабжал специально подготовившимися на Лубянке дезинформационными материалами. Работой этого секретного сотрудника внешней разведки руководил лично Артузов, который, став через год начальником разведки, курировал уже всю операцию «Тарантелла».

По своей значимости «Тарантелла» может быть смело поставлена в один ряд с операциями «Трест» и «Синдикат». Под руководством Артузова в штаб-квартиру СИС продвигалась информация о том, что благодаря успешному выполнению пятилетних планов в СССР западные страны, включая конкурентов Англии — США, Германию и Францию,—имеют возможность активно сотрудничать с Москвой в экономической области и могут потеснить Лондон на обширных советских рынках. После разгрома оппозиции советское руководство чувствует себя уверенно, полностью

контролирует обстановку в стране и положение в армии. Надежды внешней контрреволюции на крах советского режима беспочвенны, поэтому Запад должен отказаться от интервенции в СССР и активно сотрудничать с ним в деле создания системы коллективной безопасности в Европе. О некоторых наиболее существенных специальных мероприятиях «Тарантеллы» докладывалось непосредственно Сталину.

1 августа 1931 года Артур Артузов был назначен начальником ИНО (внешняя разведка) и введен в состав коллегии ОГПУ. В то время в центральном аппарате внешней разведки органов госбезопасности в Москве насчитывалось всего около девяноста сотрудников и примерно столько же разведчиков находились в зарубежных резидентурах. Когда Артузов возглавил разведку, одним из главных ее зарубежных центров являлся Берлин, откуда разведывательная работа велась не только по Германии, но и по соседним странам и даже США.

«Легальным» резидентом ОГПУ в Берлине с 1931 года был видный разведчик Борис Берман, который руководил агентурной сетью непосредственно в Германии. Одновременно здесь находилась региональная резидентура, возглавляемая заместителем Артузова Абрамом Слуцким, который в 1936 году заменил его на посту начальника внешней разведки. Региональная резидентура руководила из Берлина действиями резидентур в пятнадцати странах.

В начале 1930-х годов внутривосточное положение в Германии резко осложнилось, к власти в стране рвались нацисты. Берлинская резидентура ОГПУ, которой руководил Николай Самсонов, еще в 1929 году получила документальную информацию, свидетельствующую о намерении правящих кругов Германии отойти от Рапвальских соглашений. Самсонов докладывал о реальности прихода нацистов к власти и их агрессивных намерениях в отношении нашей страны. Поэтому 30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП (б), заслушав вопрос о работе Иностранного отдела ОГПУ, приняло специальное решение о совершенствовании работы внешней разведки. В соответствии с этим решением ИНО ОГПУ должно было сосредоточить свои усилия на разведывательной работе против Японии, Англии, Франции, Германии, Польши и других соседних стран. Особое внимание уделялось постепенному переводу разведывательной работы за рубежом на нелегальные позиции в связи с угрозой войны. Исполнять это решение предстояло новому начальнику советской внешней разведки Артузову. Под его руководством внешняя разведка в первой половине 1930-х годов добилась значительных результатов.

Исходя из создавшейся ситуации в Германии, Артузов принял решение

продолжить операцию «Трест». На сей раз ее целью было проникнуть в верхушку нацистской партии. Главным исполнителем операции стал секретный сотрудник ИНО ОГПУ Александр Михайлович Добров, работавший под прикрытием должности малозаметного старшего инженера текстильного директората ВСНХ.

В 1931 году Артузов организует его выезд в Карловы Вары на «лечение». Для Доброва была отработана легенда, согласно которой он является руководителем некой подпольной контрреволюционной группы, решившей при финансовой поддержке Берлина создать фашистскую партию в России. В Карловых Варах он встречается с дореволюционным приятелем, которому, согласно легенде, намекает о своем желании познакомиться с кем-нибудь из нацистских бонз. Приятель Доброва, известный чекистам своими связями с нацистами, организует его встречу в Берлине с уроженцем Прибалтики, «отцом» расовой теории Альфредом Розенбергом.

Отпетому расисту понравился Александр Добров и, естественно, пришлась по душе его идея создать фашистскую партию в России. О своих беседах с ним Розенберг докладывает лично Гитлеру и дает идее высокую оценку. В свою очередь Добров передал Розенбергу специально подготовленные руководством разведки правдоподобные сведения о положении дел в Советском Союзе и росте рядов своей мифической «партии». Оперативная игра, затеянная чекистами, позволила Москве быть в курсе истинных замыслов Гитлера в отношении нашей страны. Из донесений Лубянки следовало, что в случае прихода к власти нацистов военного столкновения с Германией Советскому Союзу не избежать.

Поэтому в начале 1932 года по предложению Артузова было решено перестроить разведывательную работу за рубежом. Ввиду острой нехватки квалифицированных кадров Артузов поставил перед руководством ОГПУ вопрос об организации специальных курсов для подготовки и переподготовки разведчиков. Эти курсы, рассчитанные на 25 человек, комплектовались специально подобранными оперативными работниками ОГПУ. Предпочтение отдавалось лицам, имевшим опыт оперативной работы и владевшим иностранными языками. Создание курсов способствовало дальнейшему повышению уровня разведывательной работы за рубежом.

По указанию Артузова в 1932 году была проведена коренная реорганизация работы разведки в Германии, сочетавшая ведение разведки с «легальных» и нелегальных позиций. На базе нелегальных групп были организованы крупные нелегальные резидентуры, которым поручалось

подготовить условия для разведывательной работы на случай войны. Этими резидентурами руководили видные разведчики-нелегалы Василий Зарубин и Федор Парпаров. В 1932 году резидент ОГПУ в Берлине Борис Берман и начальник германского отделения ИНО ОГПУ Отто Штейнбрюк предложили создать за пределами Германии две подрезидентуры, в которых по мобилизационному плану Центра во время войны могли бы обособиться нелегалы для руководства своей агентурой в Третьем рейхе, где, судя по всему, не осталось бы советских представителей.

Проведенная Артузовым работа по улучшению разведывательной деятельности принесла свои плоды. К началу 1933 года внешняя разведка создала в Германии надежный агентурный аппарат. Ею были приобретены такие ценные источники, как сотрудник гестапо Вилли Леман («Брайтенбах»), снабжавший резидентуру не только контрразведывательными, но и разведывательными материалами. Именно от него в середине 1930-х годов были получены данные об испытании в Германии неуправляемых ракет ФАУ-1. Занимая пост начальника отдела по борьбе с «коммунистическим шпионажем» в Германии, он предупреждал резидентуру о готовившихся гестапо провокациях против советских представителей.

В 1933 году «легальная» резидентура ОГПУ в Берлине, руководимая Борисом Гордоном, а также нелегальные резидентуры вели активную разведывательную работу, добывая цепную информацию по всем направлениям деятельности. От источников этих резидентур, имевших доступ к секретным документам МИД Германии, других министерств и ведомств, люфтваффе, руководства национал-социалистской партии, полицей-президиума, гестапо и т.п., поступала ценнейшая информация о планах и намерениях гитлеровцев в отношении нашей страны и Европы в целом.

В 1932 году к сотрудничеству с внешней разведкой были привлечены Арвид Харнак («Корсиканец»), ставший позднее имперским советником в Министерстве экономики, Харро Шульце-Бойзен («Старшина») — сотрудник разведывательного отдела ВВС, Адам Кукхоф («Старик»), а также ряд других ценных источников.

Принятые Центром меры позволили берлинской резидентуре НС только быстро преодолеть спад, вызванный обострением обстановки в стране в 1933—1934 годах, но и постепенно активизировать ее работу. В отчете 3-го (германского) отделения ИНО ОГПУ за 1933 год, утвержденном М.С. Кедровым, отмечалось:

«В результате проводимых национал-социалистами правитель-

ственных мероприятий (массовые аресты, разгром организаций и другие репрессии) наша работа в основном не пострадала. Мы потеряли двух агентов. Поссанер вне зависимости от связи с нами был арестован за свои старые грехи перед НСДАП. Был арестован также наш источник А/210, бывший коммунист. Благодаря своевременно принятым мерам, мы избежали каких-либо осложнений в работе. Вся наша агентура работает исключительно в нелегальных условиях».

Уже в 1935 году заметно активизировалась работа по приобретению новых источников информации в Германии. Только за один этот год резидентурой было привлечено к сотрудничеству с внешней разведкой 13 источников по политической линии. А 1936 год можно считать пиком работы берлинской резидентуры: она располагала источниками информации в важнейших объектах Германии и добывала ценную информацию о внутривнутриполитической ситуации в стране, положении в нацистской партии, гитлеровском руководстве, военных устремлениях и приготовлениях Гитлера. Резидентура освещала экономическое положение Германии, способствовала заключению выгодных торговых сделок с немецкими фирмами, а также вела работу по выявлению подрывной деятельности германских концернов против СССР.

Во Франции в этот же период добилась выдающихся результатов нелегальная резидентура, руководимая Борисом Базаровым. Активный разведчик-нелегал Дмитрий Быстролетов (оперативный псевдоним «Ганс»), специализировавшийся на получении шифров европейских стран, сумел завербовать сотрудника британского Форин-оффис «Арно», от которого поступали ценнейшие документальные материалы.

В 1933 году по инициативе Артузова была воссоздана нелегальная резидентура в Англии, руководимая знаменитым разведчиком-нелегалом Арнольдом Дейчем, лично завербовавшим свыше двадцати агентов. Этой резидентурой была приобретена знаменитая «кембриджская пятерка», от которой поступала документальная информация о деятельности МИД и МВД Великобритании, об англо-германских отношениях, о положении в основных политических партиях страны, торговой политике Великобритании и по другим вопросам, интересовавшим Москву. В годы Великой Отечественной войны от нее поступала информация не только по Великобритании, но и по гитлеровской Германии, где в тот период не существовало резидентуры советской внешней разведки.

В мае 1934 года, когда угроза гитлеровской агрессии стала реальностью и не исключалось создание блока западных стран на антисоветской основе, Политбюро рассмотрело вопрос о координации

деятельности военной и политической разведок. Начальник ИНО ОГПУ Артур Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведывательного управления РККА. 21 мая 1935 года он был освобожден от обязанностей начальника ИНО НКВД и полностью сосредоточился на работе в военной разведке, которую тогда возглавлял Ян Карлович Берзин.

Перевод Артузова с поста начальника внешней разведки органов госбезопасности с понижением в должности в военную разведку был связан с инцидентом, происшедшим с ним незадолго до этого.

В начале 1934 года вопрос советско-польских отношений обсуждался на совещании в Кремле. Сталин, опираясь на информацию советского полпреда в Варшаве Антонова-Овсеенко, склонялся к мысли, что следует откликнуться на «реверансы» Варшавы и прозондировать почву для возможного заключения соглашения с ней. Эту точку зрения вождя разделял и Карл Радек, слывший экспертом Кремля по международным вопросам. На этом совещании в Кремле только Артур Артузов придерживался иного мнения. Опираясь на донесения советской разведки, он заявил, что поляки ведут нечестную игру и всего лишь делают вид, что собираются сблизиться с СССР. На самом же деле Польша зондирует почву для сговора с Германией в надежде, что Гитлер совместно с ней разделит «советский пирог» в случае войны против СССР.

Жизнь показала правоту Артузова. В декабре 1934 года между Германией и Польшей был подписан договор о добрососедстве и сотрудничестве, направленный против СССР. По этому договору Германия обязалась в случае войны с СССР учесть территориальные претензии Польши к нашей стране. Сталин, ознакомившись с этим документом, полученным советской внешней разведкой, реагировал своеобразно: Артузов был освобожден от должности начальника ИНО и переведен в Разведупр РККА. Генсек не любил, когда кто-нибудь публично выражает несогласие с его мнением.

Вместе с А.Х. Артузовым в Разведупр РККА перешли и некоторые видные разведчики из ИНО НКВД, в том числе Сергей Пузицкий (занял пост помощника начальника РУ), Отто Штейнбрюк (назначен начальником Европейского отдела РУ), Федор Карин (стал начальником Восточного отдела РУ), Лев Мейер-Захаров (назначен помощником начальника РУ).

Уже за первый год своей работы в военной разведке Артузов многое сделал для совершенствования ее деятельности. Он добивался, чтобы сотрудники военной разведки за границей прекратили всякие связи с членами компартий, отказались от практики их вербовки, что неоднократно

приводило к провалам в работе.

Интересна в этом плане докладная записка Артузова наркомму обороны Ворошилову. Анализируя причины провала резидентуры ГРУ в Дании, он писал, что резидент Улановский «арестован датской контрразведкой, потому что нарушил приказ о запрете вербовать членов компартии. Трое завербованных им датчан — коммунисты. Тов. Улановский скрыл от нас этот факт».

И в военной разведке Артузов уделял первостепенное внимание работе с нелегальных позиций. В 1935 году по его предложению за рубеж был командирован разведчик-нелегал Ян Черняк. В течение двенадцати лет он возглавлял крупную агентурную сеть, охватывавшую ряд стран Европы. Уже в наше время он был удостоен звания Героя России. Именно Артузов принял в Разведупр легендарного военного разведчика Хаджи-Умара Мамсурова (Ксанти), отличившегося позднее в Испании. В тот же период нелегальным военным разведчиком стал знаменитый Шандор Радо, обосновавшийся в Швейцарии под псевдонимом «Дора», от которого в годы войны поступала ценная стратегическая информация по Германии и Италии. На период работы Артузова в военной разведке приходится активизация деятельности Леопольда Треппера, создавшего разветвленную разведывательную сеть в Бельгии и во Франции. Наконец, Артур Христианович был «крестным отцом» выдающегося разведчика-нелегала Рихарда Зорге («Рамзая»), работавшего в Китае и Японии и в 1963 году удостоенного звания Героя Советского Союза (посмертно).

Список имен прославленных разведчиков, таланты которых сумел разглядеть Артузов, можно было бы продолжить. Однако даже простое перечисление этих бойцов «невидимого фронта», вошедших в золотой фонд как политической, так и военной разведок нашей страны, говорит о незаурядном уме и высоком профессионализме мастера разведки, каковым с полным основанием можно считать чекиста Артура Христиановича Артузова. Он умел создавать задел на перспективу. В суровые годы войны именно от этих людей будет поступать ценнейшая военная и политическая информация, в том числе по атомному оружию. Именно поэтому Артузов в своей профессии не имеет себе равных среди руководителей разведок всех стран и всех времен.

Как-то, выступая перед сотрудниками внешней разведки и касаясь профессии разведчика, Артузов подчеркнул:

«Наша профессия в тени. И не потому, что она не почетна. Просто наш труд не афишируется. Часто наши победы и наши слезы миру не видны. Но я не придаю нашей профессии какой-то исключительности. Считаю, что

она в ряду других интересных и трудных профессий.

Наш фронт незрим. Прикрыт секретностью, некой дымкой таинственности. Но и на этом скрытом от сотен таз фронте бывают свои звездные минуты. А чаще всего геройство чекиста заключается не в единственном подвиге, а в будничной напряженной кропотливой работе, в той возвышенно-значительной борьбе, не знающей ни передышек, ни послаблений, в которой он отдает все, что имеет».

Однако положение Артузова в Разведупре, несмотря на его успешную деятельность, было непрочным. Нарком обороны Ворошилов с подозрением относился к нему и другим чекистам, пришедшим в военную разведку, считая, что они подсланы Сталиным для наблюдения за ним. Началось неприкрытое выживание Артузова, Ш тейнбрюка, Карина и других бывших сотрудников НКВД из военной разведки.

Этому активно способствовал и сменивший Берзина на посту руководителя Разведывательного управления Урицкий, который всячески подогревал конфликт между «военными» и пришедшими с Артузовым «энкавэдэшниками». Вот что по этому поводу пишет историк Игорь Дамаскин в своей книге «Сталин и разведка»:

«Артузов пытался как-то бороться с этим. Он направил в адрес Урицкого письмо, указав на "исключительную усилившуюся резкость с Вашей стороны в отношении бывших чекистов". "Не для того, чтобы искать положения, популярности, выдвижения или еще чего-либо, пошли эти товарищи со мной работать в Разведупр, — писал он дальше.—Вот слова тов. Сталина, которые он счел нужным сказать мне, когда посылал меня в Разведупр: "Еще при Ленине в нашей партии завелся порядок, в силу которого коммунист не должен отказываться работать на том посту, который ему предлагается". Я хорошо помню, что это означало, конечно, не только то, что как невоенный человек я не могу занимать Вашей должности, но также и то, что я не являюсь Вашим аппаратным замом, а обязан все, что я знаю полезного по работе в ГПУ, полностью передать военной разведке, дополняя, а иногда и поправляя Вас". Далее Артузов еще раз не преминул сослаться на покровительство Сталина: "Простите меня, но и лично Ваше отношение ко мне не свидетельствует о том, что Вы имеете во мне ближайшего сотрудника, советчика и товарища, каким, я в этом не сомневаюсь, хотел меня видеть в Разведупре тов. Сталин".

Так или иначе, хотели ли этого Артузов или Урицкий или нет, но события развивались помимо их воли, и дни чекистов и самого Артузова в Разведупре были сочтены. И решал это не Урицкий, а нарком обороны Ворошилов, который не мог стерпеть "проникновения чекистов в

подведомственную ему службу"».

26 сентября 1936 года наркомом внутренних дел стал секретарь ЦК ВКП (б) Николай Ежов, заменив на этом посту Генриха Ягоду.

Отношения между военными и чекистами в Разведупре резко обострились. Для Ворошилова Артузов и его соратники были не только чекистами, но и «людьми Ягоды». 11 января 1937 года по предложению Ворошилова Политбюро приняло решение освободить Артузова и Штейнбрюка от работы в военной разведке и направить их в распоряжение кадров НКВД.

На Лубянке Артузов оказался не у дел, а его уникальный разведывательный опыт—невостребованным. Первоначально его направили в архивное подразделение — якобы для написания книги, приуроченной к 20-й годовщине органов государственной безопасности.

В ночь на 13 мая 1937 года Артур Артузов был арестован в своем служебном кабинете на Лубянке.

Незадолго до своего ареста, выступая на партийном активе НКВД, Артур Христианович заявил:

«При установившемся после смерти Менжинского фельдфебельском стиле руководства отдельные чекисты и даже целые звенья нашей организации вступили на опаснейший путь превращения в простых техников аппарата внутреннего ведомства со всеми недостатками, ставящими нас на одну доску с презренными охранками капиталистов».

«Простые техники» такого простить Артузову не смогли. Уже на следующий день после ареста началось «следствие» по его делу, которое закончилось 15 августа 1937 года. Артузов обвинялся по зловещей 58-й статье, точнее, по тому из ее пунктов, где говорилось о «контрреволюционных преступлениях» и «шпионаже», а также в принадлежности к «антисоветской организации правых, действовавшей в НКВД и возглавляемой Ягодой».

Артузова допрашивал с применением мер физического воздействия не рядовой следователь, а начальник секретариата НКВД. Ежовские палачи хотели не только выбить из Артузова признание в его шпионской деятельности, но и получить развернутые показания со ссылкой на представителей зарубежных разведок, агентов, террористов и заговорщиков. В итоге Артузова обвинили в работе на четыре иностранные разведки — французскую, немецкую, английскую и польскую. Вменялось Артузову в вину и «сокрытие сведений о заговорщической деятельности маршала Тухачевского». При этом следователей не заботила правдоподобность обвинений.

Приведем свидетельство из книги А. Панчинского и М. Тумшица «Щит, расколотый мечем. НКВД против ВЧК», основанное на протоколах допросов чекиста:

«Первоначально Артузов "упорно скрывал свою вину и отказывался давать следствию показания о своей антисоветской и шпионской деятельности". Первый протокол был составлен 27 мая 1937 года. Именно тогда Артузов, "видя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, решил встать на путь полного признания преступлений", совершенных им, и начал давать "следствию искренние показания о своей преступной деятельности"».

Как свидетельствуют материалы сфабрикованного дела, Артузов «сознался» в предъявленных ему обвинениях относительно активного участия в заговоре внутри НКВД, который возглавлял Ягода. В ходе допросов он «поделился» со следователями своими планами в области экономики, почерпнутыми им из периода нэпа. В политической области «заговорщики» якобы хотели реализовать политическую программу, изложенную... в проекте Сталинской конституции 1936 года. Этот ход Артузов предпринял не случайно. Он надеялся опровергнуть предъявленные ему обвинения в ходе судебного процесса. Однако его дело в Военную коллегия Верховного суда так и не поступило. Приговор ему вынесла так называемая «тройка».

21 августа 1937 года эта «тройка» в составе председателя Военной коллегии Верховного суда СССР Ульриха, заместителя прокурора СССР Рогинского и заместителя наркома НКВД Вельского заочно вынесла решение расстрелять А.Х. Артузова и еще шестерых бывших чекистов, среди которых были выдающиеся разведчики Б.М. Гордон, Ф.Я. Карин, О.О. Штейнбрюк и другие. В тот же день все они были расстреляны. Позднее родственникам Артура Христиановича была выдана фальшивая справка, что он умер в заключении 12 июля 1943 года.

Репрессии не обошли стороной и других сотрудников и руководителей органов госбезопасности. Вслед за Ягодой, смещенным с поста начальника ОГПУ, сменивший его Ежов физически уничтожил десятки разведчиков, пришедших в ИНО ОГПУ при Ягоде. В 1938 году наркомом внутренних дел становится Лаврентий Берия. И снова на органы госбезопасности обрушивается жестокий ураган массовых «чисток». На сей раз убирают всех, кто получил назначение при бывшем наркome внутренних дел Ежове. В результате в 1938 году внешняя разведка органов госбезопасности практически бездействовала.

В декабре 1937 года по обвинению в контрреволюционной

деятельности был арестован отставной генерал-лейтенант царской армии Владимир Федорович Джунковский, стоявший у истоков чекистских операций «Трест» и «Синдикат». 21 февраля 1938 года он был расстрелян по приговору «тройки» и похоронен в безымянной могиле. Такая же участь постигла и Александра Матвеевича Доброва, и десятки других честных людей, добросовестно сотрудничавших с советской разведкой.

В апреле 1937 года Борис Федорович Лаго, возвратившийся в СССР из Китая, был арестован с санкции тогдашнего начальника 7-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД Слуцкого. В постановлении об аресте утверждалось, что Лаго, будучи командирован со специальным заданием за границу, расшифровал себя, игнорировал указания Центра и тем самым поставил под удар «один из боевых участков работы». Следователей не интересовала обоснованность обвинений «Марселя», честно и добросовестно выполнявшего задания Центра, и постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 20 сентября 1938 года он был расстрелян. Через двадцать лет, в 1958 году, Б.Ф. Лаго был посмертно реабилитирован.

Репрессии обрушились и на ближайших родственников А.Х. Артузова. Уже во времена Берии почти все они были расстреляны или брошены в тюрьмы. Уцелеть удалось только сыну Артура Христиановича Камилу. Он был отправлен в лагерь на Колыме и, пройдя все круги ада, чудом выжил.

Выдающийся чекист, знаменитый контрразведчик и руководитель внешней разведки Артур Артузов был захоронен в безымянной могиле, предположительно в совхозе «Коммунарка», где вместе с ним покоятся тысячи безвинных жертв. 7 марта 1956 года он был реабилитирован посмертно.

Глава IV. БОЕЦ «НЕВИДИМОГО ФРОНТА»

27 декабря 1938 года по указанию наркома внутренних дел Лаврентия Берии был арестован и брошен во внутреннюю тюрьму на Лубянке отозванный из Парижа в Москву в ноябре того же года 37-летний резидент внешней разведки НКВД во Франции капитан госбезопасности Георгий Косенко. Ему вменялось в вину «участие в контрреволюционной террористической организации». До февраля 1939 года бериевские костоломы выбивали из разведчика признание в приписываемых ему преступлениях, а 20 февраля Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания. Георгий Косенко, отдавший всю свою жизнь в службе в органах госбезопасности, был тайно казнен в ночь на 21 февраля 1939 года, а его тело захоронено в безымянной братской могиле в районе совхоза «Коммунарка» вместе с телами других жертв произвола. Выдающийся разведчик разделил трагическую судьбу многих десятков своих соратников, погибших в результате необоснованных репрессий.

Георгий Николаевич Косенко родился 12 мая 1901 года в Ставрополе в семье служащего. Незадолго до начала Гражданской войны получил среднее образование, закончив в родном городе мужскую гимназию.

Белые царские генералы во главе с Калединым, выпущенные советской властью из тюрьмы под честное слово не воевать против нее, бежали на Дон и Северный Кавказ, чтобы развязать Гражданскую войну в стране. В 1918 году отец Георгия Косенко, принимавший участие в революционных событиях в Ставрополе, был расстрелян белогвардейцами, захватившими город. А вскоре и его сестра, являвшаяся членом партии большевиков с 1914 года и работавшая в большевистском подполье, была повешена. Озверевшие белые генералы не щадили даже женщин в борьбе за власть.

Георгий Косенко, которому едва исполнилось 17 лет, без колебаний встал на сторону советской власти. В 1920 году он становится секретным сотрудником ВЧК в Ставрополе и активно борется с белогвардейцами и иностранными интервентами. В 1921 году Косенко записывается красноармейцем в Ставропольский дивизион войск ВЧК. В том же году двадцатилетний чекист вступает в ряды РКП (б). До 1924 года принимает

активное участие в уничтожении остатков белогвардейских банд на Северном Кавказе.

В 1924 году Георгий Косенко становится кадровым сотрудником органов ОГПУ. Работает на различных должностях в своем родном городе Ставрополе, а также в Новороссийске, Владикавказе, Ростове, Свердловске и Москве.

Еще в гимназии Георгий Косенко неплохо овладел французским языком, на котором разговаривали в его семье, как до революции это было принято среди русской интеллигенции. В начале 1933 года на молодого, но успешного приобрести оперативный опыт чекиста обратили внимание сотрудники Иностранного отдела ОГПУ. По их рекомендации он переводится в кадры внешней разведки. А уже 30 апреля того же года Георгий Косенко назначается на ответственную должность заместителя резидента ОГПУ в Харбине.

В те времена в разведке существовало правило, в соответствии с которым сотрудники ИНО, особенно пришедшие из территориальных органов, выезжали на оперативную работу за рубеж под чужой фамилией. Эти в общем-то наивные меры безопасности были призваны дополнительно зашифровать сотрудников заграничного аппарата внешней разведки от иностранных спецслужб, однако на практике не всегда достигали цели.

В середине мая 1933 года Георгий Косенко прибыл в Харбин в качестве заместителя руководителя «легальной» резидентуры. Разведчику был выдан дипломатический паспорт па имя Георгия Николаевича Кислова. В столице Маньчжурии, оккупированной японской военщиной в 1931 году, он работал под дипломатическим прикрытием секретаря советского Генконсульства. В июне 1935 года Косенко назначается резидентом ИНО НКВД и одновременно по линии учреждения прикрытия повышается до должности вице-консула СССР.

В те годы главной задачей внешней разведки являлась борьба с вооруженной белогвардейской эмиграцией, выявление ее намерений и связей с иностранными державами, вынашивавшими агрессивные планы в отношении Советского Союза.

Политическая обстановка в Китае в тот период была весьма сложной. Наиболее сильные позиции в экономике страха занимала Англия. Против английского влияния в Китае активно выступала Япония, захватившая в 1931 году территорию Северо-Восточного Китая и создавшая там в марте 1932 года марионеточное государство Маньчжоу-Го под управлением малолетнего императора Пу И. Япония рассматривала Китай как

исключительно собственную сферу влияния, крупнейший рынок сбыта товаров и богатейший источник сырья для японской промышленности. Свои корыстные интересы в этой крупнейшей азиатской стране преследовали и США, стремившиеся потеснить Англию и Японию на китайских рынках. Военное столкновение между этими империалистическими державами было неизбежным. Советский Союз, имевший общую границу с Китаем протяженностью около пяти тысяч километров, не был заинтересован в превращении Китая в арену военного противоборства империалистических государств, которые могли в конечном итоге сговориться и попытаться решить свои проблемы за счет СССР.

Кроме того, в Маньчжурии, входившей в дореволюционный период в зону влияния России, имелась многочисленная, в несколько десятков тысяч человек, русская колония. Здесь же осели остатки контрреволюционных белогвардейских банд, потерпевших поражение в Гражданской войне и перешедших на содержание разведывательных служб Англии, Японии и США. Поэтому одним из основных объектов внешней разведки в Китае являлись эмигрантские формирования. При этом разведчики вербовали агентуру в первую очередь из числа эмигрантов, решивших возвратиться в СССР. После бесед им делался намек на то, что возвращение на Родину нужно заслужить. Так приобреталась агентура не только в среде белогвардейских эмигрантских организаций, но и в иностранных спецслужбах, с которыми они активно сотрудничали.

К моменту приезда Косенко в Харбин в «легальной» резидентуре работали шесть оперативных и четыре технических сотрудника. На связи у резидентуры была масса агентов, которые, однако, большой оперативной ценности не представляли. Начальник ИНО ОГПУ Артузов дал четкое указание переключить разведывательную работу резидентуры в Харбине на выявление планов вооруженной эмиграции и иностранных спецслужб на диверсиям, вредительству и шпионажу. Он предложил в кратчайший срок очистить агентурный аппарат от малоценных источников, «которые пользы нам не приносят, бюджет съедают и превратились из орудия борьбы в нашу собственную обузу». Начальник разведки предложил действовать быстро и решительно, чтобы в кратчайшие сроки создать работоспособный агентурный аппарат.

Георгий Николаевич в течение десяти лет принимал активное участие в борьбе с белогвардейской эмиграцией, выявляя ее связи с подпольем в нашей стране, накопил значительный опыт оперативной работы. Поэтому не удивительно, что в Харбине он с первых дней активно включился в

работу резидентуры. В представлении Косенко на должность резидента, подписанном в начале июня 1935 года, отмечалось, что «являясь в течение двух лет заместителем резидента ИНО ОГПУ—НКВД в Харбине, он самым активным образом помогал резиденту и добился значительных результатов в оперативной деятельности».

В документе, в частности, подчеркивалось, что Косенко через свои агентурные возможности выявил десять белогвардейских банд, сформированных японцами для переброски на советскую территорию. Им было установлено свыше 180 активных участников бандформирований, поставленных на учет в Центре. Благодаря полученной им оперативной информации три банды (Карася, Якимова и Комиссаренко), направленные на нашу территорию, при переходе советско-маньчжурской границы были ликвидированы.

Георгию Косенко удалось также выявить 25 активных японских разведчиков, засылавшихся штабом Квантунской армии на территорию СССР. К отдельным из них были подведены агенты резидентуры, что позволило Центру быть в курсе вопросов, интересующих японскую разведку. Одновременно Косенко через агентурные каналы установил более 300 японских разведчиков, работавших под прикрытием в различных пунктах и учреждениях марионеточного государства Маньчжоу-Го.

В результате оперативных мероприятий харбинской резидентуры, разработанных непосредственно оперработником, пять японских разведчиков были выведены на советскую территорию и арестованы органами госбезопасности. Одновременно им была вскрыта и своевременно предотвращена провокация японской жандармерии (так называемое «дело ИНО ОГПУ»). Она заключалась в том, что японцы через завербованного ими белого эмигранта Воронина вербовали советских граждан в учреждениях СССР в Маньчжурии и на КВЖД от имени ОГПУ для освещения положения в совколонии. Своевременными мерами, предпринятыми резидентурой, все завербованные японцами лица были выведены в СССР, дали письменные показания, на основе которых советский Наркомат иностранных дел заявил официальный протест японской стороне. Агентура Косенко, задействованная в этой операции, не была засвечена и продолжала успешно освещать подрывную деятельность японских спецслужб. Через нее, в частности, в дальнейшем были получены ценные сведения относительно методов работы японской разведки.

Большое место в работе Георгия Косенко в Маньчжурии занимали вопросы выявления и нейтрализации диверсионно-террористических планов японской разведки и связанной с ней белогвардейской эмиграции.

Так, благодаря предпринятым мерам возглавляемая им резидентура своевременно проинформировала Центр о заброске на советскую территорию с разведывательными заданиями японской агентуры из числа русской белой эмиграции (Вовк, Теплых, Муранов и другие). Была сорвана попытка японской разведки организовать через завербованного ею агента Сорокина взрыв в железнодорожном туннеле в районе станции Облучье. Георгий Косенко заранее сообщил в Центр о готовящемся выводе в СССР члена белогвардейской организации Штальберга-Градова и агента японских спецслужб Лучанинова, перед которыми стояла задача по организации разведывательной и террористической деятельности на территории нашей страны.

Получение столь обширной и «острой» оперативной информации было непростым делом. Георгий Николаевич работал, как говорится, на износ, что сказалось на состоянии его здоровья. В конце 1935 года он серьезно заболел и в январе 1936 года был вынужден возвратиться в Москву. Врачи подлечили разведчика, и уже в мае того же года руководством разведки было принято решение о направлении его руководителем «легальной» резидентуры в Париж.

В 1930-е годы внешней разведке органов государственной безопасности удалось создать во Франции разветвленную агентурную сеть, успешно сочетая «легальные» и нелегальные формы работы. Поскольку в тот период Франция играла важную роль в международной политике, перед советской внешней разведкой стояла задача выяснять позицию французского правительства по наиболее важным проблемам, в том числе его отношение к СССР и Германии.

Руководимая Косенко парижская резидентура получала значительное количество информации, в том числе документальной, по вопросам внешней и внутренней политики французского правительства, имела источники информации в канцелярии президента, в правительстве, в местных спецслужбах. Резидентуре удалось также получить доступ к документам английского посольства и дипломатических представительств некоторых других иностранных государств. Весьма эффективной, по оценке Центра, была работа парижской резидентуры и по линии научно-технической разведки. В частности, ей удалось получить документы и образцы новейших изобретений в области авиации, бронетанковой техники, стрелкового оружия.

Как мы отмечали выше, во Франции обосновались многочисленные организации выходцев из России и их руководители. В первую очередь это относится к Русскому общевоинскому союзу (РОВС), насчитывавшему в

своих рядах несколько десятков тысяч активных членов, Народно-трудовому союзу (НТС), Организации украинских националистов (ОУН), грузинским меньшевикам во главе с Ноем Жорданией и другим организациям, мечтавшим о свержении в России власти большевиков. В Париже действовала переведенная РОВС из Сербии Академия Генерального штаба, готовившая офицерские кадры для белой эмиграции. Борьба с этими антисоветскими центрами считалась одной из важнейших задач «легальной» и нелегальных резидентур НКВД во Франции.

После эвакуации остатков войск генерала Врангеля из Крыма и их обустройства в Сербии и Болгарии Русская армия как самостоятельная сила перестала существовать. В этой связи барон Врангель, проживавший в сербском городе Сремски Карловицы, 1 сентября 1924 года издал приказ № 35, согласно которому армия преобразовывалась в Русский общевоинский союз под его руководством. 25 апреля 1928 года Петр Николаевич Врангель скончался в Брюсселе от скоротечной чахотки. Преемником Врангеля на посту председателя РОВС стал генерал-лейтенант Александр Павлович Кутепов, перенесший штаб-квартиру организации в Париж. После похищения Кутепова председателем РОВС был назначен генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер.

Наша справка

Миллер Евгений-Людвиг Карлович, из дворян Санкт-Петербургской губернии, родился в 1867 году в городе Двинске.

Профессиональный военный. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1898—1907 годах был военным атташе в Бельгии, Голландии и Италии. Участник Первой мировой войны. С первых дней войны возглавил штаб 5-й армии. В 1915 году был произведен в генерал-лейтенанты. В январе 1917 года назначен командиром 26-го армейского корпуса. В апреле 1917 года ранен восставшими солдатами, судим ими и отправлен в Петроград.

В августе 1917 года направлен в Италию представителем Ставки Верховного главнокомандующего при итальянском Главном командовании. Здесь его и застала Октябрьская революция. Активный участник Гражданской войны в России. В январе 1919 года прибыл в оккупированный англичанами Архангельск и был назначен главнокомандующим войсками контрреволюционного «правительства

Северной области» эсера Чайковского. В феврале 1920 года его части были разбиты, а их остатки отправлены в изгнание.

Оказавшись в эмиграции, генерал Миллер продолжил антисоветскую деятельность. С апреля 1920 года являлся уполномоченным Врангеля по военным и морским делам в Париже. В апреле 1922 года назначен начальником штаба Врангеля. С 1929 года был первым заместителем председателя РОВС. В январе 1930 года стал председателем РОВС. 22 сентября 1937 года похищен оперативной группой НКВД, через неделю доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

* * *

Сегодня в российской прессе можно встретить всякие суждения относительно этой чекистской операции, непосредственное отношение к которой имел и Георгий Косенко. Кое-кто пытается представить Е.К. Миллера, прославившегося кровавыми злодеяниями на территории России, «невинной жертвой» НКВД.

А вот что писал во французской газете «Информасьон» за 24 апреля 1920 года о деятельности генерала Миллера на Севере России ее корреспондент в Архангельске, близкий друг Керенского эсер Борис Соколов:

«Я был свидетелем последнего периода существования правительства Северной области, а также его падения и бегства генерала Миллера со своим штабом. Я мог наблюдать разные русские правительства, но никогда раньше не видел таких чудовищных и неслыханных деяний. Поскольку правительство Миллера опиралось исключительно на правые элементы, оно постоянно прибегало к жестокостям и систематическому террору, чтобы удержаться наверху. Смертные казни производились сотнями, часто без всякого судопроизводства.

Миллер основал каторжную тюрьму на Иокангском (Кольском) полуострове на Белом море. Я посетил эту тюрьму и могу удостоверить, что таких ужасов не было видно даже в царское время. В бараках на несколько сот человек размещалось свыше тысячи заключенных. По приказанию Миллера начальник тюрьмы Судаков жестоко порол арестованных, отказывавшихся идти на каторжные работы. Ежедневно умирали десятки людей, которых кидали в общую могилу и кое-как засыпали землей.

В середине февраля 1920 года, за несколько дней до своего бегства,

генерал Миллер посетил фронт и заявил офицерам, что не оставит их. Он дал слово офицера позаботиться об их семьях. Но это не помешало ему закончить приготовления к бегству. 18 февраля он отдал приказ об эвакуации Архангельска 19 февраля к двум часам дня. Сам он и его штаб в ночь на 19 февраля тайно разместились на яхте "Ярославна" и ледоколе "Козьма Минин". Генерал Миллер захватил с собой всю государственную казну, около 400 000 фунтов стерлингов (10 миллионов рублей золотом), которые принадлежали Северной области.

Утром 19 февраля население узнало об измене и бегстве генерала Миллера. Много народу собралось возле места якорной стоянки "Козьмы Минина", в том числе солдаты и офицеры, которых Миллер обманул. Началась перестрелка. С кораблей стреляли из орудий. Было много убитых. Вскоре "Козьма Минин" ушел из Архангельска. Измена Миллера произвела чудовищное впечатление на офицеров на фронте. Некоторое время они не знали о бегстве штаба и продолжали защищаться. Узнав об измене своих начальников, многие из них покончили самоубийством, а другие перешли на сторону большевиков».

Вот такой портрет генерала Миллера нарисовал эсер Б. Соколов, далекий от симпатий к большевикам. К этому можно добавить, что по законам Российской империи присвоение казенных денег считалось тягчайшим преступлением.

После похищения генерала Кутепова и ряда других чекистских операций доверие к РОВС спецслужб Англии и Франции, на чьем содержании ранее он находился, заметно пошатнулось. Генерал Миллер и другие руководители РОВС переориентировались в своей деятельности на нацистскую Германию, совместно с которой рассчитывали вторгнуться на территорию СССР и возглавить оккупационный режим гитлеровцев. «РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, — заявлял генерал Миллер. — Это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть».

К 1937 году Германия, окончательно отбросившая ограничения, налагавшиеся на нее Версальской системой, открыто готовилась к практической реализации своих захватнических планов в Европе, изложенных в «библии нацизма» — книге Гитлера «Моя борьба». Кремль принимает решение сорвать сближение белогвардейской эмиграции с нацистами. Для этого предполагалось похитить генерала Миллера и доставить его в Москву.

В случае исчезновения Миллера заменить его на посту руководителя РОВС, по мнению Центра, реально мог только генерал Скоблин,

являвшийся агентом резидентуры НКВД в Париже (оперативный псевдоним «Фермер»), что позволило бы советской разведке полностью контролировать деятельность этой террористической белогвардейской организации.

Однако в 1937 году, в самый разгар «сталинских чистот», в план вносятся некоторые коррективы. Похищение Миллера и тайная переправка его в Москву в Кремле уже связываются с организацией широкомасштабного судебного процесса над ним. Этот процесс, по мнению

Сталина, был призван не только разоблачить связи белогвардейцев с нацистами, но и ослабить негативное впечатление международной общественности от организованных по его указанию политических процессов над опальными маршалами и генералами Красной Армии — Тухачевским, Егоровым, Блюхером, Уборевичем, Якиром, Корком и другими советскими военачальниками, «доказать» их связь с белогвардейской эмиграцией и иностранными спецслужбами.

Для организации похищения генерала Миллера в Париж прибыл заместитель начальника внешней разведки НКВД Сергей Шпигельглас. Во французскую столицу был также командирован из Испании резидент НКВД Александр Орлов. В операции принимал непосредственное участие парижский резидент НКВД Георгий Косенко, а также целый ряд сотрудников центрального аппарата разведки, специально командированных в Париж. Конечная цель операции перед ними не раскрывалась. Согласно разработанному плану, генерал Скоблин должен был заманить Миллера на конспиративную квартиру резидентуры—якобы для переговоров с представителями гитлеровских спецслужб о налаживании сотрудничества с РОВС.

Акция чекистов завершилась, казалось бы, благополучно: Миллер был похищен 22 сентября 1937 года и затем доставлен в Гавр на борт советского теплохода «Мария Ульянова», который немедленно взял курс на Ленинград. Однако перед тем, как пойти на встречу, организованную Скоблиным, генерал Миллер оставил у себя на рабочем столе записку следующего содержания:

«У меня сегодня в 12.30 свидание с ген. Скоблиным на углу ул. Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе в балканских странах Штроманом и с Вернером, чиновником здешнего германского посольства.

Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, что это ловушка, а поэтому на всякий случай оставляю эту записку.

22 сентября 1937 года.

Ген.-лейт. Миллер».

Поскольку генерал Миллер в штаб-квартиру РОВС не вернулся, вечером 22 сентября генерал Кусонский и заместитель Миллера адмирал Кедров вскрыли пакет с его запиской и вызвали к себе генерала Скоблина для объяснений. Скоблин поначалу отрицал факт своей встречи с Миллером, однако после того, как адмирал Кедров предъявил ему записку Миллера и предложил пройти в полицейский участок для дачи показаний, Скоблин понял, что все рухнуло. Под благовидным предлогом он вышел из помещения РОВС и исчез. Некоторое время он скрывался на конспиративной квартире советской разведки в Париже, а затем на самолете, специально закупленном для этого Александром Орловым, был переправлен в Барселону, где вскоре погиб при бомбардировке города гитлеровской авиацией.

Миллер был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке, где содержался как заключенный № 110 под именем Иванова Петра Васильевича до мая 1939 года. Однако к тому времени нужда в инсценированных политических процессах отпала, поскольку в воздухе явно пахло новой мировой войной. К маю 1939 года Германия не только совершила аншлюс Австрии, Судетской области, но и полностью оккупировала Чехословакию, несмотря на гарантии ее безопасности со стороны Англии и Франции. Разведка НКВД располагала информацией о том, что следующей целью Гитлера будет Польша.

Сталин прекрасно понимал, что в подобных условиях продолжение судебных процессов над военными, в которых предполагалось использовать Миллера, может окончательно деморализовать Красную Армию в преддверии близящегося военного столкновения с гитлеровской Германией, и отказался от этой идеи. Он сместил Ежова с поста наркома внутренних дел, а в скором времени возложил на него ответственность за произвол и беззаконие в стране. Нужда в генерале Миллере отпала. 11 мая 1939 года Л. Берия, сменивший Н. Ежова на посту наркома внутренних дел, подписал распоряжение о расстреле генерала Миллера, осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР. В 23 часа 05 минут того же дня приговор был приведен в исполнение.

Георгий Косенко, принимавший непосредственное участие в похищении и вывозе в Советский Союз Е.К. Миллера, в 1937 году был награжден за эту операцию орденом Красного Знамени. В служебной характеристике, составленной на него в том же году в Центре, отмечалось:

«За время работы в органах НКВД капитан госбезопасности Г.Н.

Косенко характеризовался как хороший, способный, усидчивый и энергичный чекист. Руководимая им резидентура в Париже нанесла серьезный удар по белогвардейским эмигрантским организациям».

Борьба с вооруженной эмиграцией была лишь одним из направлений работы «легальной» резидентуры внешней разведки во Франции. Перед ней стояли весьма широкие задачи. Особенно активно работала резидентура в период гражданской войны в Испании. Георгий Косенко поддерживал тесный контакт с руководителем «легальной» резидентуры в Мадриде Александром Орловым. Парижская резидентура приобрела агентов, имевших разведывательные возможности непосредственно в самой Испании. Большую работу Косенко и его сотрудники проводили с добровольцами интернациональных бригад, направлявшимися в эту страну транзитом через Францию. Лиц, представлявших вербовочный интерес, они привлекали к сотрудничеству с советской разведкой.

Парижская и мадридская резидентуры создали специальную школу по подготовке агентурных групп для совершения диверсий в тылу фалангистов. В Испании этими разведывательно-диверсионными группами руководил легендарный советский чекист Григорий Сыроежкин. Их опыт оказался весьма полезным в годы Великой Отечественной войны, когда руководимое генералом Судоплатовым 4-е управление НКВД—НКГБ развернуло подобную работу в тылу немецких войск.

Париж облюбовали не только главари белогвардейской эмиграции, монархисты и националисты различных мастей, эмигрировавшие из России после Октябрьской революции. «Столицу мира» полюбили также и троцкисты. Здесь размещался международный секретариат создаваемого Троцким IV Интернационала. В Париже проживал также сын Троцкого Лев Седов, возглавлявший этот секретариат. С 1936 года разработкой Седова занималась специальная агентурная группа внешней разведки во главе с разведчиком-нелегалом болгаринном Борисом Афанасьевым. Одному из его агентов удалось войти в доверие к Седову и даже получать от него интересующую Сталина информацию.

Однако самым важным агентом в ближайшем окружении Льва Седова был привлеченный летом 1934 года к сотрудничеству с советской разведкой резидентом ИНО ОГПУ Глинским (оперативный псевдоним «Петр») Марк Зборовский (псевдоним «Мак»). Ему удалось внедриться в Международный секретариат IV Интернационала, занять место одного из руководителей его русской секции, стать своего рода личным секретарем Льва Седова, с которым он встречался практически ежедневно, и даже подружиться с его женой. Это позволяло резидентуре Косенко регулярно

читать как переписку самого Троцкого и его сына Седова, так и написанные им статьи еще до их публикации в троцкистском «Бюллетене оппозиции».

В августе 1937 года, когда уехавший на время из Парижа Лев Седов поручил ведение всех дел Зборовскому, Косенко получил через агента список адресов сторонников Троцкого в различных странах. Через Зборовского резидентура также выяснила, что Троцкий передал часть своего архива в Институт исторических исследований в Париже. Узнав об этом, Сталин распорядился вывезти архив в Москву. Проведение операции было поручено «группе Яши»—специальному подразделению НКВД, которым руководил Яков Серебрянский и которое подчинялось непосредственно наркому. Серебрянский был направлен Ежовым в Париж со специальным заданием. Косенко было поручено обеспечить проведение операции.

В ночь на 7 ноября 1936 года агент Серебрянского англичанин Моррисон (псевдоним «Гарри»), имевший прочные связи в управлении полиции, с помощью резидентуры успешно выполнил задание Сталина. Косенко направил дипломатической почтой на Лубянку так называемый «архив Троцкого»: огромное количество рукописей, статей и писем Троцкого общим весом около 80 килограммов. Благодаря усилиям парижской резидентуры Сталин был в курсе замыслов своего главного политического противника.

11 февраля 1937 года Георгий Косенко направил в Центр отчет Марка Зборовского о его беседах с сыном Троцкого. По словам агента, Лев Седов склонялся к мысли о том, что Сталина необходимо физически ликвидировать. В одной из бесед Седов сказал Зборовскому, что «поскольку весь режим в СССР держится на Сталине, то достаточно убить его, чтобы все развалилось». Седов неоднократно возвращался к этой теме и подчеркивал необходимость убийства Сталина, намекая на то, что это должен сделать сам Марк Зборовский. Эта информация была незамедлительно доложена вождю. Сталин пришел в ярость. Он обвинил Троцкого в том, что тот хочет разрушить Советский Союз, и приказал Ежову ликвидировать Троцкого и его сторонников.

Ликвидация Троцкого была поручена Ежовым руководителю Особой группы НКВД Сергею Шпигельгласу. В соответствии с разработанным им планом деятельность внешней разведки НКВД по уничтожению троцкистов была перенесена во Францию. Это было связано с предательством нелегального резидента НКВД в Европе Игнатия Порецкого, который порвал с разведкой и направил в Москву письмо, в котором объявил, что присоединяется к IV Интернационалу. Организацией

первого съезда этой троцкистской группировки занимался сын Троцкого.

В сентябре 1937 года Игнатий Порецкий по приказу Сталина был ликвидирован в Швейцарии. Лев Седов умер в Париже в феврале 1938 года. Внешняя разведка НКВД отношения к его смерти не имела.

В свете этих изменений в кругах троцкистской оппозиции в разработанный Шпигельгласом план ликвидации Троцкого необходимо было срочно вносить коррективы.

Перед агентом парижской резидентуры Зборовским была поставлена задача проникнуть в ближайшее окружение Троцкого, чтобы быть в курсе его планов. По заданию Косенко Зборовский написал Троцкому личное письмо, которое, впрочем, осталось без ответа.

В связи с неудачей операции чекистов по внедрению Зборовского в окружение «демона революции» Центр направил в Париж из Испании Рамона Меркадера и его мать Каридад. Косенко предписывалось разработать операцию по их внедрению в окружение Троцкого.

Однако выполнить задание Центра резидент не успел. В июле 1938 года резидент НКВД в Испании Александр Орлов, которого Ежов отозвал в Москву и намеревался ликвидировать, отказался выполнить распоряжение наркома и через свои родственные связи в США вместе с женой и дочерью тайно эмигрировал за океан. Перед бегством Орлов направил письмо Ежову, в котором обязался не раскрывать секретов разведки.

Сталин пришел в ярость. Он вызвал в Кремль наркома внутренних дел Берия и приказал разработать новую операцию («Утка») по уничтожению Троцкого. Одновременно вождь распорядился наказать всех чекистов, причастных к работе против Троцкого и не выполнивших его указаний. Любимым тезисом вождя был следующий: «Если приказано, то должно быть выполнено, хоть ты умри». К сожалению, Берия понимал этот тезис буквально...

В ноябре 1938 года капитан госбезопасности Косенко был отозван в Москву и выведен в резерв разведки. 27 декабря того же года по указанию Берии Георгий Косенко был арестован как «участник контрреволюционной террористической организации». Разведчику вменялось в вину знакомство и тесное взаимодействие с Орловым, которому он якобы выдал секреты подготовки операции по ликвидации Троцкого.

Вместе с Георгием Косенко в Москву были отозваны и арестованы Сергей Шпигельглас, а также резидент НКВД в Нью-Йорке Петр Гутцайт, координировавший из США операцию в отношении Троцкого. Эти разведчики были расстреляны по указанию Берии.

По иронии судьбы, Косенко был брошен во внутреннюю тюрьму

НКВД, в одной из камер которой содержался генерал Миллер. Тщетно палачи выбивали из разведчика признание в его связях с троцкистами и белогвардейской вооруженной эмиграцией. Несмотря на побои и издевательства, он отказался оговорить себя и своих товарищей. По приказу Берии выдающийся разведчик Георгий Николаевич Косенко был расстрелян 20 февраля 1939 года. Генерал Миллер, который был вывезен в Советский Союз при непосредственном участии Косенко, пережил его всего на два месяца.

Что же касается Русского общевойскового союза, то после похищения генерала Миллера он развалился и накануне войны прекратил свое существование. Белогвардейцам, мечтавшим возвратиться в Россию на иностранных штыках, не удалось реализовать эту мечту. Не смогли реализоваться и планы гитлеровцев использовать членов РОВС в качестве карателей на временно оккупированных территориях Советского Союза.

Доброе имя Георгия Николаевича Косенко было восстановлено лишь во второй половине 1950-х годов. Верховный суд СССР решением от 15 декабря 1956 года отменил приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 20 февраля 1939 года и дело производством прекратил за отсутствием состава преступления.

Глава V. ТРАГЕДИЯ РАЗВЕДЧИКА ГЛИНСКОГО

В 1937 году, когда на внешнюю разведку органов государственной безопасности обрушились необоснованные репрессии, жертвами которых стали сотни честных людей, резидент НКВД в Париже «Петр» (оперативный псевдоним разведчика Станислава Мартыновича Глинского) как-то в кругу близких друзей сказал, что не верит в предательство своих арестованных товарищей и что за многих из них он мог бы отдать свою голову. Вскоре Петр был отозван в Москву — якобы для получения очередной награды. Однако вместо ордена его ожидали застенки внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке.

Станислав Мартынович Глинский родился в 1894 году в Варшаве в семье рабочего-железнодорожника. Его отец, Мартын Томашевич Глинский, был активным членом Мокутовского комитета социал-демократической партии царства Польского в Варшаве. В связи с революционными событиями 1905 года в царстве Польском было объявлено военное положение. В 1908 году за свою революционную деятельность Мартын Глинский был приговорен к четырем годам каторги и сослан на поселение в Иркутскую губернию.

Станислав Глинский после окончания ремесленного училища в 1910 году поступает работать модельщиком на литейный завод. В 1911 году вступает в РСДРП, становится активным членом партии, распространяет литературу, печатает листовки и вскоре избирается секретарем Мокутовского комитета. В 1913 году вместе с матерью, сестрами и братьями отправляется из Варшавы к отцу в Сибирь. Здесь он включается в работу большевистского подполья, перевозит партийную литературу, листовки и воззвания партии. Черемхово, Чита, Иркутск, Нижнеудинск (ныне Улан-Удэ), Усолье Сибирское — вот «география» его революционной деятельности. Дважды арестовывается царской охранкой. После второго ареста совершает побег из тюрьмы и переходит на нелегальное положение.

После Февральской революции, в мае 1917 года, Глинский, ставший профессиональным революционером, добровольцем вступает в 12-й Сибирский полк и в конце того же месяца в составе этого полка отправляется на Северный фронт, под Ригу. По заданию партии он ведет революционную пропаганду среди солдат. Вскоре Станислав переводится в

17-й Сибирский полк, где избирается председателем полкового комитета. Революционная деятельность Глинского в армии привлекает к нему внимание руководства большевистской партии. Во время выборов в Учредительное собрание России он баллотируется по знаменитому пятому — большевистскому — списку и вместе с Лениным, Антоновым-Овсеенко, Снечкусом и другими большевиками избирается депутатом.

18 января 1918 года в Таврическом дворце в Петрограде состоялось заседание Учредительного собрания. Из 715 депутатов присутствовало немногим более 400. Преобладали эсеры-центристы во главе с В.М. Черновым. Контрреволюционное большинство Учредительного собрания отказалось обсуждать предложенную большевиками Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа и ратифицировать декреты советской власти о земле и мире. Члены большевистской фракции, среди которых был и Станислав Глинский, покинули заседание. Затем ушли левые эсеры и представители некоторых других партий. Осталось всего около 200 депутатов, что было недостаточно для кворума. На другой день в пятом часу утра Учредительное собрание было закрыто по требованию начальника караула матроса Железнякова, заявившего изумленным депутатам: «Караул устал!»

В конце января 1918 года 17-й полк направляется на Урал для установления советской власти вдоль Сибирской железнодорожной магистрали. По прибытии в Челябинск Глинский поступает в распоряжение будущего героя Гражданской войны и видного советского полководца В.К. Блюхера. По постановлению краевого ревкома 17-й полк принимает активное участие в борьбе с казаками атамана Дутова.

Белоказачье движение на Урале в конце марта 1918 года было разгромлено. Однако в мае того же года вдоль всей Сибирской железнодорожной магистрали вспыхнул спровоцированный представителями Антанты вооруженный контрреволюционный мятеж находившегося в Советской России 45-тысячного Чехословацкого корпуса.

С началом мятежа отряд Станислава Глинского оказался отрезанным от центрального руководства. В районе Белорецка он влился в партизанское объединение под командованием Василия Блюхера. После выхода из окружения партизаны были преобразованы в 30-ю дивизию Красной Армии, а Глинский назначен начальником ее штаба.

В это же время отец Станислава Мартын Томашевич Глинский активно участвует в установлении советской власти в Усолье Сибирском, избирается председателем Совета депутатов трудящихся и вместе с секретарем Усольского райкома РСДРП П.П. Шефером и младшим сыном

Романом создает Усольский красногвардейский отряд, который в конце июня 1918 года включается в активную борьбу с белочехами. 3 июля 1918 года М.Т. Глинский был убит белочехами в бою возле деревни Култук.

В ноябре 1918 года Станислав переводится на работу в Екатеринбургскую чрезвычайную комиссию, где занимает должность уполномоченного по информации Особого отдела ЧК, а вскоре становится его начальником. Именно в Екатеринбурге Глинский делает первые шаги в разведке.

Наша справка

Особую опасность для советской власти представляли тайные контрреволюционные организации внутри страны и за рубежом, большая часть которых была связана с иностранными разведками, опиралась на их помощь и поддержку и тесно с ними сотрудничала. Именно взаимосвязь между внутренней и внешней угрозами вынудила советское руководство возложить на ВЧК кроме контрразведывательных и разведывательные функции. В целях совершенствования разведывательной работы в апреле 1920 года внутри Особого отдела ВЧК было создано специальное подразделение — Иностраный отдел. При особых отделах фронтов, армий и флотов, а также в некоторых губернских ЧК были сформированы иностранные отделения. Таким образом, советская внешняя разведка, созданная в недрах Особого отдела ВЧК, не имела в то время самостоятельного статуса и действовала внутри структур армейской контрразведки.

1920 год стал годом окончания Гражданской войны на европейской территории России. На Дальнем Востоке боевые действия продолжались еще два долгих года. Завершилась война полной победой советских войск.

Но в тех же временных рамках Гражданской войны проходили «локальные» войны против интервентов — стран Антанты и некоторых других государств. Среди них по масштабу военных действий и последствиям для Советского государства следует выделить советско-польскую войну 1920 года. Это была, во-первых, война упущенных для Советской России и ее вооруженных сил возможностей, во-вторых, единственная война, которую за всю свою историю Красная Армия проиграла.

Готовить армию панской Польши страны Антанты начали еще в конце 1919 года. Поляки тогда получили от одной лишь Франции почти полторы

тысячи орудий, около трех тысяч пулеметов, свыше трехсот тысяч винтовок, полмиллиарда патронов, двести броневигов, триста самолетов и прочее военное снаряжение.

К весне 1920 года польская армия, полностью укомплектованная и обученная, насчитывала около 750 тысяч солдат. В Польшу из Франции была переброшена 70-тысячная армия генерала Галлера, сформированная из проживавших в этой стране поляков-эмигрантов. Противостоявшие им войска Красной Армии, входившие в состав Западного и Юго-Западного фронтов, насчитывали всего около 75 тысяч бойцов.

Воспользовавшись тем, что основные силы Красной Армии были заняты борьбой с Добровольческой армией, в частности, с закрепившимися в Крыму войсками барона Врангеля, правящие круги Польши, получившей независимость от советского правительства, нанесли молодой республике удар в спину. 25 апреля 1920 года войска панской Польши внезапно перешли в наступление. Боевые действия начались для поляков успешно. В первые же недели наступления они захватили Житомир, Коростень, в мае взяли Киев и вышли на левый берег Днепра.

ВЦИК, Совнарком и ЦК партии большевиков приняли экстренные и энергичные меры. Была объявлена срочная мобилизация в действующую армию коммунистов и комсомольцев.

Благодаря принятым мерам в войне наступил перелом: полки Красной Армии начали освобождать захваченные поляками территории Украины и Белоруссии. Однако это не устраивало страны Антанты и США, и они оказали сильнейшее давление на правительство РСФСР, требуя остановить наступление. Англия направила советскому правительству ноту, в которой предложила немедленно заключить перемирие с Польшей по так называемой «линии Керзона». 17 июля советское правительство отвергло «ультиматум Керзона», но заявило о готовности начать с Польшей переговоры о перемирии. Одновременно распоряжением Троцкого Западному фронту было приказано не позднее 12 августа овладеть Варшавой. Им же было утверждено предложение командующего Юго-Западным фронтом об освобождении Львова. Именно тогда Михаил Тухачевский отдал знаменитый приказ № 1423:

«Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на Запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству! На Запад! На Вильну, Минск, Варшаву — марш!»

13 августа 1920 года Красная Армия оказалась в 12 километрах от

Варшавы. К этому времени полякам удалось перехватить и расшифровать переписку Тухачевского с Буденным. Из нее стало ясно, что армия Тухачевского осталась без боеприпасов и амуниции. Французские советники в армии Пилсудского генерал Максим Вейган и маршал Фердинанд Фон организовали оборону Варшавы. После того как Советская Россия отвергла британский ультиматум, США, Англия и Франция оказали Польше существенную материальную и военную помощь, изменив соотношение сил в ее пользу. 16 августа польская армия перешла в контрнаступление...

Война обернулась тяжелым поражением Советского государства. Красная Армия потеряла 150 тысяч убитыми, 66 тысяч ее бойцов попали в польский плен и в дальнейшем практически все погибли, 30 тысяч красноармейцев были интернированы в Восточной Пруссии.

12 октября 1920 года в Риге начались российско-польские переговоры о перемирии. В 1921 году был подписан весьма невыгодный для Советской России Рижский мирный договор, в результате которого она потеряла более 52 тысяч квадратных километров территории к востоку от «линии Керзона», а также признала независимость Литвы, Латвии и Эстонии, провозглашенную ими в условиях германской оккупации.

Война с Польшей, сложный комплекс взаимоотношений с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией со всей остротой поставили вопрос о необходимости более полного и качественного обеспечения руководства страны разведывательной информацией.

В сентябре 1920 года Политбюро ЦК РКП (б) приняло решение о кардинальной реорганизации внешней разведки, в котором, в частности, говорилось:

«Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы, что особенно ясно обнаружилось во время польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу. Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую».

В соответствии с этим решением председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский издал 20 декабря 1920 года приказ № 169 об организации Иностранного отдела ВЧК как самостоятельного разведывательного подразделения. Этот приказ явился административно-правовым актом, оформившим создание советской внешней разведки, правопреемницей которой в наши дни является Служба внешней разведки Российской Федерации.

В Екатеринбурге Глинский прослужил почти два года. В сентябре 1920 года он как польский коммунист был откомандирован в распоряжение Центра. Только что закончилась война с панской Польшей, и в тылу Красной Армии, а также вблизи российско-польской границы осталось множество польских агентов. Станислав получает новое назначение — он становится помощником начальника Особого отдела 16-й армии по агентурной работе.

Значительной частью белогвардейской вооруженной эмиграции являлись военнослужащие армий генералов Пермикина и Булак-Булаховича, находившиеся в Польше. После подписания Рижского договора польские власти ввиду отсутствия средств согласились взять на свое содержание только часть этих войск. Председатель Русского политического комитета в Польше Б. Савинков пытался найти у западных союзников деньги на содержание русских беженцев, но безуспешно.

3 ноября 1921 года в честь 4-й годовщины Октябрьской революции ВЦИК объявил амнистию отдельным категориям русских военнослужащих, находившихся за границей и желавших возвратиться на родину. Репатриация бывших русских солдат и офицеров стала принимать массовый характер. Но еще 22 февраля 1921 года в Новороссийск из Константинополя прибыл турецкий пароход «Решид-паша», на борту которого находились 3600 бывших военнослужащих армии Врангеля. Всего в 1921 году в Россию возвратилось около 120 тысяч человек.

Однако главнокомандующий Русской армией генерал Врангель противился возвращению беженцев. Он вынашивал планы крестового похода против большевиков и считал, что имевшихся у белой эмиграции сил—около 100 тысяч человек—для этого недостаточно. Разведывательные структуры Врангеля, а также Англии, Франции и Польши проводили активную работу по подготовке восстаний и мятежей в Советской России. К этой работе привлекались такие крупные специалисты своего дела, как британский разведчик Сидней Рейли, начальник контрразведывательной службы Врангеля на юге России действительный статский советник Владимир Орлов, Борис Савинков и его брат Виктор.

На английского разведчика Рейли возлагалась задача координации деятельности русской, украинской (эмигрантских) и польской военных разведок. С этой целью в ноябре 1920 года он прибыл в Варшаву, где установил тесные контакты с представителями белой эмиграции.

Одновременно русской военно-морской разведкой в Лондоне разрабатывались совместные с Англией и Францией планы по организации восстаний в Кронштадте и Петрограде в марте 1921 года.

В мае 1921 года чекисты вышли на след контрреволюционной организации «Народный союз защиты Родины и свободы» (НСЗРС) во главе с Борисом Савинковым. Ему удалось создать «Западный областной комитет» союза на Украине и в Белоруссии. Для борьбы с савинковскими террористами Артузов разработал операцию «Синдикат-2», в которой принимал активное участие и Станислав Глинский.

Касаясь участия Глинского в операции «Синдикат-2», необходимо подчеркнуть следующее: в архивах внешней разведки России сохранились сведения о том, что именно Станислав Мартынович персонально обеспечивал переход Савинкова и его сподвижников на нашу территорию на участке российско-польской границы. Он выдавал себя за члена легендарной чекистами антисоветской организации «Либеральные демократы». По перехваченным явкам Глинский посещал отряды организации Савинкова на территории Белоруссии и Польши, принимал непосредственное участие в ликвидации одного из таких отрядов, который укрывался на глухом хуторе в Горецком районе Могилевской губернии и насчитывал более 500 человек.

В дальнейшем «либеральный демократ» Глинский встречался в районе Слуцка с представителем атамана Булак-Булаховича и обсуждал с ним планы организации антисоветского восстания в Белоруссии и захвата Минска. Благодаря предпринятым чекистами мерам эти планы бандитов не были реализованы. Таковы основные сведения об участии Глинского в чекистском мероприятии по борьбе с контрреволюцией.

Следует отметить, что деятельность чекистов по ликвидации савинковских террористов была весьма эффективной.

В ходе проведения операции «Синдикат-2» Станислав Глинский сменил несколько должностей и мест службы. Это было продиктовано соображениями оперативной необходимости. Так, в июне 1921 года он становится начальником особого отделения при Белорусской ЧК, а в июле того же года — уполномоченным Ударной группы по разработке иностранных миссий в Белоруссии. За активное участие в оперативных мероприятиях на белорусской земле Станислав Глинский был награжден орденом Красного Знамени.

Через год следует новое назначение — 16 июня 1922 года Глинского переводят на должность начальника Заславльского пограничного особого отделения. Это было связано с продолжением оперативной игры чекистов с

савинковцами. Здесь он прослужил до 1923 года. Прощаясь с разведчиком, отбывавшим к новому месту службы, друзья-пограничники преподнесли ему приветственный адрес, в котором писали (сохранен стиль оригинала):

«Дорогой Станислав Мартынович! Расставаясь с Вами после долгой совместной службы на поприще охраны границы Республики трудящихся от проникновения наймитов Европейских акул, поставивших себе целью разложение трудящихся масс и подрыв экономической мощи Воскресающей Советской Республики, мы, оставшиеся здесь, наученные совместным опытом, будем с тем же рвением и успехом продолжать свою работу, осуществляя наш лозунг "Смерть контрреволюции и шпионам"».

В дальнейшем, до конца 1924 года, Глинский работает заместителем начальника минского Особого отдела ОГПУ. В августе

1924 года нелегальная боевая группа Глинского совершила налет на помещение польской службы безопасности в Столбцах и освободила двух делегатов V конгресса Коминтерна, арестованных охранкой Пилсудского.

В конце 1924 года Станислав становится помощником (вторым заместителем) председателя ГПУ Белоруссии, а в начале 1925 года переводится в центральный аппарат ОГПУ в Москву и в течение нескольких месяцев работает в его контрразведывательном отделе.

Однако вскоре руководство ОГПУ принимает решение о переводе Глинского в Иностраный отдел, так как внешняя разведка органов государственной безопасности испытывала в то время острую нужду в опытных сотрудниках, особенно владевших иностранными языками.

Уже в начале 1926 года руководство ИНО ОГПУ направляет Глинского в Данциг в качестве помощника резидента внешней разведки. К тому времени политическая ситуация в Польше изменилась. Если раньше правительство Юзефа Пилсудского придерживалось откровенно враждебной политики в отношении СССР, то к концу

1925 года появились реальные перспективы налаживания нормальных дипломатических отношений между двумя странами.

Глинский проработал в «вольном городе» Данциге несколько месяцев, в том же 1926 году был переведен в Варшаву и назначен резидентом внешней разведки в Польше.

В Варшаве, оставшейся одним из наиболее активных центров белогвардейских заговоров против Советской Республики, Глинский продолжает борьбу с антисоветской эмиграцией. Он принимает непосредственное участие в разработанной начальником контрразведывательного отдела Артузовым и руководством внешней разведки операции «Трест». Проводившиеся в рамках операции

мероприятия, в которых участвовал Глинский, привели к выводу в СССР и аресту известного агента британской разведки Сиднея Рейли, который еще в годы Русско-японской войны занимался в Маньчжурии шпионажем в пользу Японии, а в 1918 году был одним из организаторов «заговора послов». С основными деталями этой операции Глинский был знаком, еще будучи сотрудником контрразведывательного отдела.

В Варшаве перед Глинским стояла также задача по дезинформации польских спецслужб относительно состояния вооруженных сил нашей страны и выявлению их связей с вооруженной белогвардейской эмиграцией. До польской «двуйки» (разведки) по оперативным каналам доводились преувеличенные сведения о боевой мощи Красной Армии. Эта «информация», получаемая польскими спецслужбами, служила основанием для соответствующих расчетов польских штабов в планировании агрессии против СССР. В результате мероприятий советской внешней разведки по дезинформации противника польские власти отказались от новой интервенции против нашей страны. Справедливости ради следует отметить, что польское правительство не отказывалось от своих планов по разгрому СССР, надеясь их осуществить либо совместно с Англией и Францией, либо даже с гитлеровской Германией. И только разгром Польши Германией в 1939 году и бегство «правительства полковников» в Румынию положили конец этим планам.

В феврале 1927 года операция «Трест» была завершена. За активное участие в ее реализации Глинский был награжден Почетной грамотой коллегии ОГПУ. Он возвратился в Центр. Однако уже в декабре 1928 года руководство ИНО направило его в новую служебную командировку, па этот раз в Финляндию.

Под руководством Глинского резидентуре удалось приобрести солидные источники секретной информации в финском правительстве и в руководстве политических партий страны. Советские разведчики смогли также проникнуть в вооруженное белогвардейское «Братство русской правды», террористические молодежные организации городов Хельсинки и Выборга, а также в антисоветский «Особый русский комитет». Это позволило предотвратить многие террористические акты, подготавливаемые против советских представителей за рубежом и на территории СССР.

В Хельсинки Станислав Мартынович провел два года.

В 1930 году Глинский уже руководил резидентурой ОГПУ в Латвии, с позиций которой в то время активно действовала против СССР британская разведка. Проникновение в планы английских спецслужб в отношении

СССР, выявление связей СИС с белогвардейской эмиграцией, тайных каналов финансирования британской разведкой подрывных акций против нашей страны—вот далеко не полный перечень задач, которые стояли в те годы перед рижской резидентурой ОГПУ.

В 1931 году Глинскому поручается возглавить резидентуру внешней разведки в Праге. Он работает рука об руку с видным революционером Антоновым-Овсеенко, назначенным Сталиным советским полпредом в этой стране. С одной стороны, чехословацкое правительство выступало за развитие дружеских отношений с СССР, за расширение чехословацко-советских торговых отношений. С другой —на территории страны вольготно себя чувствовали различные организации непримиримой белогвардейской эмиграции.

Используя свой богатый оперативный опыт, Глинский ведет в Праге активную работу по проникновению в белогвардейские организации генерала Кутепова. Москва регулярно получает из столицы Чехословакии шифровки Глинского, подписанные оперативным псевдонимом «Петр». В них, в частности, сообщается о подрывной антисоветской деятельности таких белоэмигрантских организаций, как Русский общевоинский союз (РОВС), «Галлинолийцы», «Крестьянская Россия». Из содержания телеграмм следует, что белогвардейцы не отказались от попыток новой военной интервенции. Руководство РОВС рекомендовало своим членам в Праге, Варшаве, Софии, Париже, Берлине, Белграде и других европейских столицах готовить «тройки», «пятерки», а также индивидуальных боевиков для проведения терактов против советских дипломатов и заброски диверсионных групп на территорию СССР.

Информация резидента «Петра» неизменно получала высокую оценку в Центре. Сотрудникам его резидентуры удалось также проникнуть в Организацию украинских националистов (ОУН) и постоянно быть в курсе их террористических планов.

ОУН была создана еще в годы Первой мировой войны на деньги австрийского Генштаба. До своего разгрома в 1918 году австрийская военщина вынашивала планы отторжения от России ряда районов Волыни, Подолии, Бессарабской губернии и Русской Польши. На реализацию планов создания «самостийной», а па самом деле зависимой от Вены Украины австро-венгерский Генштаб выделил 50 миллионов крон. После краха Австро-Венгерской империи украинские националисты нашли покровителей сначала в лице Англии и Франции, а затем — нацистской Германии. Проникновение советской разведки в штабы ОУН позволяло ей постоянно быть в курсе их подрывных и террористических планов в

отношении СССР и успешно противодействовать созданию «независимой» Украины под протекторатом Германии. Октябрьская революция сорвала планы германского блока по расчленению России, но, как показала история, только на время.

В первые годы работы Глинского в Праге в соседней Германии активно набирал силу фашизм. В Москве понимали, что Гитлер — это война. Но куда он направит свой первый удар — на Запад или на Восток? Начальник внешней разведки Артузов принимает решение о проведении операции по проникновению в верхушку нацистской партии. Главным исполнителем операции становится секретный сотрудник Экономического управления ОГПУ Александр Матвеевич Добров, работавший под прикрытием старшего инженера текстильного директората ВСНХ РСФСР.

Наша справка

Александр Матвеевич Добров родился в 1879 году в Москве. В 1906 году окончил Московское высшее техническое училище, после чего продолжил учебу в Швейцарии. Получил диплом инженера по химической обработке текстильных изделий, некоторое время работал инженером-химиком на красильной фабрике в Базеле. После Октябрьской революции вернулся в Россию и трудился в текстильной промышленности. С 1929 года — секретный сотрудник ОГПУ. По роду работы был связан с представителями германской фирмы «Фарбен-верке», имевшей свои интересы в России. Считался отличным специалистом, был хорошо известен в немецких кругах в Москве. Данное обстоятельство и было использовано Иностранным отделом, чтобы попытаться внедрить Добрава в верхушку нацистской партии.

В июне 1931 года советская внешняя разведка организует выезд Добрава для «лечения» в Карловы Вары. Оттуда он должен был неофициально посетить Берлин, чтобы через свои связи решить три основные задачи: выйти на руководство нацистской партии; установить связь с британской разведкой и «предложить» ей свои услуги; установить связь с белогвардейской эмиграцией в Берлине и получить от нее явки в Советском Союзе.

В Москве для Добрава была разработана легенда, согласно которой он являлся руководителем некой контрреволюционной группы, решившей создать фашистскую партию в России и нуждавшейся в финансовой поддержке Берлина. Поездка на курорт проходила через Берлин.

В германской столице Добров связался со своим еще дореволюционным знакомым из фирмы «И.Г. Фарбениндустри». Несколько дней он провел в доме у немца, рассказывая ему о жизни в «советском аду». В ходе бесед Добров дал понять своему знакомому, что представляет некую подпольную антисоветскую организацию и хотел бы установить личный контакт с Гитлером, как с руководителем партии, близкой ему по своей направленности.

Через некоторое время Александр Матвеевич вновь приехал в Берлин, уже из Карловых Вар. На сей раз берлинский знакомый

Доброва представил его профессиональному немецкому разведчику Гаральду Зиверту. Зиверт был из прибалтийских немцев, служил в абвере и сблизился с нацистами. После прихода к власти Гитлера стал руководителем русского отделения Иностранного отдела нацистской партии. Зиверт был близко знаком с идеологом национал-социализма и основоположником расовой теории нацизма Альфредом Розенбергом, который в годы войны стал министром Восточных территорий. Зиверт и Розенберг вместе учились в Риге и состояли в одном студенческом союзе.

Зиверт предложил Доброву поселиться у него на время пребывания в Берлине. В беседах с немецким разведчиком Добров аккуратно сообщил ему о своих антисоветских настроениях, довел до него легенду о существовании в СССР подпольной контрреволюционной организации и подвел собеседника к мысли о необходимости установления прямого контакта с кем-либо из руководящих деятелей нацистской партии.

Интересно, что об этих беседах Доброва с Зивертом советской разведке довольно подробно сообщил источник берлинской резидентуры А/270 (барон фон Поссанер). В своем сообщении он, в частности, указывал:

«Примерно 20—25 июля 1931 года к Гаральду Зиверту явился человек в пенсне, некий член ВСНХ. Зиверт говорил мне, что этот господин во что бы то ни стало хочет иметь встречу с вождем национал-социалистической партии Германии Адольфом Гитлером. По соображениям конспирации он не назвал мне его фамилию. На ужине у Зиверта (у которого русский остановился без регистрации в полиции) я познакомился с ним лично. Он извинился, что не может назвать мне свою фамилию, однако Гитлеру он удостоверит свою личность (я поставил ему такое условие, в противном случае отказывался организовать встречу).

После этого я узнал, что он является руководителем одной из контрреволюционных организаций в Советском Союзе, верхушка которой находится на советской службе. Сам он получил инженерный диплом в

Швейцарии, является русским доцентом и членом Совета народного хозяйства. В июне он находился на лечении на чехословацком курорте Карлсбад (Карловы Вары) и свой отпуск использовал для поездки в Берлин, чтобы вступить в контакт с Гитлером. Ему рекомендовали обратиться к Гаральду Зиверту».

Однако Гитлер, согласившийся на встречу с Добровым в Мюнхене, в последний момент от нее уклонился и поручил Розенбергу переговорить с ним. Встреча Розенберга с Добровым состоялась в одном из берлинских ресторанов напротив вокзала Ангальтербанхоф. В ней принимал участие также и Зиверт. Беседа длилась более двух часов и касалась вопроса создания в Советском Союзе фашистской партии. Розенберг дал собеседнику подробные советы. Высоко оценив результаты беседы с Добровым, Розенберг пообещал его «партии» всяческую помощь и поддержку, но по соображениям безопасности дальнейшие встречи с «русским фюрером» предложил проводить в Риме. Было решено, что связь Добра с руководством нацистской партии будет осуществляться через Зиверга.

Получив столь важные сведения от источника А/270, руководитель берлинской резидентуры «Артем» (оперативный псевдоним резидента Бориса Бермана) немедленно проинформировал об этом Центр. Одновременно он направил телеграмму в Прагу резиденту «Петру» с просьбой установить имя «человека в пенсне».

Однако вскоре в Прагу пришла срочная телеграмма из Центра за подписью начальника внешней разведки Артузова, в которой «Петру» предлагалось немедленно прекратить установку «человека в пенсне». Это свидетельствовало о том, что данной операции, о которой в Москве знали всего несколько человек, Центр придавал исключительно важное значение и не был заинтересован в подключении к ней других заграничных аппаратов.

Возвратившись в Москву, Добров подробно доложил о своих контактах с Зивертом и Розенбергом руководству Экономического управления ОГПУ. Представила интерес для Центра и программа нацистской партии, которую Добров получил от Розенберга.

Что касается задания Центра по выходу на английскую разведку, то тут Добров использовал проживавшую в Риге свою знакомую русскую актрису Ольгу Танину. Она была двоюродной сестрой английского разведчика Эдуарда Кара, работавшего в Риге, и советская разведка решила воспользоваться данным обстоятельством. Добров направил Ольгу Таниной из Берлина письмо, которое начиналось следующими словами: «Наконец-то я вырвался из Советского рая", дышу гнилым капитализмом».

Актриса передала письмо Эдуарду Кару, подчеркнув, что его автор — «инженер, на очень хорошем счету в Союзе и настоящий друг». Английский разведчик немедленно выехал в Берлин для встречи с Добровым.

На встрече Добров так расписал свои антисоветские настроения и «планы вредительства» в СССР, что британский разведчик, в отличие от нацистских бонз, сразу же согласился оказать ему помощь и договорился об условиях связи в Москве через конкретное иностранное посольство.

Удалось Александру Матвеевичу связаться и с одним из представителей русской эмиграции—руководителем террористической организации «Братство русской правды» в Берлине Александром Кольбергом. Договорившись с ним о следующей встрече, Добров подчеркнул, что действует не от себя лично, а представляет группу, ранее связанную с «Промпартией», которая занимается вредительством и саботажем в советской промышленности. Добров попросил Кольберга рассказать о положении в русской антисоветской эмиграции и снабжать его группу антисоветской литературой. Кольберг с восторгом воспринял слова Доброва и договорился с ним об условиях дальнейшей связи и способах пересылки в СССР подрывной литературы.

Руководством Иностранного отдела и Экономического управления ОГПУ придавалось большое значение работе Доброва. Однако архивы внешней разведки не сохранили сведений о том, как продолжалась многоходовая операция по внедрению Доброва в окружение Гитлера. Очевидно, эта задача не была решена, поскольку Гитлер на прямые контакты с представителями «низшей расы» не шел. Стоит вспомнить, что в годы войны он так и не встретился с «фюрером» так называемой Русской освободительной армии генералом Власовым.

Что же касается Александра Матвеевича Доброва, то до мая 1939 года он занимал пост управляющего трестом «Бюробин» — Бюро НКВД СССР по обслуживанию иностранных представительств. 17 мая он был арестован по обвинению в шпионской деятельности в пользу германской и английской разведок. На закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 19 июня 1940 года Добров виновным себя не признал, заявив, что выполнял задания советской внешней разведки. К сожалению, в центральном аппарате разведки к тому времени не было никого, кто мог бы подтвердить слова Доброва: Артузов, резидент в Берлине «Артем» и руководитель Экономического управления были давно расстреляны. Такая же участь ждала и Александра Матвеевича. Он был приговорен к высшей мере наказания и 20 июня 1940 года расстрелян.

Только 21 января 1958 года этот приговор в отношении Доброва был отменен за отсутствием состава преступления.

* * *

Глинский с тревогой пишет в Центр из Праги о планах Германии по захвату Судетской области. Правда, эти планы пока еще туманны. Пронацистская пропаганда в Чехословакии действует пока еще «под сурдинку». Подобная информация об агрессивных намерениях гитлеровской Германии в отношении своих соседей поступает и из других резидентур. В информации подчеркивается, что после победы нацистской партии на всеобщих выборах в Германии Гитлер взял курс на пересмотр Версальских договоренностей. Такая обстановка не могла не тревожить Москву.

После трех лет напряженной работы в Праге Глинский возвращается в Центр. За активную работу по обеспечению безопасности СССР он был награжден вторым орденом Красного Знамени. В то время в разведке это было признанием исключительных заслуг в оперативной деятельности.

В мае 1934 года на специальном заседании Политбюро ЦК ВКП (б) было принято решение усилить Иностраный отдел ОГПУ и сосредоточить его работу на приоритетных направлениях, прежде всего — европейском. 10 июля 1934 года постановлением ЦИК СССР был образован союзно-республиканский Народный комиссариат внутренних дел. В его составе было создано Главное управление государственной безопасности, сосредоточившее в своих руках руководство разведкой и контрразведкой. Внешняя разведка органов государственной безопасности была также значительно усилена в кадровом отношении.

С учетом этих обстоятельств летом 1934 года в Москве был разработан план реорганизации работы резидентуры НКВД во Франции. Им предусматривалась активизация разведывательной работы по Германии с французской территории. Глинскому как опытному разведчику было поручено возглавить резидентуру НКВД в Париже.

Перед парижской резидентурой была поставлена задача по освещению деятельности во Франции немецкой эмиграции, национал-социалистических организаций и их агентуры, а также разработке посольства Германии и других официальных представительств этой страны и их персонала.

Определенное место в работе резидентуры занимала и борьба против

белогвардейской эмиграции, в том числе против самой активной террористической организации — Русского общевойскового союза. Поскольку «Петр» с самого начала непосредственно участвовал в реализации операции «Трест», направленной против РОВС, ему было поручено продолжить работу по ликвидации этой белогвардейской организации в Париже, где находились ее основные руководящие органы. «Петр» значительно активизировал деятельность агентуры в этом направлении и принял непосредственное участие в подготовке и проведении ряда успешных оперативных мероприятий.

Наша справка

В начале 1930-х годов советская внешняя разведка провела крупную операцию по внедрению техники подслушивания в находившуюся в Париже штаб-квартиру Русского общевойскового союза. В этой операции, ставшей позже известной под кодовым названием

ИНД («Информация наших дней»), особая роль отводилась активному помощнику парижской резидентуры НКВД «Иванову».

Лишь в конце 1980-х годов советская внешняя разведка открыла некоторые архивные материалы того периода, и стало известно, что оперативный псевдоним «Иванов» (кодовый номер УЖ/1) принадлежал одному из видных представителей русской эмиграции во Франции Сергею Николаевичу Третьякову, замечательному русскому человеку, вынужденному покинуть Родину, но преданно служившему ей до конца своих дней.

Сергей Николаевич Третьяков родился 26 августа 1882 года в богатой и именитой московской семье. Его дед, Сергей Михайлович, был одно время московским головой, основал всемирно известную Третьяковскую галерею.

В 1901—1905 годах Сергей учился на физико-математическом факультете Московского университета. После окончания учебы женился на Наталье Саввишне Мамонтовой, представительнице богатейшего московского рода, и вошел в дело своей семьи: в конце 1905 года возглавил товарищество Костромской льняной мануфактуры в качестве председателя его правления.

Очень скоро Сергей Николаевич стал одним из наиболее влиятельных предпринимателей, владельцем крупных текстильных предприятий. Он был основателем и первым председателем Всероссийского объединения

льняных фабрикантов, избирался председателем Московского биржевого комитета.

Третьяков входил в так называемую группу молодых российских капиталистов во главе с П.П. Рябушинским, являлся членом ЦК партии прогрессистов, созданной в 1912 году.

С февраля 1917 года Сергей Николаевич — товарищ (заместитель) председателя Всероссийского союза торговли и промышленности. Примыкал к кадетам — в июне по списку кадетской партии был избран гласным Московской городской думы.

В середине июля 1917 года А.Ф. Керенский предложил Третьякову пост министра торговли и промышленности в своем новом кабинете. Сергей Николаевич выдвинул следующие условия своего вхождения в коалиционное правительство, как представителя деловых кругов:

«Вся власть Временному правительству; восстановление боевой мощи армии и железной дисциплины в тылу должны быть доведены до конца;

Временное правительство не вправе предпринимать коренной ломки существующих социальных отношений по Учредительному собранию;

должна быть немедленно создана твердая власть на местах; внешняя политика России должна покоиться на полном единении с союзниками;

промышленность и торговля имеют государственное значение; всякие классовые притязания как промышленников, так и рабочих должны быть подчинены государственным интересам;

во Временном правительстве не место лицам, представляющим лишь самих себя».

Переговоры о вхождении Третьякова в правительство были прерваны, так как Керенский отказался удовлетворить его требование об удалении из правительства эсера Чернова, заявив, что «программа Чернова является и программой Временного правительства».

Сразу же после провала этих переговоров Третьяков заявил журналистам: «Временное правительство будущего состава все же не обойдется без представителей торговли и промышленности. Мы нужный народ, мы нужны им как хлеб насущный, как воздух». И оказался прав: уже 25 сентября он вошел в состав 3-го коалиционного правительства Керенского в качестве председателя Высшего экономического совета и Главного экономического комитета. Кроме того, по личному поручению главы правительства Третьяков поддерживал контакт с французской военной миссией.

26 октября 1917 года в 2 часа 10 минут Третьяков вместе с другими министрами Временного правительства был арестован в Зимнем дворце и

заклучен в Петропавловскую крепость. В конце февраля 1918 года был освобожден, выехал сначала в Москву, затем в Харьков, а оттуда — в Париж.

В ноябре 1918 года адмирал Колчак предложил Третьякову занять пост министра торговли и промышленности во Временном сибирском правительстве, и он немедленно выехал в Омск. Одновременно являлся заместителем председателя Совета министров этого правительства. Впрочем, на этих должностях он пробыл недолго, всего десять месяцев, и после поражения Колчака вернулся во Францию.

В Париже Третьяков стал председателем Русской торговой палаты, заместителем председателя Российского торгово-промышленного и финансового союза (Торгпрома), созданного в феврале 1920 года более чем 600 российскими промышленниками, банкирами и торговцами, и одним из редакторов журнала «Иллюстрированная Россия».

Высокий, статный, всегда элегантно одетый, владеющий несколькими европейскими языками, обладатель солидного капитала в России, он всегда был желанным гостем во всех эмигрантских кругах и находился в близких отношениях с руководителем РОВС генералом Кутеповым.

Человек трезвого ума, Третьяков раньше других понял, что в России возврата к старому не будет. Из-за этого он пытался даже в 1926 году покончить жизнь самоубийством и был спасен в последний момент близкими.

По имевшимся у внешней разведки надежным сведениям, Торгпром в начале 1920-х годов активно помогал деньгами «Народному союзу защиты Родины и свободы», который возглавлял Борис Савинков. Хотя другими данными относительно причастности Торгпрома к диверсионной работе разведка не располагала, интерес к нему в Центре сохранялся. Там полагали, что Торгпром перестроил работу и глубоко законспирировал свою борьбу. Перед парижской резидентурой была поставлена задача «проникнуть в руководящие круги Торгпрома, чтобы обеспечить постоянный и эффективный контроль за его возможными антисоветскими акциями».

Парижская резидентура приняла решение привлечь Третьякова к сотрудничеству и использовать его для разработки Торгпрома. В Центр были направлены соответствующие предложения, в которых, в частности, отмечалось: «Третьяков — чрезвычайно умный и разносторонне образованный человек, сильно связанный своим воспитанием и прошлым с купеческим миром. Он пользуется хорошей репутацией в русских торгово-промышленных кругах».

С.П. Третьяков был привлечен к сотрудничеству с советской внешней разведкой в 1929 году. Против ожидания, он легко дал согласие работать на Москву. С этого времени в служебной переписке Третьяков проходит под оперативным псевдонимом «Иванов».

Причины, побудившие Третьякова пойти на сотрудничество с советской разведкой, кроются, скорее всего, в том, что он разочаровался в белой эмиграции. Это следует и из подготовленного им в 1929 году обзора, который находится в его оперативном деле:

«...После победы большевиков эмиграция разбилась на целый ряд групп и группировок: впереди ничего определенного, Советская власть справилась с белым движением, Европа в недоумении, началось дробление и деление на секты. В сущности, с этого момента эмиграция, по-моему, потеряла всякое значение. Вражда, борьба между собой и злословие — вот характеристика этого периода, продолжающегося до сих пор. Эмиграция потеряла какое-либо значение в смысле борьбы с Советской властью и в смысле влияния на политику иностранных государств...

С каждым днем, с каждым месяцем эмиграция теряет свое значение, и сейчас она утратила его окончательно, с ней никто не считается, ее никто не слушает, и те истины, которые она ежедневно повторяет в своей прессе, созданной на последние трудовые гроши старых беженцев (молодые русские газет не читают), никого не волнуют и не убеждают. Эмиграция умирает уже давно, духовно она покойник».

В 1931 году в письме из парижской резидентуры указывалось: «"Иванов" является весьма ценным источником, с большими перспективами на будущее. Мы рассчитываем добиться через него ряда серьезных разработок».

С приходом в августе 1931 года к руководству Иностранным отделом ОГПУ Артузова работа внешней разведки по одному из давних противников советских органов государственной безопасности — Русскому общевойсковому союзу — значительно активизировалась. Соответствующие указания были направлены и в парижскую резидентуру.

На одной из встреч «Иванов» сообщил своему куратору:

«Ту работу, которую вы приписываете Торгпрому, он не ведет. Я допускаю, что кто-то из членов нашего союза участвует во вредительской деятельности, поощряет и финансирует ее, но Торгпром в целом, даже его президиум, не в курсе этой работы. Вот почему я ничем здесь вам помочь в принципе не смогу. В данное время союз не имеет никакого значения, он захирел, денег у него нет».

Парижская резидентура принимает решение переориентировать

усилия «Иванова» на работу по РОВС.

Один из кураторов обратил внимание на тот факт, что дом 29 на улице Колизей, где находился штаб РОВС, принадлежит семье «Иванова». Штаб РОВС располагался на первом этаже, а на втором и третьем проживала семья «Иванова», с которой он в то время не жил. Резидентура предложила «Иванову» вернуться в семью и переселиться на второй этаж дома. Центр выделил необходимую сумму денег для проведения ремонта жилых помещений. Супруга «Иванова» и дети расположились в пяти комнатах третьего этажа, а сам он занял две комнаты на втором этаже, которые находились над кабинетами председателя РОВС генерала Миллера и начальника 1-го отдела генерала Шатилова, а также канцелярией союза.

Из Москвы прибыла надежная прослушивающая аппаратура. Сотрудниками резидентуры были установлены в помещениях РОВС микрофоны, именовавшиеся на чекистском сленге «петьками», а в комнатах «Иванова» — аппаратура приема. С января 1934 года началось постоянное прослушивание разговоров, ведущихся в штабе РОВС, в том числе и в кабинете его председателя.

От «Иванова» стала регулярно поступать «Информация наших дней» — так в ИНО ОГПУ окрестили получаемые сведения. На основании этой информации, проверяемой и дополняемой другими источниками, разведка смогла воссоздать достаточно точную картину деятельности РОВС.

Постоянно находившийся дома «Иванов» имел возможность фиксировать всех посетителей РОВС, своевременно включать аппаратуру и записывать содержание бесед Миллера со своими помощниками:

«9 января 1936 года. 10.55.

Миллер читает начальнику канцелярии РОВС Кусонскому письмо, написанное им генералу Идефиксу. В письме подчеркивается, что во Франции сознают, что линии соглашения Франции и Германии может дать мир Западной Европе, и никакие франко-советские пакты не устрашат Германию. Миллер далее пишет о польско-германском соглашении, направленном против России, в которое он искренне верит. Он считает также, что Франция никогда не будет воевать с Германией из-за России».

«24 января 1936 года. 11.15.

Миллер в своем кабинете заслушивает сообщение руководителя информационного отдела РОВС Трубецкого. По сведениям последнего, в Румынии в ближайшее время произойдет изменение ее внешней политики от профранцузской к прогерманской. Румыно-польско-германское соглашение, направленное против СССР, не за горами. В данный момент лишь Титулеску является сторонником франко-румынского сотрудничества,

но, по всей вероятности, его скоро уберут. Отношения между большевиками и румынским правительством должны скоро осложниться».

«4 сентября 1936 года. 16.30.

В беседе с Миллером Трубецкой полностью поддержал позицию Кутепова, направленную на активизацию террористической деятельности РОВС на территории СССР. По мнению Трубецкого, такая боевая работа, которую РОВС проводил в последние годы руководства Кутепова, была своевременна и совершенно необходима: ленинградское покушение надолго подняло в глазах эмиграции значение и престиж организации.

Соглашаясь с Миллером в том, что в настоящее время в основную задачу активной работы РОВС не входит индивидуальный террор, хотя бы по той простой причине, что средства РОВС истощились, Трубецкой тем не менее напомнил Миллеру, что за последние четыре года РОВС посылал своих людей в Россию с исключительной целью проведения террористических актов. Он подчеркнул, что генерал Абрамов (начальник 3-го отдела РОВС. — *Авт.*) и капитан Фосс (помощник Абрамова по террористической работе. — *Авт.*) неоднократно направляли своих людей в СССР с единственной целью убийства».

Это лишь три выдержки из нескольких тысяч страниц сообщений «Иванова», объединенных в многотомное дело под кодовым названием «Информация наших дней» (ИНД).

«Иванов» работал и днем и ночью. Благодаря этому разведка была в курсе почти всех деловых и личных встреч Миллера, организации и даже настроений отдельных белоэмигрантских лидеров.

В 1936 году резидент «Петр» сообщал в Центр:

«"Иванов" исполняет добросовестно необычайно трудную работу, ибо несомненно, что производство ИНД—вредное производство: слух, внимание, нервы напряжены 8—9 часов в сутки...

За добросовестную работу я наградил "Иванова" суммой в две тысячи франков. Он работает удивительно хорошо и внимательно, не за страх, а за совесть».

«Иванов» успешно сотрудничал с советской разведкой вплоть до оккупации гитлеровцами Франции. В конце 1939 года штаб РОВС был перемещен в Брюссель. Буквально накануне оккупации Франции фашистской Германией связь с «Ивановым» была временно законсервирована. Однако это не спасло его от разоблачения. 14 июня 1942 года «Иванов» был арестован гестапо. Во время обыска в его квартире были обнаружены приемное устройство и провода, протянутые в штаб-квартиру РОВС, а в помещении штаба — микрофоны.

В августе 1942 года фашистская газета «Локаль-анцайгер» и эмигрантская газета «Новое слово» сообщили об аресте в Париже бывшего министра Временного правительства России СЛ. Третьякова как советского агента, участвовавшего в похищении генералов Кутепова и Миллера и в укрывании в Париже генерала Скоблина — одного из организаторов похищения Миллера.

Газеты утверждали, что Третьяков являлся одним из резидентов НКВД за границей и что из его квартиры велось подслушивание всех разговоров в штаб-квартире РОВС, что дало возможность большевикам обезвредить более тридцати диверсантов-бслогвардейцев, переброшенных в СССР.

Арестованного Третьякова немцы отправили в Германию. 16 июня 1944 года он был расстрелян в концлагере в Ораниснбурге, под Берлином. Немецкая пресса опубликовала официальное сообщение о казни Третьякова.

В чем же была причина ареста Третьякова? По-видимому, она заключалась в следующем.

В 1940 году в Центральной тюрьме города Рейн скончалась выдающаяся русская невица Надежда Плевицкая—жена генерала Скоблина, работавшая, как и он, на советскую разведку и отбывавшая 20-летнее заключение «за соучастие в похищении генерала Миллера». Перед смертью ее исповедовал православный священник. Не исключено, что во время исповеди она упоминула и Третьякова как соратника Скоблина, а сама исповедь была записана французской контрразведкой с помощью скрытых микрофонов. После начала войны французам стало не до Третьякова. Зато немцы, оккупировавшие Париж, воспользовались материалами французской контрразведки...

Так закончил свою жизнь Сергей Николаевич Третьяков, один из активных помощников советской внешней разведки, внесший неоценимый вклад в пресечение террористической деятельности РОВС.

* * *

В 1930-е годы Франция играла активную роль в европейской политике. Поэтому перед парижской резидентурой стояла задача добывать информацию главным образом о внешней политике французского правительства. И с этой задачей резидентура, руководимая «Петром», успешно справилась. Она регулярно получала информацию из канцелярий президента и премьер-министра страны по важнейшим политическим

вопросам, интересовавшим Москву, в частности, об отношении Франции к СССР и нацистской Германии. Резидентурой были получены ценные сведения о состоянии вооруженных сил Франции, а также образцы новейшей военной техники, поступавшей на ее вооружение.

Так, летом 1935 года «Петр» сообщил в Центр, что британский посол доложил в свой МИД о сильном беспокойстве французского кабинета министров в связи со значительным отставанием Франции от Германии в области вооружений. В телеграмме посла говорилось, что отдельные министры французского правительства считают неизбежным нападение Германии на их страну, которое может произойти уже в 1937 году.

У парижской резидентуры НКВД, возглавляемой «Петром», не было недостатка в документальных материалах, свидетельствовавших о том, что Франция и Англия пытаются отвести от себя угрозу гитлеровского нашествия и направить агрессию Германии на Восток. Количество подобной информации из Парижа увеличилось в 1937—1938 годах, то есть накануне аншлюса Австрии и мюнхенского сговора, отдавшего Чехословакию на растерзание Гитлеру.

Не менее важной была работа против троцкистской эмиграции, поскольку в Париже обосновался сын Троцкого Лев Седов. Здесь же хранился и архив возглавляемого Троцким IV Интернационала. Выполняя задание Центра, «Петр» в 1934 году завербовал близкого к троцкистам эмигранта Марка Зборовского, который был включен в действующую агентурную сеть резидентуры под псевдонимом «Мак» (у Зборовского за период работы с советской разведкой было несколько оперативных псевдонимов. — *Авт.*) В 1935 году «Петр» поручил «Маку» связаться с группой французских троцкистов и получить информацию об их деятельности. Вскоре состоялось знакомство «Мака» с Седовым, который устроил его на работу в международный секретариат IV Интернационала. «Мак», именовавшийся в кругах троцкистов «Этьеном», получил доступ к документам Седова и стал регулярно информировать резидентуру о всех действиях и намерениях Троцкого и Седова. Эта информация немедленно направлялась в Москву и докладывалась непосредственно Сталину.

В конце 1936 года Троцкий поручил сыну разделить находившийся у него архив IV Интернационала на три части и одну из них передать в парижский филиал голландского Института социальной истории. Об этом намерении «Мак» сообщил преемнику «Петра» на посту резидента Георгию Косенко. Спустя несколько дней документы Троцкого были похищены и переправлены в Москву.

Под руководством «Петра» парижская резидентура получила

значительное количество документов английского посольства и мексиканского консульства в Бордо. Из документов британского Министерства иностранных дел следовало, что Лондон намерен проводить политику «умиротворения» гитлеровской Германии и поощрять ее агрессию на Восток.

Проводимая «Петром» разведывательная работа во Франции заслужила высокую оценку Центра, и ему было присвоено звание старшего майора государственной безопасности (генерал-майор).

Летом 1936 года Глинский возвратился в Москву и продолжил работу в центральном аппарате внешней разведки.

30 августа 1937 года Вшнский был арестован по личному распоряжению наркома Ежова. Вместе с ним была арестована и его жена Анна, долгие годы являвшаяся его помощницей в разведывательной работе.

Станиславу Глинскому как поляку было предъявлено обвинение в сотрудничестве с польской разведкой. В сохранившемся в архивах следственном деле имеются сведения о том, как ежовские следователи пытались связать его и Антонова-Овсеенко, бывшего послом в Праге, с вымышленной польской националистической организацией.

9 декабря 1937 года Станислав Мартынович Глинский был расстрелян по постановлению особой «тройки». Родственникам позднее была выдана справка о смерти Глинского, которая якобы наступила 17 сентября 1939 года.

Жена Глинского была сослана на десять лет в Карагандинские лагеря. В 1947 году, отбыв наказание, она, больная, возвратилась к родственникам в Москву, но была вновь арестована и сослана в Воркуту. По дороге она скончалась и была похоронена в бсымянной могиле в воркутинской тундре.

22 сентября 1956 года Военная коллегия Верховного суда СССР посмертно реабилитировала генерала Глинского, не найдя в его действиях состава преступления.

Глава VI. НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

Я, нижеподписавшийся сотрудник Экономического управления ГПУ Никольский Лев Лазаревич, состоя на службе или будучи уволен, обязуюсь хранить в строжайшем секрете все сведения и данные о работе ГПУ и его органов, и ни под каким видом их не разглашать и не делиться даже со своими ближайшими родственниками и друзьями. Несиснолпепис настоящего грозит мне ответственностью по 117 статье Уголовного кодекса.

Л. Никольский 1 апреля 1924 года.

Из личного дела сотрудника советской внешней разведки «Шведа»

Лев Лазаревич Никольский, он же Александр Михайлович Орлов, он же Игорь Константинович Берг, он же Лев Николаев, он же Лейба Лазаревич Фельдбин (это его настоящие имя и фамилия) родился 21 августа 1895 года в белорусском городе Бобруйске в семье лесоторговца.

С началом Первой мировой войны дела у отца пошли плохо, он оставил лесоторговлю и в поисках более прибыльной работы переехал с семьей в Москву. Молодой Лейба, с блеском закончивший школу и имевший способности к рисованию, поступил в Лазаревский институт — гуманитарное учебное заведение, в котором помимо учебных дисциплин преподавалось прикладное искусство и которое готовило своих воспитанников к дипломатической и консульской службе. Впоследствии он был преобразован в Институт восточных языков. В институте Лейба изучал английский, немецкий и французский языки. Окончив институт одним из лучших, Лейба тем не менее решил посвятить себя более солидной карьере и поступил на юридический факультет Московского университета. В 1916 году он был призван в армию. Служил рядовым 104-го пехотного полка, который находился в резерве и дислоцировался на Урале. В 1917 году переведен в студенческий батальон, который был расквартирован в городе Царицыне и в котором проходили службу неблагонадежные элементы.

После Февральской революции 1917 года Фельдбин успешно прошел курс обучения во 2-й школе прапорщиков. В мае того же года он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию, во фракцию «интернационалистов», которую возглавлял Соломон Лозовский, а позже, в 1920 году, стал большевиком.

С ноября 1917 года Лейба Фельдбин являлся заместителем заведующего информационным отделом Высшего финансового совета.

Однако жизнь обычного служащего среднего ранга его мало привлекала. К тому же на территории страны всюду бушевала Гражданская война, и молодой человек предпочел службу в Красной Армии. В середине 1918 года он добровольно вступил в РККА и был направлен в 12-ю армию, в военную контрразведку. В качестве сотрудника Особого отдела ВЧК и с документами на имя Льва Никольского он сражался на Юго-Западном фронте, руководил действиями партизанских отрядов в тылу белогвардейцев, организовывал их контрразведывательное обеспечение, участвовал в раскрытии контрреволюционных организаций в Киеве. Молодой чекист лично возглавлял операции на оккупированной территории.

В начале 1921 года Лейба получил назначение в Архангельск в качестве начальника следственно-розыскной части и заместителя начальника секретно-оперативной части губернской ЧК. Поскольку молодому чекисту предстояло заниматься активной оперативной работой и контактировать с иностранцами, он окончательно перешел на новые документы и стал на ближайшие пять лет Львом Лазаревичем Никольским. В Архангельске он женился на Марии Владиславовне Рожнецкой. Мария была родом из Киева, в 16 лет вступила в партию, работала в советских учреждениях, а в 1919 году ушла добровольно служить в Красную Армию. Являлась канцелярским работником пгтаба Юго-Западного фронта, где впервые встретила с Никольским. Позже училась на медицинском факультете при 2-м Московском университете. В сентябре 1923 года у супругов родилась дочь Вероника.

По окончании войны в 1922 году Никольский был направлен на работу в революционный трибунал, где занимал должность помощника прокурора. Принимал участие в выработке первого Уголовного кодекса, введенного позже в Советском Союзе. Работая в ревтрибунале, близко познакомился с видным юристом и партийным деятелем, наркомом юстиции Н. Крыленко, А. Сольцем, который позже, в 1930-е годы, возглавил Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП (б), и печально знаменитым Андреем Вышинским, будущим генеральным прокурором СССР, организатором громких судебных процессов над политическими противниками Сталина.

В 1924 году Л. Никольский завершает обучение на юридическом факультете Московского университета и возвращается на работу в ОГПУ, где занимает высокую должность помощника начальника Экономического управления. К этому времени относится его непосредственное знакомство с И.В. Сталиным, поскольку Никольский осуществлял надзор за реконструкцией советской промышленности. В ЭКУ ОГПУ Никольский

проработал до конца 1925 года, а затем был переведен в Закавказье — начальником погранохраны Сухумского гарнизона, обеспечивавшей охрану границы с Ираном и Турцией. В Закавказье он познакомился с Серго Орджоникидзе. По долгу службы ему пришлось работать в тесном контакте с начальником Закавказского ОГПУ Лаврентием Берией.

Летом 1926 года Никольского переводят на работу в Иностраннный отдел ОГПУ. Во внешней разведке он становится Александром Михайловичем Орловым. Поскольку этой фамилией он пользовался весь период работы в разведке и под ней стал широко известен историкам, мы будем называть его так в нашем дальнейшем повествовании.

К тому времени Орлов свободно владел английским языком, причем говорил с американским акцентом, не испытывал каких-либо трудностей в общении на немецком, французском и испанском языках.

Уже летом 1926 года с паспортом на имя сотрудника советского торгового представительства во Франции Льва Николаева Орлов выезжает в Париж в качестве руководителя одной из крупнейших резидентур ИНО ОГПУ в Европе. В 1928 году он становится резидентом берлинской резидентуры ИНО ОГПУ под прикрытием должности торгового советника полпредства СССР в Германии и с документами на имя Льва Фельделя. В Берлине он контролирует все экспортные операции СССР, в том числе секретные военные заказы, размещенные советским правительством в Германии и других европейских странах.

В связи с принятием первого пятилетнего плана экономического развития СССР руководство страны поставило перед разведкой задачу по добыванию на Западе технических секретов, жизненно необходимых для модернизации советской экономики. Параллельно с основной разведывательной работой в Германии Орлову было поручено координировать деятельность европейских резидентур ИНО ОГПУ по линии научно-технической разведки.

Следует' подчеркнуть, что усилия разведчиков очень скоро дали положительные результаты. Как отмечает в своей работе исследователь отечественных спецслужб Дмитрий Прохоров, «по каналам научно-технической разведки в Москву начала поступать информация об испытаниях новой авиационной техники, артиллерийских систем, о радиоаппаратуре военного применения, о переработке нефти и использовании ее побочных продуктов, об установке для гидрирования бурого угля и по многим другим проблемам».

В 1931 году, в связи с участвовавшими случаями провалов в «легальных» резидентурах, особенно по линии научно-технической

разведки, Орлов был отозван в Москву. В Центре он возглавил 8-е отделение ИНО ОГПУ (научно-техническая разведка). В 1932 году выезжал в краткосрочную командировку в США, в ходе которой смог приобрести подлинный американский паспорт на имя Уильяма Голдина.

Весной 1933 года Орлов (оперативный псевдоним — «Швед») направлен нелегальным резидентом в Париж, где проживал по паспорту американского гражданина Уильяма Голдина. Нелегальная резидентура «Экспресс», которую возглавлял Орлов, состояла из пяти человек. Ее главной задачей была разработка Второго бюро французского Генерального штаба (военная разведка). Однако в апреле 1934 года Центру стало известно, что сотрудник резидентуры «Длинный» (будущий выдающийся советский разведчик и один из руководителей нелегальной разведки Александр Короткое) попал в поле зрения французской контрразведки, которая подставила ему технического сотрудника Второго бюро и готовила захват разведчика с поличным. Центр принимает решение отозвать «Длинного» и Орлова из Франции. Короткова переместили на работу в Берлин, а Орлов летом 1934 года прибыл в Вену.

В Австрии Орлову сообщили о решении Центра направить его нелегальным резидентом в Лондон, в котором ему доводилось неоднократно бывать в 1931 году в связи с работой там разведчика-нелегала Вильяма Фишера, ставшего в конце 1950-х годов широко известным под именем Рудольфа Абеля. Фишер (оперативный псевдоним «Франк») выезжал в Англию через Париж, где его встречал Орлов и в дальнейшем руководил им. С позиций Англии «Франку» удалось, в частности, создать в Скандинавских странах сеть нелегальных радиоточек для конспиративной связи с резидентурами в Европе.

В те годы среди молодежи Европы были весьма сильны левые, в том числе коммунистические, убеждения. В связи с указанием Центра о перестройке вербовочной работы резидентуры ОГПУ сосредоточили свои усилия на вербовке молодых людей из влиятельных семей, имеющих в перспективе возможность устроиться на службу в важнейшие государственные учреждения. Позже сам Орлов по этому поводу писал:

«Молодое поколение было восприимчиво к идеям свободы и стремилось спасти мир от фашизма и уничтожить эксплуатацию человека человеком. На этом НКВД и строил свой подход к молодым людям, уставшим от бессмысленной жизни, удушающей атмосферы своего класса. И когда эти люди созревали для вступления в коммунистическую партию, им говорили, что они могут принести гораздо больше пользы, если будут держаться подальше от партии, скроют свои политические взгляды и

примкнут к революционному подполью».

Эта тактика блестяще оправдала себя во время работы Орлова в качестве нелегального резидента в Англии. Здесь он принял на связь агента-вербовщика Арнольда Дейча. В течение 1934 года под руководством Орлова Дейч завербовал студентов Кембриджского университета Кима Филби, Дональда Маклсйна и Гая Берджесса, вошедших в так называемую «кембриджскую пятерку». Кроме нее существовала также «оксфордская группа», которая до сих пор не раскрыта. В годы Второй мировой войны эта агентура сыграла выдающуюся роль в обеспечении советского правительства стратегической информацией не только по Англии, но и по США и Германии. Все эти люди были завербованы на идеологической основе, работали на советскую разведку бескорыстно, отказывались от материального вознаграждения, рассматривая свою работу как личный вклад в борьбу против нацизма.

Наша справка

Более полувека секретные архивы КГБ хранили тайну замечательного советского разведчика-нелегала Арнольда Дейча — человека, имеющего неоценимые заслуги перед нашим Отечеством, гордости советской внешней разведки. Товарищи по работе звали его Стефан Ланг. Имя «Стефан» было и оперативным псевдонимом разведчика, которым он подписывал свои донесения в Центр.

Впервые о Дейче было упомянуто лишь в 1990 году на страницах журнала «Курьер советской разведки» в связи с рассказом о деятельности созданной им группы наиболее ценных источников, получившей название «кембриджской пятерки», члены которой в 1940-е и 1950-е годы работали в самых секретных ведомствах Великобритании.

Арнольд Дейч родился 21 мая 1904 года в Вене (Австрия) в семье мелкого коммерсанта, бывшего сельского учителя из Словакии. С 1910 года учился в начальной школе и гимназии. Осенью 1923 года поступил на философский факультет Венского университета. В 1928 году с отличием окончил университет с дипломом доктора философии. Одновременно увлекался естественными науками, усиленно занимался физикой, химией, а также психологией. Позже защитил докторскую диссертацию по химии.

В 1920 году стал членом Союза социалистических студентов, в 1924 году вступил в коммунистическую партию Австрии. Коммунисткой была и его жена Жозефина, на которой он женился в 1929 году.

С 1928 года Дейч начал работать в подпольной организации Коминтерна. Выполняя поручения руководства, выезжал в качестве курьера и связника в Румынию, Грецию, Сирию, Палестину, Германию, Чехословакию. Пароли, явки, условности, обнаружение слежки и уход от псе—Дейч прошел всю эту школу, и она немало ему дала для будущей профессии разведчика-нелегала.

В январе 1932 года Дейч вместе с женой приезжает в Москву, переводится в компартию нашей страны, а спустя несколько месяцев по рекомендации Коминтерна начинает работать в Иностранном отделе НКВД. Помимо родного немецкого и «рабочего» русского Дейч свободно владел английским, французским и итальянским языками, мог объясняться на испанском и голландском. Жозефина под именем Лизы Крамер являлась сотрудницей отдела международных связей Коминтерна.

В Иностранном отделе Дейч прошел ускоренный курс подготовки разведчика-нелегала, а Жозефина освоила работу радистки.

В начале января 1933 года супругов направляют на нелегальную работу во Францию. Дейч, теперь уже «Стефан», становится помощником, а через некоторое время — заместителем резидента советской нелегальной разведки в этой стране. С позиций Франции он успешно выполняет специальные задания Центра в Бельгии, Австрии, Голландии и Германии.

Для советской разведки того времени большой интерес представляла Великобритания. В то же время после восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом в 1929 году британские спецслужбы установили в отношении официальных советских представителей жесткий контрразведывательный режим. За сотрудниками советских учреждений в Лондоне велась интенсивная слежка, их телефоны прослушивались, почтовая корреспонденция контролировалась. Поэтому Москва приняла решение об активизации разведывательной работы в Великобритании с нелегальных позиций.

В феврале 1934 года «Стефан» переводится на нелегальную работу в Лондон и для прикрытия становится ученым-исследователем при Лондонском университете, где совершенствует знания в области психологии.

«Стсфаш» был первым советским разведчиком, который сделал твердую ставку на приобретение перспективной агентуры. Его неоценимая заслуга состоит в том, что он сумел создать и воспитать «кембриджскую пятерку» разведчиков, в которую входили Ким Филби, Дональд Маклейн, Гай Берджесс, Энтони Блант и Джон Керпкросс.

Работая в Лондоне, «Стефан» приобрел для советской разведки более

20 источников информации, которые долгие годы работали на нашу страну. Все известные сейчас воспитаники «Стефана» — выходцы из Кембриджского университета. Однако среди завербованных им агентов были и студенты Оксфордского университета, не менее талантливые и преданные советской разведке, чем кембриджские. Никто из них, в отличие от «кембриджской пятерки», так никогда и не был разоблачен.

«"Оксфордские кроты" Сталина, должно быть, прорыли такие же ходы в британское правительство, как и кембриджские, — писал английский историк и исследователь деятельности спецслужб Джон Костелло. — Большинство из них унесло в могилу тайну своей подпольной работы на Москву. Но можно только представить, до каких служебных высот они доросли и к каким тайнам английских секретных ведомств имели доступ!»

Помимо работы с перспективными источниками «Стефан» успешно решал и другие оперативные задачи. Так, в конце 1934 года он обеспечивал оперативные мероприятия другого советского разведчика-нелегала — Дмитрия Быстролстова — по привлечению к сотрудничеству шифровальщика Управления связи МИД Великобритании, в результате чего советская разведка получила доступ к секретам британской дипломатии.

В сентябре 1937 года Арнольд Дейч возвратился в Москву. Его деятельность была высоко оценена руководством Центра. За достигнутые успехи Дейч был представлен к награждению именованным оружием.

Дальнейшая судьба Арнольда Дейча была трагической. Он сумел выжить в условиях массовых репрессий. В 1942 году руководство разведки приняло решение направить его в качестве руководителя нелегальной резидентуры в Аргентину. С резидентом должны были следовать еще несколько разведчиков. Был разработан маршрут переброски группы Дейча в Латинскую Америку сначала Северным морским путем, а затем — через Исландию и США. 4 ноября 1942 года из становища Белужья Губа, что на Новой Земле, в самостоятельное плавание вышел танкер «Донбасс», имея на борту 49 человек команды. В их числе была и группа Дейча. 7 ноября танкер подвергся атаке немецкого крейсера и был потоплен. Почти вся команда и пассажиры судна, в том числе и выдающийся разведчик-нелегал Арнольд Дейч, погибли.

* * *

В период работы Орлова в Англии возглавляемая им лондонская не-

легальная резидентура смогла добиться значительных успехов, в первую очередь благодаря активной работе с Дональдом Маклейном.

В частности, назначение Маклсйна на должность третьего секретаря Западноевропейского отдела МИД Великобритании открыло ему, а следовательно, и советской разведке, доступ к секретным документам и докладам, касающимся политики Англии в Нидерландах, Испании, Португалии и Швейцарии, а также взаимоотношений с Лигой Наций. Вскоре Маклсйн сумел приобрести источники информации, освещающей политику Лондона в отношении нашей страны, Франции и Германии.

26 марта 1936 года Орлов писал в оперативном письме на имя Слуцкого, сменившего Артузова на посту начальника советской внешней разведки:

«Истекшие несколько месяцев показали, что "Вайзс" (один из оперативных псевдонимов Д. Маклсйна. — *Авт.*) пользуется свободным доступом ко всем документам, проходящим через его отдел. Обнаружилась весьма благоприятная обстановка для изъятия документов и их фотографирования».

Это был большой успех советской разведки. Однако вскоре Д. Маклсйн доказал, что способен и на большее.

Воспользовавшись тем, что в те годы в британском МИДе было весьма либеральное отношение к сохранности секретных документов, а его сотрудникам разрешалось брать их домой для работы, Д. Маклсйн начиная с января 1936 года стал тайно выносить материалы из министерства. Фотограф нелегальной резидентуры за ночь переснимал их, а утром следующего дня Маклсйн возвращал документы в отдел. Вскоре объем подлинных документов возрос настолько, что его куратор Дейч просил агента по возможности выносить их в пятницу вечером, чтобы дать возможность измотанному работой фотографу поработать с ними в течение двух дней и вернуть их в понедельник утром.

Благодаря усилиям Маклсйна, пользовавшегося полным доверием своих сослуживцев, на Лубянку шел буквально поток совершенно секретной документальной информации.

Примечательно, что впоследствии все привлеченные Дейчем к сотрудничеству с советской разведкой члены «кембриджской группы» успешно работали на Москву в течение длительного времени. Филби стал высокопоставленным сотрудником английской разведки, ее представителем при Центральном разведывательном управлении США. Блант всю Великую Отечественную войну работал в контрразведке Великобритании. Кернкросс служил в британской дешифровальной службе, затем координировал

деятельность английской разведки в Югославии. Маклейн и Берджесс занимали высокие посты в английском дипломатическом ведомстве. От «пятерки» поступала ценнейшая разведывательная информация.

20 июля 1936 года, через три дня после того, как в Испании разразилась гражданская война и страна превратилась в арену борьбы между силами фашизма и демократии, руководство НКВД приняло решение направить туда Орлова резидентом советских спецслужб. В сентябре того же года Политбюро ЦК ВКП (б) постановило оказать республиканскому правительству всестороннюю поддержку. Одновременно на заседании была утверждена кандидатура Орлова в качестве резидента НКВД в Испании и главного советника по внутренней безопасности и контрразведке при республиканском правительстве.

Учитывая исключительную важность работы с членами «кембриджской группы», которую осуществлял лично Дейч, вынужденный одновременно исполнять обязанности нелегального резидента в Лондоне после отзыва Орлова в Москву, последний подал начальнику разведки рапорт, в котором поставил вопрос о назначении на эту должность другого опытного разведчика-нелегала. И такой человек в резидентуре был. В январе 1936 года в резидентуру Орлова прибыл один из лучших нелегалов Центра Теодор Малли (оперативный псевдоним — «Манн»), который был направлен в Лондон с единственной задачей — поддерживать связь с шифровальщиком МИД Великобритании «Магом», завербованным разведчиком-нелегалом Дмитрием Быстролетовым. Ходатайство Орлова было удовлетворено, и вскоре Теодор Малли возглавил нелегальную резидентуру НКВД в Великобритании.

Наша справка

Теодор Степанович Малли родился в 1894 году в городе Темешваре, входившем в то время в состав Австро-Венгерской империи, в семье чиновника Министерства финансов. По окончании гимназии вступил в католический монашеский орден. Учился на философском и богословском факультетах духовной семинарии, был рукоположен в сан диакона, однако впоследствии порвал с религией.

С началом Первой мировой войны поступил на службу в австро-венгерскую армию в качестве вольноопределяющегося. В декабре 1915 года окончил военное училище. Воевал в чине подпоручика. В июле 1916 года попал в русский плен. Содержался в лагерях для военнопленных в

Полтаве, Пензе, Оренбурге, Челябинске. Являлся активным участником движения военнопленных-интернационалистов. В 1919 году вступил добровольцем в Красную Армию, участвовал в боях с белочехами под Челябинском.

В 1921 году направлен на работу в органы ВЧК, служил в Крыму, боролся с бандитизмом. С 1926 года работал в отделе политэмигрантов ЦК МОПР в Москве, а затем — в центральном аппарате ОГПУ. В 1930 году являлся оперуполномоченным Особого отдела.

В конце 1932 года переведен во внешнюю разведку. Неоднократно выезжал в спецкомандировки в Германию, Австрию и Францию.

С июня 1934 года Теодор Мали—нелегальный резидент НКВД в Париже, откуда курировал разведработу в Нидерландах. В январе — марте 1935 года находился в Москве. В мае 1935 года нелегально выезжал в Лондон для завершения разработки завербованного советской разведкой шифровальщика МИД Великобритании. В сентябре 1936 года заменил Орлова на посту нелегального резидента НКВД в Лондоне.

В июле 1937 года Т. Малли был отозван в Москву в связи с предательством Игнатия Порецкого-Рейса и его напарника Вальтера Кривицкого, которые лично знали его и могли выдать противнику. Продолжил работу в центральном аппарате внешней разведки. Имел специальное звание майора государственной безопасности.

За период работы в органах Т. Малли был награжден нагрудным знаком ЦИК Крыма, Почетной грамотой и серебряным портсигаром от коллегии ОГПУ, а также нагрудным знаком «Почетный чекист».

7 марта 1938 года Т. Малли был арестован по ложному навету. Замечательному разведчику-нелегалу предъявили целый букет вздорных обвинений: «злостное нарушение конспирации, разглашение государственной тайны, отказ от выполнения приказа в боевой обстановке». 20 сентября того же года он был осужден к высшей мерс наказания и в тот же день расстрелян. В апреле 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор в отношении Теодора Малли был отменен и он был полностью реабилитирован.

* * *

Пребывание Орлова в Англии было недолгим, хотя и результативным. После того как 18 июля 1936 года в Испании вспыхнул мятеж франкистов против правительства Народного фронта, именно Сталин предложил

руководству НКВД рассмотреть вопрос о переводе Орлова из Лондона в Испанию.

В Мадрид Орлов прибыл 16 сентября 1936 года вместе с семьей. Основной сферой деятельности резидентуры НКВД в Испании было оказание практической помощи законному правительству страны в создании собственной службы разведки и контрразведки, а также развертывание партизанского движения и организация диверсий в тылу франкистов.

В Испании Орлов привлек к сотрудничеству с советской разведкой добровольца интернациональной бригады имени Авраама Линкольна американца Морриса Коэна, который в дальнейшем сыграл важную роль в получении советской разведкой американских атомных секретов, действовал в США и в Англии в качестве связного видных советских разведчиков-нелегалов Рудольфа Абея и Конона Молодого и в 1995 году стал Героем Российской Федерации.

Уже через два месяца после прибытия в Мадрид Орлов сообщил в Центр, что его сотрудники разоблачили резидентуру нацистской разведки. Руководимый им аппарат принимал непосредственное участие в разгроме подпольных фалангистских групп и в подготовке партизанских и диверсионных отрядов для работы в тылу противника. Было организовано шесть школ по подготовке разведчиков-диверсантов, обучение в которых прошли около тысячи человек.

В Испании Орлову вновь пришлось руководить работой Кима Филби, который по заданию советской разведки был аккредитован в качестве фронтового корреспондента одной из английских газет при франкистском правительстве.

Под непосредственным руководством Орлова была проведена операция по подавлению вооруженного мятежа анархистов и троцкистской организации ПОУМ в Каталонии.

Наша справка

В ходе состоявшихся в Испании 16 февраля 1936 года парламентских выборов к власти в стране пришло правительство Народного фронта, в который кроме коммунистов входили анархистская Народная конфедерация труда, социалисты и Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ).

Потерпевшие поражение правые партии поддержали вооруженный мятеж генерала Франко. Началась кровопролитная гражданская война. Но

если в станс правых царило полное единство, то лагерь республиканцев раздирали межпартийные противоречия. Зачинщиками выступали поумовцы во главе со своим лидером Андресом Нином.

В начале 1920-х годов Андрес Нин находился в России и являлся ближайшим соратником Троцкого. Возвратившись в 1930 году в Испанию, он возглавил местных троцкистов, а в 1935 году основал ПОУМ, которая вошла в Народный фронт. Когда же началась гражданская война, Нин и другие лидеры партии отвергли линию Коминтерна на укрепление Народного фронта и перешли на позицию открытой борьбы с ним. 3 мая 1937 года ПОУМ и анархисты подняли в Барселоне вооруженный мятеж против республиканского правительства Народного фронта. Ожесточенные бои продолжались три дня. Троцкисты призывали каталонских рабочих покончить с марксистами и соединиться с войсками Франко.

Мятеж был подавлен лишь тогда, когда в Барселону были введены части, снятые с фронта. В результате мятежа только в одной Барселоне погибли 350 человек и 2600 были ранены. Одновременно волнения произошли и на фронте в поумовских и анархистских частях. Но гораздо более тяжелыми были военно-политические последствия мятежа: срыв тщательно подготовленного наступления на Северном фронте и потеря республиканцами Басконии, подрыв международного авторитета республики, кризис Народного фронта.

После подавления мятежа ПОУМ была запрещена, ее имущество конфисковано, а лидеры арестованы...

* * *

Руководство НКВД не ограничилось разгромом ПОУМ. По указанию Сталина в Испании сотрудниками НКВД были ликвидированы бывший секретарь Троцкого Э. Вольф, австрийский революционер К. Ландау, М. Рейн и ряд других активных троцкистов. Все эти факты были хорошо известны Орлову, хотя сам он в этих оперативных мероприятиях участия не принимал. Тем не менее он стал для Ежова «нежелательным свидетелем», который «слишком много знает и которого следует убрать».

В 1937 году в связи с так называемым «заговором генералов», сфабрикованным Ежовым для подавления инакомыслия в Красной Армии, над Орловым стали сгущаться тучи. Был отозван в Москву и репрессирован сотрудник его резидентуры, организатор диверсионной работы в тылу франкистов Григорий Сыроежкин. Кроме того, Орлов узнал, что в Москве

репрессирован его двоюродный брат. Поэтому, когда в августе 1937 года в Мадрид пришла телеграмма начальника ИНО НКВД Слуцкого, в которой сообщалось, что секретные службы Франко готовятся похитить его, Орлов высказал сомнения. На предложение Слуцкого направить в Мадрид специальную охрану из двенадцати человек, которая бы отвечала за его безопасность и сопровождала во время поездок по стране, Орлов ответил категорическим отказом. В то же время он поручил своему заместителю Науму Эйтингону организовать свою личную охрану из бойцов интернациональных бригад. Она состояла из десяти человек, которые повсюду его сопровождали. Любого, кто приказал бы ликвидировать Орлова, эти люди приняли бы за предателя, потому что, по его словам, они «не вер или никому, кроме Сталина».

Вторым сигналом для Орлова послужило прибытие в Мадрид в октябре 1937 года заместителя начальника ИНО НКВД Сергея Шпигельгласа, организовавшего 4 сентября того же года в Швейцарии ликвидацию бывшего нелегального резидента НКВД Игнатия Порецкого-Рейса, изменившего службе и перешедшего на сторону Троцкого. Не имея никаких поручений от начальника разведки, Шпигельглас встретился без ведома Орлова с руководителем мобильной группы Отдела спецопераций в Испании Бородиным и беседовал с ним наедине. Данное обстоятельство настолько встревожило Орлова, что он вывез жену и дочь во французский город Перпиньян, где снял для них виллу.

9 июля 1938 года Орлов получил приказ от Ежова выехать в бельгийский порт Антверпен для встречи с представителем Центра Шпигельгласом на борту советского парохода «Свирь». Разведчик понял, что охота на него началась. Опасаясь ареста и депортации в СССР, 12 июля он уехал из Барселоны в Перпиньян.

Вскоре Орлов обратился в канадское посольство во Франции, где, предъявив дипломатические паспорта, попросил канадскую визу. Получив ее, он с женой и дочерью на канадском пароходе «Монклер» отбыл из Шербура за океан. Прибыв в Канаду, Орлов сразу же вызвал гуда из США своего родственника Курника и поручил ему доставить в Париж письмо, адресованное Ежову. В нем он объяснял, почему после 19 лет работы в органах государственной безопасности был вынужден стать невозвращенцем.

Анализируя, в частности, телеграмму наркома, предлагавшего Орлову отправиться в Антверпен для встречи с Шпигельгласом, разведчик отмстил, что это была «коварная ловушка для ни в чем не повинного человека». Напомнив, что он не раз жертвовал своей жизнью при

выполнении заданий Центра в Испании, Орлов подчеркнул, что его уже заранее занесли в списки «врагов народа» и приговорили к расстрелу. Указав, что он не намерен разделить участь уже уничтоженных Ежовым резидентов НКВД, которые, по его мнению, не были предателями, Орлов спрашивал у адресата:

«Если "Петр", например, был шпион, то как же продолжают работать с таким человеком, как "Тюльпан", которого он создал? Или, если "Манн" был шпион, то как он не предал "Вайзе", "Зенхена" и других, с которыми продолжают работать до сих пор? На бегство я решился лишь потому, что моя тяжело больная дочь останется без помощи и защиты».

Напомним, что «Петр» — это оперативный псевдоним резидента парижской резидентуры НКВД Станислава Глинского, который в августе 1937 года был отозван в Москву, а затем — расстрелян. Он лично завербовал Марка Зборовского (одним из оперативных псевдонимов которого являлся «Тюльпан»), внедренного в Париже в ближайшее окружение сына Троцкого — Льва Седова. «Манн» — это советский разведчик-нелегал Теодор Малли, который сменил в Лондоне Орлова в должности резидента и руководил работой с членами «кембриджской пятерки» Дональдом Маклейном («Вайзе») и Кимом Филби («Зенхен»).

Далее Орлов отмечал, что не является изменником партии и своей страны. Он предупреждал наркома:

«Если вы оставите меня в покос, я никогда не стану на путь, вредный партии и Советскому Союзу. Я даю торжественную клятву: до конца моих дней не проронить ни единого слова, могущего повредить партии, воспитавшей меня, и стране, взрастившей меня». В заключение письма Орлов сделал приписку: «Прошу вас отдать распоряжение не трогать моей старухи-матери. Ей 70 лет. Она ни в чем не повинна. Я последний из ее 4-х детей, которых она потеряла. Это больное, несчастное существо». Письмо он подписал оперативным псевдонимом «Швед». К письму Орлов приложил дополнение на двух страницах. В нем содержалось подробное описание его работы в Испании — в том числе собственной роли в организации политического террора в стране, участия в оперативных мероприятиях против Троцкого

и его сторонников, включая сына «демона революции» — Льва Седова, и многое другое. Кроме того, Орлову была известна практически вся наиболее ценная агентура НКВД в Европе — начиная с «кембриджской пятерки» и кончая «Красной капеллой» — всего примерно 60 человек. Разведчик предупредил Ежова, что передал фотопленку данного письма своему адвокату, который, в случае его гибели, опубликует документы.

Угроза была серьезной, и уже в середине августа, когда письмо попало в руки наркома, все оперативные мероприятия по его задержанию и ликвидации были Ежовым отменены. Сам же Орлов 13 августа 1938 года вместе с семьей уехал по дипломатическому паспорту в США. Там он обратился за помощью к адвокату Джону Финнерти, который в 1937 году выступал юридическим советником комиссии сенатора Дьюи, рассматривавшей юридическую состоятельность московских судебных процессов над оппозицией. В Нью-Йорке Орлов зарегистрировался в качестве родственника Курника, отвозившего его письмо в Париж. Прожив там некоторое время, Орлов через своих родственников получил вид на жительство на имя Игоря Константиновича Берга и вскоре вместе с семьей переехал в Калифорнию, где вел весьма скромный образ жизни.

Хотя Орлов не выдал ни одного известного ему ценного источника советской внешней разведки, объективно его бегство нанесло серьезный ущерб Службе. После его исчезновения был отозван в Центр ряд разведчиков-нелегалов и были приняты дополнительные меры безопасности в работе с источниками.

В самом конце 1938 года Троцкий, проживавший в Мексике, получил письмо от Орлова, датированное 27 декабря. Письмо, написанное по-русски на машинке с латинским шрифтом, не было подписано. Аноним предупреждал, что среди членов троцкистской организации в Париже есть провокатор НКВД по имени Марк, и дал его описание. Оно соответствовало приметам Марка Зборовского, внедренного парижской резидентурой НКВД в близкое окружение сына Троцкого — Льва Седова. Он также предупредил, что покушение на Троцкого может совершить испанец, выдававший себя за троцкиста. Вскоре за письмом последовал телефонный звонок. Однако Троцкий не прислушался к предупреждениям, и 20 августа 1940 года испанец Меркадер убил его на вилле в пригороде мексиканской столицы Койоаканс ударом ледоруба.

В Москве были буквально обескуражены бегством резидента в Испании. Однако сменивший его на посту резидента Эйтингон, взвесив все обстоятельства, предложил Центру продолжить работу с членами «кембриджской пятерки». По его мнению, Орлов, находясь в США, не мог выдать их, не подвергая себя серьезному риску, поскольку в 1934—1935 годах находился в Англии по фальшивому американскому паспорту.

Через три года после бегства Орлова в США скончалась его дочь, страдавшая неизлечимой болезнью сердца. В 1953 году, после смерти Сталина, Орлов, у которого к тому времени кончились деньги, опубликовал книгу под названием «История сталинских преступлений», в которой

описал подготовку и проведение показательных процессов в Советском Союзе. Отрывки из нее были напечатаны американским журналом «Лайф». Только после этого директор ФБР Э. Гувер узнал, что в США в течение 15 лет успешно скрывался видный советский разведчик в ранге генерала. Начались допросы Орлова в ФБР. Однако он ничего не раскрыл, подтвердив на допросах только то, что ФБР и без него знало. Отметим, что Орлову были известны имена многих советских разведчиков в различных странах мира.

Когда в 1957 году в результате предательства его помощника Рейно Хейханена был арестован нелегальный советский разведчик Вильям Фишер, назвавшийся при аресте именем своего покойного друга Рудольфа Абея, Орлов в беседе с агентами ФБР подтвердил, что когда-то встречал Абея в коридорах Лубянки и что тот работал тогда в транспортном отделе ОГПУ. Он, однако, не раскрыл подлинное имя разведчика-нелегала, родившегося в Англии и въехавшего в 1931 году в нее по подлинному британскому паспорту. Не назвал он также и Кима Филби, являвшегося в конце 1940-х годов представителем британской разведки при ЦРУ США, И.Р. Григулевича, работавшего в Латинской Америке в годы войны, и многих других известных ему советских разведчиков.

Проживая в США, Орлов вместе с женой постоянно покупали и читали советскую прессу, включая газету «Правда» и журнал «Коммунист». Разведчик не изменил своим идеологическим убеждениям, оставаясь лишь политическим противником Сталина.

В 1963 году Орлов публикует очередную книгу — «Пособие по контрразведке и ведению партизанской войны», которая была лишь сборником забавных и назидательных историй из жизни разведчиков и контрразведчиков. Содержание книги не нанесло какого-либо ущерба советской разведке. Она писалась исключительно для заработка и, по оценке американской прессы, не содержала ничего оригинального. Вскоре Орлов начал читать лекции в Мичиганском университете.

В 1967 году вашингтонская резидентура ПГУ КГБ установила местонахождение Орлова в США. 14 ноября 1969 года с ним встретился сотрудник резидентуры. Он передал Орлову письмо от его друга — Прокопюка, с которым тот работал в Барселоне. Орлову было сказано, что еще в декабре 1955 года Следственное управление КГБ пришло к заключению, что оснований для возбуждения против него судебного дела нет. Бывшему разведчику было сделано предложение возвратиться на Родину. Однако Орлов, внимательно выслушав оперработника, отказался от предложения возвратиться в Москву. Через месяц Центр направил в

вашингтонскую резидентуру указание оставить Орлова в покос.

В начале 1960-х годов по решению руководства КГБ СССР все претензии к А.М. Орлову были официально сняты и юридически закреплено отсутствие в его деле состава преступления. А в разведке наряду с понятиями «предатель», «изменник» появился термин «невозвращенец».

Орлов продолжал работать над мемуарами. Осенью 1969 от сердечного приступа скончалась его жена Мария. В марте 1973 года у Орлова была обнаружена серьезная болезнь сердца, он был помещен в госпиталь, где 8 апреля того же года скончался.

Глава VII. ЧЕКИСТ СЫРОЕЖКИН

Летом 1938 года в мадридскую резидентуру НКВД ушла телеграмма с Лубянки, в которой старшему военному советнику 14-го специального республиканского корпуса, старшему майору Н КВД Григорию Сыроежкину предписывалось отбыть в Москву. Прибыв в столицу в конце того же года, он поселился в гостинице «Москва». Однажды вечером в его уютном номере раздался телефонный звонок. Звонил старый приятель из Иностранному отделу, который доверительно сообщил Григорию, что недавно подписан и объявлен «кому надо» закрытый Указ Президиума Верховного Совета СССР о его награждении в группе других чекистов за особые заслуги в борьбе с фашизмом в республиканской Испании. Приятель намекнул, что это дело неплохо бы отметить. Григорий спустился в буфет, купил бутылку отборного коньяка и поспешил на встречу с товарищем. Однако у дверей гостиничного номера разведчик столкнулся с тремя незнакомыми людьми, которые предъявили ему ордер на арест...

25 января 1900 года в крестьянской семье Сергея Лаврентьевича Сыроежкина, проживавшей в селе Волково тогдашнего Балашовского уезда Саратовской губернии, родился сын, которого родители назвали Гришей. В 1905 году, после начала Русско-японской войны, отца забрали в армию и направили в Закавказье—младшим каптенармусом Тифлисского кадетского корпуса. Дослужив до конца войны, Сергей Сыроежкин уволился в запас и остался на этой же должности. Сняв небольшую квартирку, он вызвал к себе семью. Его жена Агафья Кирилловна собрала нехитрый скарб, заколотила дом и отправилась к мужу в Тифлис с Гришей и его младшим братом Константином.

Отец отдал Григория учиться в городскую гимназию. Однако с малых лет мальчик мечтал о военной службе: любил смотреть на строевые занятия, с удовольствием, когда ему разрешали, карабкался на спину оседланной лошади, долгие часы проводил в местной оружейной мастерской.

Григорий рос крепким и не по годам сильным. Когда ему пошел четырнадцатый год, он увлекся цирком. Это было настолько сильное увлечение, что Сыроежкин стал учеником знаменитых борцов Ивана Поддубного и Ивана Лебедева, гастролировавших в то время в Тифлисе. В неполные шестнадцать лет Григорий начал выходить на арену, чтобы померяться силами со зрителями. Помимо борьбы в цирке он овладел

искусством фокусника, научился джигитовке и многому другому, что могло пригодиться в жизни артиста. Но в одном из поединков противник сломал Григорию правую руку, и с карьерой борца пришлось расстаться.

Началась Первая мировая война, и Григорий решил во что бы то ни стало попасть на фронт. В начале 1915 года, приписав себе несколько лет, он вступил добровольцем в 1-й Кавказский стрелковый полк. Всего месяц длилась солдатская служба Григория. Разобравшись в его метриках, военное начальство отправило несовершеннолетнего солдата домой, в Тифлис.

Возвратившись в семью, Григорий устроился на должность писмоводителя в управление Закавказской железной дороги. Экстерном сдал экзамены за четырехклассный гимназический курс.

После Октябрьской революции 1917 года семья Сыроежкиных решила вернуться в родное село Волково, где начался раздел помещичьей земли. Однако крестьянская жизнь не прельщала Григория, и летом 1918 года он добровольно вступает в Красную Армию и становится красноармейцем 6-го Заамурского кавалерийского полка 4-й партизанской армии, которой командовал известный революционер Василий Киквидзе и которая в августе 1918 года была преобразована в регулярную дивизию. Воевал Григорий на Южном фронте, участвовал в героической обороне Царицина. Позже в своей автобиографии Сыроежкин скромно отмечал:

«Находясь в составе Красной Армии, участвовал в перестрелках на Южном фронте в районе Елани и в районе станции Мачеха, будучи красноармейцем дивизии Киквидзе (6-й Заамурский полк и особая рота)».

В октябре 1918 года приказом Реввоенсовета была образована 9-я армия, в которую вошла дивизия Киквидзе. С созданием армии был организован и ее реввоен трибунал, в котором вскоре пришлось служить Сыроежкину.

Однажды вместе с группой красноармейцев Григорий отправился в соседний район за фуражом. Документы группы были оформлены неправильно, красноармейцев задержал военный патруль по подозрению в мародерстве и доставил в реввоен трибунал. К счастью, работники трибунала во всем тщательно разобрались и освободили красноармейцев из-под стражи. Григорию и здесь повезло: в трибунале требовался грамотный писарь, и ему предложили эту должность. Работая в трибунале, Сыроежкин получил основы юридических знаний. В декабре 1919 года он был назначен комендантом реввоен трибунала 9-й армии. В том же году вступил в члены РКП (б).

Весной 1920 года следует новое назначение: Сыроежкин был

откомандирован на работу в Новочеркасскую чрезвычайную комиссию. Один из коллег Сыроежкина по работе в реввоентрибунале и в Новочеркасской ЧК вспоминал:

«Я не погрешу против истины, если скажу, что в оперативной работе чрезвычайной комиссии он находил полное удовлетворение своим наклонностям. Он был сообразительным, быстрым в движениях, сильным физически. Ему импонировало то, что результаты его оперативной работы получались тут же, сразу и полностью зависели от того, как он построит и приведет в исполнение задуманный им оперативный план».

Однако работа Григория в ЧК длилась недолго. Через четыре месяца его направили следователем в военно-революционный трибунал Кавказского фронта. А в январе 1921 года Сыроежкин был вызван в Москву и назначен следователем Ревтрибунала Российской Республики. Служил в трибунале на различных должностях до августа месяца. В этот же период его направляли в Тамбовскую губернию для подавления антоновского мятежа.

Справка из «Большой Советской Энциклопедии»

Антисоветский кулацко-эсеровский мятеж в Тамбовской губернии в 1920—1921 годах получил название по имени главаря мятежа эсера А.С. Антонова.

Антоновщина показала изменения в формах и методах борьбы международного империализма против советской власти после провала вооруженной интервенции в 1918—1920 годах, была одной из самых значительных попыток осуществления новой тактики классовых врагов против диктатуры пролетариата—тактики «взрыва изнутри». Международный империализм и внутренняя контрреволюция в условиях перехода Советской республики к мирному строительству рассчитывали использовать колебания мелкобуржуазных слоев, противопоставить крестьянство рабочему классу и свергнуть диктатуру пролетариата.

Мятеж подготавливался партией эсеров еще с 1918 года. Его организаторы поставили задачей свержение советской власти, создание правительства из представителей партий и союзов, враждебных большевикам, созыв Учредительного собрания, реставрацию буржуазных порядков. В мае 1920 года ЦК партии эсеров дал директиву нелегальному Тамбовскому губкому эсеров об организации кулацких «союзов трудового крестьянства» и проведении широкой антисоветской агитации. Созданные в Тамбовском, Борисоглебском и других уездах «союзы трудового крестьянства» превратились в опорные пункты мятежа.

Главарь мятежа А.С. Антонов в 1905—1907 годах участвовал в

эсеровских экспроприациях, 8 лет отбывал ссылку. В 1917—1918 годах был начальником уездной милиции в Кирсанове. Участвовал в контрреволюционном заговоре. В 1918 году скрылся от ареста и приступил к созданию банды.

...Мятеж начался в августе 1920 года в селе Каменка Кирсановского уезда и вскоре распространился на территории Тамбовского, Кирсановского, Борисоглебского, Моршанского и Козловского уездов. С помощью демагогии, обмана, провокаций и принуждения эсерам удалось втянуть в банды часть трудящихся крестьян. В октябре 1920 года в мятеже участвовало 15—20 тысяч человек. В январе 1921 года численность мятежников составляла 50 тысяч человек. В распоряжении так называемого «главного оперативного штаба» мятежников находились две армии в составе 21 полка и отдельная бригада. Мятежники применяли тактику и методы партизанской войны, прибегая к внезапным и скрытым налетам. Перерезав Юго-Восточную железную дорогу, они срывали подвоз хлеба в центральные районы страны, разграбили около 60 совхозов, нанесли огромный материальный ущерб губернии. Ими было убито свыше 2 тысяч партийных и советских работников.

ЦК РКП (б), СНК, лично В.И. Ленин приняли необходимые меры для быстрой ликвидации мятежа. В августе 1920 года в Тамбовской губернии было введено осадное положение. ЦК РКП (б) мобилизовал в помощь парторганизации губернии 300 коммунистов из Москвы, Петрограда, Тулы. Совместно с губернской парторганизацией была развернута большая агитационно-пропагандистская и организаторская работа, направленная на изоляцию кулацко-эсеровских элементов.

В январе—феврале 1921 года была резко увеличена численность войск Красной Армии в Тамбовской губернии (32,5 тысячи штыков, около 8 тысяч сабель, 463 пулемета, 63 орудия). В мае 1921 года на борьбу с антоновщиной были направлены М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, Н.Е. Какурин, Г.И. Котовский и другие военачальники с заданием в месячный срок покончить с бандами. К июню 1921 года основные силы антоновцев были почти полностью уничтожены. Завершающие бои осуществляла группа войск под командованием Уборевича. С 28 мая по 26 июля 1921 года мятежники потеряли 11 тысяч человек убитыми и ранеными. С учетом захваченных во время облав дезертиров, а также добровольно сдавшихся численность антоновцев уменьшилась почти на 37 тысяч человек. В августе 1921 года мятеж был подавлен. Антонов был убит в июне 1922 года.

Во время подавления антоновского мятежа, руководя специальной группой, Григорий Сыроежкин провел успешную совместную операцию с эскадронами, которым командовал будущий маршал

Советского Союза Георгий Жуков. Участвовал Сыроежкин и в ликвидации банды Попова в своем родном Балановском уезде Саратовской губернии.

В сентябре 1921 года Григорий Сыроежкин был переведен из Реввоентрибунала Республики в Контрразведывательный отдел (КРО) ВЧК. Принимал непосредственное участие в операции «Синдикат-2», которая была направлена на разгром савинковской террористической организации «Народный союз защиты Родины и свободы» и на вывод самого Бориса Савинкова на территорию СССР. Эта операция являлась одной из самых интересных операций, проведенных органами ОГПУ в 1920-е годы.

От Менжинского и Артузова Сыроежкин получил задание: под фамилией Серебряков он должен пересечь польскую границу, выйти на контакт с польской разведкой и от имени легендированной чекистами организации «Либеральные демократы» передать ей ряд документов, подтверждающих наличие в Советской России влиятельной группы заговорщиков, готовых при иностранной помощи свергнуть советскую власть.

Советско-польскую границу разведчик преодолел без труда и благополучно добрался до Вильно, отторгнутого панской Польшей у Литвы. Обосновавшись в гостинице «Бристоль», Сыроежкин решил прогуляться по городу, чтобы изучить обстановку. И тут с ним произошел непредвиденный случай, который чуть было не закончился трагически. На одной из оживленных улиц города Сыроежкин столкнулся с неким Стржалковским, бывшим царским офицером и красным командиром, с которым он ранее работал в военно-революционном трибунале Кавказского фронта и которого не без его участия отчислили оттуда за моральное разложение. Ко всему прочему, Стржалковский знал, что в начале 1922 года Сыроежкин выезжал в Тамбов в составе комиссии ВЧК по пересмотру дел участников антоновского мятежа. Поляк сразу же узнал разведчика. В беседе он рассказал, что недавно переселился в Польшу, но остался без работы и бедствует. Григорий в ответ наспех придумал, будто он разочаровался в советской власти, порвал с ней и решил уйти «куда глаза глядят».

Расстались они нормально, договорившись о новой встрече. Тем не менее вскоре после этого случая Григорий был задержан и доставлен в полицию. Там уже находился Стржалковский, донесший на него. Разведчик в ответ на предъявленные обвинения заявил, что Стржалковский — полностью разложившийся элемент, пьяница и наркоман, который мстит ему по личным мотивам. Зная Стржалковского с самой отрицательной стороны, полицейские отпустили Сыроежкина и даже извинились перед ним. Успешно прошла и его встреча с капитаном польской разведки Секундой. Поляк выразил удовлетворение полученной информацией и принес извинения за «недоразумение с полицией».

Вернувшись в Москву, Сыроежкин подробно доложил о происшествии. После всестороннего обсуждения проблемы было принято решение вновь направить его с заданием за кордон. На этот раз Сыроежкину-Серебрякову предстояло доставить в Вильно два пакета. В одном из них находилось письмо полковника Павловского Борису Савинкову, в котором последнему предлагалось посетить Россию, чтобы лично возглавить антисоветскую оппозицию. Сергей Павловский являлся одним из ближайших соратников Савинкова. Посланный им нелегально в Москву для инспекции «Либеральных демократов», Павловский был арестован чекистами и писал письмо Савинкову под их диктовку, находясь в тюрьме на Лубянке.

В книге Олега Мозохина и Теодора Гладкова «Менжинский. Интеллигент с Лубянки» по этому поводу, в частности, отмечается:

«Направляя Сыроежкина за границу, КРО ОГПУ преследовало цель рассеять у Савинкова и его ближайших сподвижников сомнения по поводу столь длительного пребывания в СССР полковника Павловского и ускорить приезд Савинкова в Советский Союз. В соответствии с этим планом в письме-докладе Павловского Савинкову сообщалось, что он со своими людьми совершил удачный "экс", который принес московскому ЦК "Либеральных демократов" десятки тысяч рублей, и в ближайшее время, сразу после ростовского налета на поезд с деньгами, он выезжает к Савинкову за границу».

Другой пакет содержал фотокопию секретного приказа народного комиссара по военным и морским делам о проведении маневров вблизи польской границы. По просьбе руководства ОГПУ этот «приказ» был специально подготовлен в единственном экземпляре для дезинформации противника. Он содержал все необходимые атрибуты настоящего документа.

Однако в Вильно Сыроежкина встретил не капитан Секунда, а другой

офицер польской офензивы (разведки) — капитан Майер. Когда Сыроежкин передал ему привезенные материалы, Майер откровенно обрадовался. Григорий, видя такую реакцию, намекнул ему об оплате полученных сведений. Капитан, не колеблясь, выложил кругленькую сумму и сказал:

— Только вот распишитесь здесь, пожалуйста, пан Сыроежкин.

— Я уж и забыл, когда был Сыроежкиным, — обиженно сказал Григорий. — И называть меня этим именем — большой грех, пан капитан. Где тут расписаться?

И аккуратно расписался: «Серебряков».

Майер не возражал и согласился передать Савинкову пакет от полковника Павловского.

Подготовленные чекистами «разведданные» получили высокую оценку польских спецслужб и представителя Второго бюро (военной разведки) Генштаба французской армии Готье, на связи у которого находился Савинков в качестве агента французской разведки. Ознакомившись с документом, Готье поздравил Савинкова с большим успехом его организации.

В тот же день Сыроежкин отправился в Москву. Он отчитался о результатах своей поездки перед Артузовым и Менжинским. О его работе по «Сипдикату-2» было доложено Дзержинскому. В дальнейшем Сыроежкин еще не раз выезжал с ответственными и опасными поручениями в Польшу.

В результате операции «Синдикат-2» чекистам удалось заманить Бориса Савинкова в Москву. Против этой поездки возражал даже близкий друг Савинкова—Бурцев, прославившийся разоблачением провокатора департамента полиции Азефа. Он заявил, что Савинков идет на верную гибель, так как неизбежно попадет в расставленные чекистами сети.

После консультаций с сотрудником британской разведки Сиднеем Рейли и обсуждения всех деталей предстоящей поездки Борис Савинков и ряд его сподвижников в начале августа 1924 года выехали из Парижа. В ночь на 15 августа они нелегально перешли советскую границу, были арестованы и доставлены на Лубянку. 29 августа 1924 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла Борису Савинкову смертный приговор. Президиум ВЦИК заменил его на лишение свободы сроком на десять лет. В мае 1925 года Савинков выбросился из окна кабинета следователя, находившегося на пятом этаже здания на Лубянке.

По результатам операции «Синдикат-2» группа чекистов была награждена орденами. В представлении к награждению, подготовленном

заместителем начальника КРО Р. А. Пилляром, в частности, говорилось (стиль оригинала сохранен):

«Тов. Сыроежкин Григорий Сергеевич принимал активное участие в разработке дела Савинкова, неоднократно рискуя жизнью. Состоял официально сотрудником ОГПУ, посылался неоднократно в Польшу. Во время поездок, чрезвычайно рискованных, проявил огромную находчивость и смелость.

Лишь благодаря этому ему удалось избежать почти неминуемого ареста, влекшего за собой неминуемый расстрел и провал разработки дела.

Ходатайствую о награждении его орденом Красного Знамени».

Вместе с другими чекистами Григорий Сыроежкин продолжал активно бороться с белогвардейским подпольем в Советском Союзе. В сентябре 1925 года он участвовал в операции «Трест» по выводу в СССР и аресту английского разведчика и авантюриста Сиднея Рейли, который был участником так называемого «заговора послов», направленного сразу же после Октябрьской революции на свержение советского правительства, в 1918 году заочно судим и объявлен «врагом трудящихся, стоящим вне закона РСФСР».

В операции «Трест» Сыроежкин действовал под именем Шукина — боевика ранее разгромленной чекистами «Монархической организации Центральной России». В ходе реализации операции Сидней Рейли был выведен в СССР и арестован. Смертный приговор, вынесенный международному авантюристу в 1918 году, был приведен в исполнение 5 ноября 1925 года. В 1927 году операция «Трест», полностью выполнившая стоявшие перед ней задачи, была завершена. В газете «Правда» от 9 июня 1927 года под заголовком «Арест английского разведчика Сиднея Рейли» было опубликовано официальное правительственное сообщение, в котором, в частности, говорилось:

«Летом 1925 года при нелегальном переходе финляндской границы из СССР был пограничной охраной ранен и арестован некий "купец" с советским паспортом на имя Штейнберга. Будучи допрошен, он показал, что на самом деле он вовсе не Штейнберг, а известный английский разведчик, капитан королевской авиации Сидней Георг Рейли, один из главных организаторов заговора Локкарта, трибуналом от 3 декабря 1918 года объявленный вне закона.

Рейли показал далее, что он приехал в СССР со специальной целью организации террористических покушений, поджогов, восстаний и т.д. Более того, Рейли добавил, что он, проездом из Америки, был у канцлера казначейства и одного из ответственных министров британского короля

Черчилля, который лично давал ему инструкции по организации террористических покушений и других диверсионных актов. Его письменные показания имеются в распоряжении правительства. Материалом, взятым при дальнейших арестах, показания Рейли были целиком подтверждены».

Работая в основном по делам «Синдикат-2» и «Трест», Сыроежкин одновременно систематически привлекался к выполнению и других заданий. В частности, в 1924 году он руководил ликвидацией банды Даниила Иванова, перешедшей на территорию Белоруссии в районе Столбцов.

Осенью 1925 года Сыроежкин был направлен в распоряжение полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. В те времена в этом регионе широко распространился бандитизм. Бандиты нападали на нефтепромыслы, поезда, убивали советских работников, учителей. Вооруженные налеты они совершали и на предместья Грозного. В составе оперативно-разведывательного отряда Сыроежкин участвовал в выявлении и ликвидации наиболее активных головорезов. Опираясь на помощь бойцов местной самообороны, отряд чекистов сумел успешно провести ряд операций по разоружению бандформирований.

В 1928 году Сыроежкин был командирован в Якутию, где японские агенты из числа бывших белогвардейцев готовили вооруженное восстание с целью создания марионеточного правительства и отделения Якутии от СССР. Благодаря успешной контрразведывательной операции, проведенной Сыроежкиным и его подчиненными, заговор был ликвидирован.

...Чекистам были хорошо известны имена заговорщиков, однако жили они в прекрасно охраняемых торговых факториях. Чтобы операцию по их задержанию провести одновременно, Сыроежкин разделил свой оперативный отряд на несколько групп. Сам он с помощником и проводником-якутом направился в факторию, где укрывался руководитель заговора—бывший кадровый офицер царской и колчаковской армий штабс-капитан Шмидт. Представившись ревизором Потребсоюза и предъявив соответствующие документы, Григорий начал знакомиться с делами фактории. На третий день, попросив Шмидта проводить его до околицы, Сыроежкин, обладавший огромной физической силой, арестовал его.

В 1929 году вспыхнул вооруженный конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), связывавшей кратчайшим путем Сибирь с Дальним Востоком. Сыроежкин был направлен в Бурятию, где возглавил оперативный отряд по борьбе с местными бандитами. Одновременно чекисты совершали рейды по тылам китайских войск.

В 1930—1931 годах по просьбе монгольских коллег Сыроежкин участвовал в операциях против банд в Ойратии, на севере Монголии.

В 1932 году коллегия ОГПУ наградила Сыроежкина именным оружием. В том же году, как имеющий большой опыт борьбы с бело-гвардейским подпольем, он получает назначение на ответственную работу в Белоруссию, где руководит ликвидацией подпольных националистических организаций. За проявленное мужество награждается золотыми часами.

После Белоруссии Григорий Сыроежкин получает новое назначение, на этот раз — в Ленинград. Там он участвует в контрразведывательных операциях по ликвидации созданных германской разведкой шпионских и террористических групп. Эти группы действовали под прикрытием нескольких германских коммерческих представительств. При проведении оперативных мероприятий Сыроежкин выезжал по линии ИНО ОГПУ в Германию, Норвегию, Финляндию и Швецию для проведения встреч с агентурой. В Хельсинки, например, он провел конспиративную встречу с одним из бывших руководителей Кронштадтского мятежа Степаном Петриченко, который подробно информировал разведчика о военных приготовлениях на финляндско-советской границе.

В 1936 году Григорию Сыроежкину за «особые оперативные заслуги и боевые подвиги» было присвоено специальное звание старшего майора госбезопасности, что соответствовало воинскому званию генерал-майора.

* * *

В апреле 1931 года в результате буржуазно-демократической революции в Испании была свергнута монархия. А на состоявшихся в феврале 1936 года парламентских выборах победу одержал Народный фронт, представители которого сформировали республиканское правительство левого толка. Испанские правые, проигравшие выборы, решили добиваться власти насильственным путем, опираясь на поддержку со стороны германских и итальянских фашистов.

В ночь на 18 июля 1936 года радио города Сеуты в Испанском Марокко передало условную фразу: «Над всей Испанией безоблачное небо». Это был сигнал к началу мятежа командного состава испанских колониальных войск в Северной Африке, который возглавил генерал Франсиско Франко. Вскоре мятежникам удалось высадиться на территории Испании, и в стране разразилась кровопролитная гражданская война.

Германия и Италия начали оказывать Франко существенную материальную и военную помощь, а также приступили к направлению в Испанию своих военнослужащих. В связи с этим в середине сентября 1936 года Политбюро ЦК ВКП (б) постановило оказать республиканскому правительству всестороннюю поддержку. Было принято решение об отправке в Испанию добровольцев-коммунистов. В письме Сталина, Молотова и Ворошилова на имя главы испанского правительства Ларго Кабальеро, в частности, подчеркивалось:

«Мы считали и считаем своим долгом в пределах имеющихся у нас возможностей прийти на помощь испанскому правительству, возглавляющему борьбу всех трудящихся, всей испанской демократии против военно-фашистской клики, являющейся агентурой международных фашистских сил».

Со всего мира в Испанию на помощь республиканцам спешили добровольцы. Среди них были и советские чекисты, в том числе будущие Герои Советского Союза Станислав Ваупшасов, Кирилл Орловский, Николай Прокопюк, Александр Рабцевич.

Григорий Сыроежкин написал три рапорта на имя руководства НКВД, прежде чем получил разрешение на отъезд в Испанию.

Используя свой богатый оперативный опыт, Сыроежкин, являвшийся сотрудником резидентуры НКВД, занимался подготовкой специальных партизанских и диверсионных групп республиканской армии для ведения борьбы в тылу франкистов. По его инициативе были созданы партизанские отряды, батальоны, бригады. Осенью 1937 года они были объединены в знаменитый 14-й специальный корпус, который осуществлял боевые операции на всех фронтах вплоть до окончания гражданской войны в стране. Сыроежкин стал старшим военным советником командира корпуса Доминго Ушрия. Он организовал разведывательно-диверсионную школу, в которой бойцы обучались премудростям партизанской борьбы.

В одном из докладов резидента НКВД в Испании Александра Орлова в Центр от 9 декабря 1937 года, в частности, отмечалось:

«Проводимая в тылу "Д" работа (литерой "Д" в служебной переписке того времени обозначалась разведывательно-диверсионная деятельность партизанских подразделений на фронтах и в тылу противника. — *Авт.*) привела к серьезному расстройству отдельных участков тыла франкистов и значительным материальным убыткам и людским потерям. Бесперывные и последовательные действия наших "Д" групп, применение ими самых разнообразных, быстро меняющихся и постоянно совершенствующихся методов, охват нами почти всех решающих участков фронта, продвижение

"Д" действий в глубокий тыл вызвали большую панику в фашистских рядах. Об этом говорят все донесения разведки и нашей агентуры, это подтверждается также и рядом известных нам официальных материалов (газетные статьи, приказы фашистов, радиопередачи).

Это состояние фашистского тыла, пребывание франкистов в постоянном напряжении, непрерывно преследующий их страх перед "проделками красных динамитчиков", подчас преувеличенный и раздуваемый всевозможными слухами, мы считаем основным достижением в "Д" работе.

Нам точно известно, что для борьбы с диверсиями фашисты вынуждены держать в тылу значительные воинские силы и вооруженные группы фалангистов. Все, даже незначительные, объекты усиленно охраняются. В августе 1937 года командующий Южным фронтом фашистов генерал Кьяппо де Льяно издал приказ, объявляющий на военном положении провинции Севилья, Уэльва и Бадахос. Мероприятия фашистского командования, связанные с реализацией этого приказа, предусматривают отвлечение с фронта значительных воинских сил».

Сам Григорий Сыроежкин неоднократно лично участвовал в выполнении специальных заданий командования в тылу врага. За проявленное мужество он был награжден орденом Ленина.

В Испании Сыроежкин встретил сына Бориса Савинкова. Лев Борисович Савинков вырос в эмиграции, работал шофером во Франции. С началом гражданской войны в Испании направился добровольцем на фронт против франкистов. Отважно сражался в Интернациональной бригаде. Сыроежкин способствовал тому, что Лев Савинков стал капитаном Республиканской армии. Осенью 1938 года, накануне поражения республиканцев, Сыроежкин переправил его во Францию. Во время оккупации Франции Лев Савинков участвовал во французском движении Сопротивления и героически сражался с врагом. В августе 1944 года он в составе группы из отряда «Союза русских патриотов» водрузил красный флаг над зданием советского посольства в Париже.

В 14-м специальном корпусе республиканцев бойцы обращались к Сыроежкину: команданте Грегорио. Сыроежкин был всеобщим любимцем. Товарищи по вооруженной борьбе с фашизмом ценили его за смелость, честность, профессиональное мастерство, доброе, человеческое отношение к людям, бескорыстие. Григорий, например, был готов поделиться последним сухарем с бойцом, прикрыть его в бою. Он умел подбодрить, развеселить бойцов, был богат на выдумку. Вспомнив, например, свое прежнее мастерство фокусника, он любил развлекать друзей различными трюками.

В 1937 году парком внутренних дел Ежов и его подручные сфабриковали так называемый «заговор генералов». Во время «ежовщины» погибли тысячи военнослужащих, руководство Красной Армии было практически обезглавлено. Однажды в середине 1938 года в кругу сослуживцев в Испании Григорий Сыроежкин высказал свое мнение о невиновности Тухачевского и других военачальников. Он отметил, что многих из них он лично знает как честных и преданных командиров и готов поручиться за них.

На Лубянку полетел донос на разведчика. В конце 1938 года Сыроежкин был отозван в Москву под предлогом вручения ему очередного ордена.

8 февраля 1939 года Григорий Сыроежкин был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Польши и участии в контрреволюционной организации. Основанием для ареста послужил случай с задержанием Сыроежкина в Вильно в связи с доносом Стржалковского, о чем разведчик в то время подробно проинформировал свое руководство. Следователь заявил, что Сыроежкин выдал польской разведке материалы, содержащие государственную тайну, и что поляки завербовали его. На замечание разведчика, что он действовал по заданию начальника Контрразведывательного отдела, последовал ответ, что прежние руководители Сыроежкина также оказались польскими шпионами. Действительно, 21 августа 1937 года бывший руководитель Сыроежкина Артур Артузов по ложному доносу был приговорен «тройкой» как «шпион польской и других разведок» к высшей мере наказания и расстрелян.

Такая же судьба постигла и старшего майора государственной безопасности Григория Сергеевича Сыроежкина. 26 февраля 1939 года он был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

15 февраля 1958 года приговор в отношении Григория Сыроежкина был отменен и дело закрыто за отсутствием состава преступления.

Глава VIII. ГЕНЕРАЛ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Я генерал государственной безопасности и еврей. Есть гарантия, что я кончу свои дни в тюрьме...

// Эйтингон.

(Из разговора с П. Судоплатовым)

Он скончался 3 мая 1981 года, так и не дождавшись реабилитации. Никаких официальных некрологов в газетах не было. Во время похороны на Донском кладбище в Москве видный советский чекист Герой Советского Союза полковник Евгений Иванович Мирковский сказал: «Сегодня у этой могилы как бы завершается рыцарская эпоха в истории нашей ЧК...»

В середине 1970-х годов на имя члена Политбюро ЦК КПСС, председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова поступило письмо от отставного разведчика Леонида Эйтингона, который был репрессирован во времена правления Хрущева как соратник Берии.

В своем заявлении прославленный чекист писал:

«В 1925 году, перед отъездом в Китай (это был мой первый выезд за кордон), я вместе с бывшим в то время начальником Иностранного отдела ОГПУ тов. Трилиссером был на приеме у товарища Дзержинского. Он, после того как коротко объяснил обстановку в Китае и указал, на что следует обратить особое внимание, сказал: "Делайте все, что полезно революции". И я всю жизнь следовал этому напутствию и делал всегда то, что считал полезным и нужным для Советской власти и партии. Легко представить себе, каким нелепым, диким и непонятным явился для меня мой арест. Ни в ходе предварительного следствия, которое длилось четыре года, ни во время суда, так же как и в настоящее время, я ни в чем себя виновным перед Советской Родиной и партией не признавал и не признаю. Меня приговорили к 12 годам тюрьмы, которые я провел во Владимирском центре. Я прошу Вас помочь мне, чтобы как можно скорее разобрались с моим делом о реабилитации и восстановлении в партии».

Однако в то время все попытки Эйтингона добиться справедливости оказались тщетными. Честное имя разведчика было восстановлено только в апреле 1992 года, через одиннадцать лет после его кончины.

Кто же он, легендарный Леонид, он же Наум Эйтингон, он же Леонид

Александрович Наумов, он же чекист Котов, вошедший в историю советских органов госбезопасности как их меч, карающий предателей и изменников? Каким был его жизненный путь? Что он успел совершить на этом пути? Обратимся к некоторым страницам биографии разведчика.

* * *

6 декабря 1899 года в белорусском городе Могилеве в семье Исаака Эйтингона родился первенец, которого родители назвали пространенным еврейским именем Наум. Детство мальчика прошло в небольшом уездном городке Могилевской губернии Шклове, где его отец работал конторщиком на местной бумажной фабрике.

Семья жила небогато, хотя родственники будущего чекиста по отцовской линии были приписаны к купеческому сословию. Наум впоследствии гордился одним из своих предков, который в год наполеоновского нашествия на Россию повторил подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина, заведя отряд французских солдат в непроходимые болота, где многие из них погибли. Озверевшие французские солдаты повесили мужественного патриота. В семье Эйтингонов помнили подвиг своего пращура и часто рассказывали о нем.

В 1912 году, когда Науму еще не исполнилось и тринадцати лет, умер отец. Из захолустного Шклова семья переехала в губернский центр Могилев. Кроме самого Наума на попечении вдовы осталось еще трое детей — две дочери и сын, которых ей одной было не под силу прокормить. Некоторое время семью содержал дед Наума — частный поверенный. Но вскоре и он умер. Детство будущего разведчика закончилось. Как старший в семье он стал зарабатывать на жизнь частными уроками, репетиторством и перепиской всякого рода бумаг. Заработок был небольшим, и такая работа не сулила никаких перспектив на будущее. На семейном совете было решено отправить Наума в Могилевское коммерческое училище. В училище Наум стал заниматься в литературном кружке, где впервые познакомился с революционной литературой.

Февральский переворот, отменивший черту оседлости для евреев, 17-летний Наум встретил в Могилеве. Он уходит из 7-го класса коммерческого училища и начинает работать инструктором отдела статистики. В мае 1917 года Эйтингон вступает в партию эсеров, пользовавшуюся в то время широкой популярностью среди еврейской молодежи. Однако уже в августе того же года он разочаровался в практической деятельности верхушки

партии социалистов-революционеров, которая стремилась в первую очередь к министерским портфелям и большим окладам и мало прислушивалась к народным нуждам, откладывая на потом решение жизненно важных вопросов революции. Среди них — вопросы о мире и земле.

Наум Эйтингон с восторгом встретил Октябрьскую революцию, провозгласившую мир народам и отдавшую землю крестьянам. Поскольку старая городская управа была распущена революционными властями, Наум переходит на работу в пенсионный отдел городского совета, где занимается оформлением пенсий и пособий семьям убитых на войне.

В марте 1918 года, после срыва Троцким Брестского мира, германские интервенты перешли в наступление по всему Восточному фронту, и вскоре Могилев был оккупирован войсками кайзера Вильгельма II. Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов был разогнан интервентами, и Эйтингон устроился рабочим на бетонный завод.

В ноябре 1918 года в Германии победила революция. Кайзер Вильгельм II был свергнут и бежал в Голландию. Германские оккупационные войска в полном походном порядке, как и положено немцам, покинули Белоруссию. В Могилев вступили войска Красной Армии и восстановили советскую власть. Наум вновь поступает на работу в Могилевский городской совет и занимается реализацией продразверстки. Он много ездит по губернии, участвует в подавлении кулацких мятежей. Вскоре его переводят на работу в Губпродукт, где Наум отвечает за решение вопросов, связанных с кооперацией производителей.

В апреле 1919 года Наум Эйтингон был направлен в Москву для учебы на курсах при Всероссийском совете рабочей кооперации. Его преподавателями были такие видные большевики, как Виктор Ногин, Иван Скворцов-Степанов и многие другие.

В сентябре 1919 года Наум возвращается в родные края. Правда, на сей раз в губернский город Гомель, где принимает участие в подавлении антисоветского мятежа, который возглавил бывший царский офицер Стрекопытов.

Пребывание Эйтингона в Гомеле и его участие в борьбе с мятежниками совпало по времени с приближением к городу войск белогвардейцев и польского генерала Галлера. В октябре 1919 года Наум вступает в партию большевиков и становится бойцом партийного отряда. Для Эйтингона это означало, что в случае захвата города армией Деникина он был бы повешен белогвардейцами. В конце 1919 года, когда красногвардейские отряды отразили наступление польских интервентов, Эйтингон снова вернулся на

работу в качестве инструктора по кооперации. Одновременно являлся инструктором по профсоюзной работе в губернии и занимался созданием профсоюзных организаций.

В мае 1920 года Наум Эйтингон по путевке Гомельского губкома партии становится уполномоченным Особого отдела Гомельского укрепрайона. Таким образом, со службы в военной контрразведке началась служба Эйтингона в органах государственной безопасности, которая продолжалась вплоть до его ареста по делу Берии в 1953 году.

Особый отдел ВЧК был образован в январе 1919 года под руководством видного революционера Михаила Кедрова. Подчиненные ему особые отделы создавались при всех фронтах, армиях, дивизиях, а также в губернских ЧК. Они занимались выявлением вражеской агентуры в Красной Армии, в ее штабах, на фронтах и в тылу, борьбой с саботажем и диверсиями на железных дорогах, в продовольственных и других организациях, имевших отношение к обороне республики. Поскольку в годы Гражданской войны советское правительство привлекло на службу в Красную Армию до сорока тысяч бывших царских генералов и офицеров, среди которых оказалось немало белогвардейских агентов, сотрудники особых отделов выявляли их, тайно внедряясь в штабы Красной Армии и вербуя осведомителей в армейских частях. Об их принадлежности к особым отделам знал ограниченный круг лиц. Особисты вели также разведку за линией фронта и в ближайшем тылу, внедрялись в белогвардейские организации и в штабы армий интервентов, так как в тот период в ВЧК еще не было Иностранного отдела. Особисты входили в состав военных трибуналов РККА, рассматривавших дела об измене и вредительстве, а также «в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности Республики».

О том, какое значение приобрели особые отделы в годы Гражданской войны, свидетельствует тот факт, что 18 августа 1919 года решением ЦК РКП (б) начальником Особого отдела ВЧК был назначен Ф.Э. Дзержинский, одновременно являвшийся председателем ВЧК. В июле 1920 года на этом посту его сменил будущий председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский. Заслуги Особого отдела ВЧК в борьбе с военным шпионажем и вредительством были отмечены приказом Реввоенсовета республики от 20 декабря 1922 года, наградившим его орденом Красного Знамени.

Особый отдел Гомельской ЧК работал в прифронтовых условиях. Основной его задачей была борьба с бандитизмом, а также с польским шпионажем. В мае 1921 года гомельские чекисты, внедрив своего агента, раскрыли в этом городе штаб так называемого «Западного областного

комитета», который структурно входил в «Народный союз защиты Родины и свободы». Руководил им бывший эсеровский боевик, организовавший убийство великого князя Владимира Александровича, бывший товарищ (заместитель) военного министра Временного правительства России Борис Савинков. Именно по его указанию в июле 1918 года в Ярославле был поднят кровавый мятеж. После подавления мятежа Савинков перешел на службу польской, французской и английской разведок.

С этим террористом, казалось бы, все ясно. Однако сегодня в независимой российской прессе появляются публикации о том, что Борис Савинков был чуть ли не святым, идейным борцом против большевиком. Некоторые авторы вообще ставят под сомнение его связь с иностранными спецслужбами.

Но вот выдержки из подлинного документа французской военной разведки, знаменитого Второго бюро,—письма, подписанного самим Борисом Савинковым и направленного им французскому военному министру Луи Барту. Письмо датировано 11 марта 1921 года. К этому времени части Красной Армии приступили к окончательному подавлению Кронштадского мятежа, спровоцированного разведслужбами Англии и Франции (впервые публикуется в переводе, с сокращениями).

«События, имевшие место в Петрограде, в Кронштадте и в Москве, со всей очевидностью показывают, что недалек час падения советской власти в России.

По имеющимся у меня сведениям, всеобщее восстание крестьянских масс неизбежно в России весной этого года. Именно над подготовкой этого восстания и над координацией предстоящих в благоприятный момент операций всех активных антибольшевистских сил работает Политический комитет (по эвакуации) России в Польше...

Специалисты, назначенные Политическим комитетом и правительством Национальной Украинской Республики, в настоящее время по приказу атамана Петлюры и моему приказу вырабатывают план операций на Севере России, в Белоруссии и на Украине, а также планы мобилизации частей бывших русской и украинской армий, интернированных на территории Польской Республики (при условии, что польское правительство не будет этому препятствовать).

Я надеюсь, что одновременно вспыхнут восстания в Петроградской, Псковской и Новгородской губерниях, в Смоленске, Гомеле, Минске и на Украине, а также, может быть, и в казачьих республиках...

Успех подготавливаемого восстания крестьянских масс будет означать не только падение коммунистической власти в России, но также создание

демократического правительства, отношение которого к Франции и Польше будет глубоко дружеским...

Беря на себя смелость привлечь Ваше внимание к вышеизложенному, хочу надеяться, что недалек час падения коммунистической тирании и что Франция, во имя прочного мира, интересов своего союзника России и дорогой ей Польши и в своих собственных интересах, не оставит без своей поддержки Русский эвакуационный комитет и сыграет — я в этом не сомневаюсь — важную роль в близящихся революционных событиях».

К счастью, это письмо за номером 1287 не имело последствий для Советской России. Министр Луи Барту не наложил на него никакой резолюции, и призыв террориста Савинкова поддержать его военные авантюры в России остался без ответа: французы боялись, что «революционная зараза» захлестнет французские экспедиционные войска на севере России, как это ранее уже имело место на юге, в частности в Одессе, в 1920 году.

Однако сам Савинков и его головорезы, активно поддерживаемые Польшей, представляли серьезную угрозу. Из Польши на советскую территорию постоянно забрасывались вооруженные отряды, состоявшие из остатков интернированных армий Булак-Балаховича, Перемыкина и Петлюры. Переброску вооруженных банд через советско-польскую границу осуществляла польская разведслужба — знаменитая «двуйка», а также польская жандармерия.

В письме на имя военного министра Франции Луи Барту Савинков предсказывал, что всеобщее выступление крестьян против советской власти состоится весной 1921 года. Однако это пророчество не сбылось. Савинковцы планировали вторжение собственных банд на территорию Советской России на август того же года. Савинковский «Народный союз защиты Родины и свободы» разделил территорию России на три полосы. Гомель в его планах входил в южную полосу вместе с Минском и Орлом. Именно туда проникали банды савинковцев. Они уничтожали пограничные заставы, убивали партийных, профсоюзных и хозяйственных руководителей, захватывали поезда. Так, в городе Демянске Новгородской губернии, занятом бандой полковника Павловского, были убиты 192 человека.

Будучи сотрудником Гомельской губернской ЧК, Наум Эйтингон принимал участие в операции «Крот», в результате которой были арестованы около ста членов «Западного областного комитета» савинковского «Народного союза защиты Родины и свободы». Заговор возглавлял губернский военный комиссар. О важности проведенной

чекистами операции свидетельствует тот факт, что для ее реализации из Москвы в Гомель были направлены ответственные сотрудники Особого отдела ВЧК Сергей Пузицкий и Игнатий Сосновский.

В мае 1921 года Наум Эйтингон принимал активное участие в выявлении и аресте в Минске уполномоченного «Народного союза защиты Родины и свободы» Эдуарда Опперпута-Стауница. В том же 1921 году молодому чекисту не раз приходилось выезжать с оперативными группами на ликвидацию вооруженных банд террориста Савинкова. В ходе одной из таких операций в октябре 1921 года в местечке Давыдовка Гомельской губернии Наум Эйтингон был тяжело ранен в левую ногу.

Из госпиталя Наум Эйтингон вышел только в марте 1922 года. Он сразу был назначен членом коллегии Башкирского отдела ГПУ и вскоре выехал в Стерлитамак, являвшийся в то время столицей автономной республики.

Положение в республике было непростым. Башкирское население было недовольно тем, что в годы столыпинской аграрной реформы переселенцы из Центральной России получили лучшие земельные наделы. Этим обстоятельством воспользовались башкирские националисты, которые выдвинули лозунг: «Всю землю Башкирии—только башкирам». Таким требованием, в свою очередь, были недовольны татары, являющиеся более развитыми в экономическом отношении.

Лидером башкирских националистов стал 27-летний сын сельского муллы, получивший хорошее образование, Ахмет-Заки Валидов. В марте 1919 года была создана Башкирская автономная республика в составе РСФСР, столицей которой до июня 1922 года был город Стерлитамак. Валидов возглавил Башкирский ревком и вскоре вступил в РКП (б). Именно при нем начались гонения на лиц татарской и русской национальностей. Ситуация осложнилась еще и тем, что в 1920 году в Белебеевском, Бирском и Мензелинском уездах Башкирии вспыхнуло крестьянское восстание, получившее название «Черный орел» и проходившее под оригинальным лозунгом: «Долой коммунистов, да здравствуют большевики и свободная торговля».

В декабре 1921 года председателем Башкирской ЧК был назначен видный чекист Николай Волленберг. Не все гладко шло в Башкирии и с созданием местного государственного аппарата, регулярно возникали разногласия на почве межнациональных отношений. В короткий срок Волленбергу и присланным ему в помощь чекистам, среди которых был Наум Эйтингон, удалось нормализовать обстановку в республике и создать необходимые условия для ее развития.

Приходилось чекистам бороться и с бандитизмом, который в годы Гражданской войны в России расцвел махровым цветом по всем городам и весям обширного государства. В Башкирии также активно действовал филиал американской организации по оказанию помощи голодающим Поволжья «АРА», служившей «крышей» для американских разведчиков.

Напомним читателям, что «АРА», или «Американская администрация помощи», была создана в США после Первой мировой войны с целью «оказания продовольственной и иной помощи народам Европы, пострадавшим от войны». Возглавлял ее министр торговли Герберт Гувер. Кадровый аппарат «АРА» в Советской России был полностью укомплектован американскими сотрудниками, которых насчитывалось более трехсот человек. Многие из них были кадровыми разведчиками. Директором «АРА» в России был полковник Хаскель, а его секретарем — разведчик Джон А. Лерс, являвшийся в прошлом консулом США в Петрограде. Установленными американскими разведчиками были также помощник директора «АРА» Мэтьюз Филипп, представлявший эту организацию на юго-востоке России, а также уполномоченные «АРА» в Казани Бойд, на Украине — полковник Гров, в Белоруссии — армейский разведчик Харди, в Одессе — полковник Хайнес. В Башкирии эту организацию представлял Крейг, также являвшийся кадровым американским разведчиком.

В Башкирии Наум Эйтингон служил до мая 1923 года. Затем он был отозван в Москву и получил назначение на работу в Восточный отдел Секретно-оперативного управления ГПУ. Это подразделение являлось самостоятельной структурной единицей в составе ГПУ и занималось вопросами борьбы с контрреволюцией на Востоке. Решение о создании Восточного отдела было принято постановлением Политбюро ЦК РКП (б) в 1919 году по предложению Ф.Э. Дзержинского. 2 июня 1922 года Восточный отдел был подчинен Секретно-оперативному управлению ПТУ и его возглавил Владимир Стырне. Отдел был призван объединить работу чекистов на Кавказе, в Туркестане, Башкирии, Татарии и в Крыму, а также в Хивинской и Бухарской народных советских республиках в сфере «специфической восточной контрреволюции и шпионажа». Вскоре начальником Восточного отдела стал член коллегии ОГПУ Яков Христофорович Петере.

Наум Эйтингон, которому не исполнилось еще и 24 лет, был назначен на должность помощника начальника отделения Восточного отдела. Но поскольку образования у него явно не хватало, руководством отдела было принято решение направить его на учебу на Восточный факультет Военной

академии РККА, которую в то время возглавлял бывший генерал-майор царской армии Павел Лебедев. В апреле 1924 года его сменил Михаил Васильевич Фрунзе, являвшийся до того времени председателем Реввоенсовета СССР. Позже академия стала носить его имя. Начальником Восточного факультета в те годы был бывший морской офицер Борис Иванович Доливо-Добровольский, выдающийся лингвист. На Восточном факультете будущие разведчики изучали военные и общеобразовательные дисциплины, а также овладевали иностранными языками.

В 1925 году, после двухлетнего обучения в академии РККА, Наум Эйтингон был переведен в Иностранный отдел ОГПУ и вскоре получил назначение на пост заместителя руководителя резидентуры ИНО ОГПУ в Шанхае.

В Китае, раздираемом гражданской войной, после победы демократической революции в 1911 году правительство Сунь Ятсена контролировало только несколько южных провинций. Остальная часть территории была поделена между генералами-милитаристами, которые не подчинялись центральному правительству в Кантоне. В 1923 году было подписано советско-китайское соглашение о дружбе и сотрудничестве. В Кантон была направлена группа советских военных советников (135 человек) во главе со старым большевиком Михаилом Бородиным (Грузенбергом). Советский Союз поставлял оружие для армии центрального правительства Чан Кайши, возглавившего его после смерти Сунь Ятсена. На территории Китая нашли убежище многочисленные белогвардейские банды. В стране активно действовали японские спецслужбы. Именно они должны были стать главными объектами агентурного проникновения советской разведки в Китае.

В конце 1925 года Наум Эйтингон прибыл в Шанхай. В резидентуре он находился под прикрытием должности вице-консула.

Еще в дореволюционные времена европейским странам удалось навязать Китаю режим капитуляций, и в экономической столице Китая была обширная иностранная колония, насчитывавшая до миллиона человек. Иностранцы, главным образом англичане, американцы, французы, проживали в отдельных кварталах, называемых сеттльментами. Эти районы пользовались правом экстерриториальности и на них не распространялась юрисдикция китайских властей. Китайская полиция не могла, например, производить в них обыски и аресты.

В Шанхай Наум Эйтингон прибыл с паспортом на имя Леонида Александровича Наумова. Резидентом ИНО ОГПУ в этом городе был Яков Григорьевич Минскер.

Наша справка

Яков Григорьевич Минскер родился 19 декабря 1891 года в Киеве в семье портного. В 1903 году поступил в Киевское художественное училище, из которого в 1906 году был отчислен за участие в забастовке учащихся.

В 1911 году вступил в партию эсеров. 26 октября 1912 года был арестован. В ноябре 1913 года по 102-й статье «Уложения о наказаниях» был приговорен к ссылке на поселение в Иркутскую губернию.

После Февральской революции 1917 года Яков Минскер был избран в Иркутский Совет солдатских и рабочих депутатов. В апреле того же года вернулся в Киев, работал в эсеровском издательском товариществе.

В ноябре 1917 года Минскер вновь выехал в Иркутск, где принял участие в подавлении юнкерского мятежа. За сотрудничество с советской властью был исключен из партии эсеров. На 2-м съезде Советов Сибири избран в ЦИК Советов Сибири (Центросибирь), заведовал информационным отделом. Позже стал членом президиума ЦИК.

После поражения советской власти в Сибири Минскер ушел в подполье. Был избран в подпольный ревком. В декабре 1918 года вступил в РКП (б). 22 января 1919 года был арестован колчаковской контрразведкой и до 31 января 1920 года содержался во владивостокской тюрьме.

После освобождения Минскер находился на партийной работе, руководил профсоюзами в Харбине, являлся одним из организаторов всеобщей забастовки служащих КВЖД.

В период борьбы с каппелевцами Минскер — уполномоченный Военного совета Амурского фронта в Северной Маньчжурии. С октября 1920 года — уполномоченный (резидент) Разведупра Штаба РККА в Северной Маньчжурии.

С февраля 1922 года Яков Минскер — сотрудник ИНО ГПУ. В 1922—1924 годах находился на разведывательной работе в Персии. В ноябре 1925 года назначен резидентом ИНО ОГПУ в Шанхае. В декабре 1926 года переведен на должность резидента ИНО ОГПУ в Турции.

В 1929 году Я.Г. Минскер был отозван в Москву и работал в центральном аппарате внешней разведки, занимая должность начальника отделения Дальнего Востока ИНО ОГПУ. Скончался 24 сентября 1934 года.

* * *

Работа резидентуры в Шанхае осуществлялась в сложных условиях. В марте 1927 года плавный советский военный советник Михаил Бородин, следуя пожеланиям компартии Китая и указаниям Коминтерна, предпринял неудачную попытку сместить Чан Кайши с поста главнокомандующего китайской армии. Руководство КПК стало формировать отряды Красной гвардии в пролетарской столице Китая — Шанхае с целью организации вооруженного восстания, провозглашения революционного правительства и создания китайской Красной армии. В ответ Чан Кайши предпринял наступление на Шанхай, который под ударами его войск пал 12 апреля 1927 года. Восстание китайских коммунистов было подавлено, 25 руководителей компартии Китая были казнены. Но в это время Наум Эйтингон уже работал резидентом ИНО ОГПУ в Пекине.

В апреле 1927 года по указанию Чан Кайши китайская полиция совершила налет на советское генеральное консульство в Пекине. В результате было изъято большое количество документов, в том числе шифры, списки агентуры и материалы о поставках советского оружия компартии Китая, а также инструкции китайским коммунистам по оказанию помощи советским разведчикам в их работе.

После событий в Пекине Наум Эйтингон был назначен резидентом ОГПУ в Харбине, сменив на этом посту большого специалиста в области разведки Федора Карина. Для молодого разведчика это, безусловно, было повышением по службе, поскольку в Маньчжурии, столицей которой был Харбин, постоянно проживало большое количество — до ста тысяч — выходцев из России. Здесь нашли убежище многочисленные белогвардейские банды, в том числе отряды атамана Семенова.

В то же время харбинская резидентура активно действовала не только по белогвардейской эмиграции. Весьма эффективной была ее работа против японских спецслужб, готовивших оккупацию Маньчжурии императорскими войсками. Возглавляемым Федором Каринным разведчикам удалось также приобрести японские шифры.

Наша справка

5 мая 1921 года постановлением Малого Совнаркома РСФСР при ВЧК была создана криптографическая служба, которую возглавил член Коллегии ВЧК Глеб Бокий — Специальный криптографический отдел (СПЕКО) ВЧК по руководству шифровальным делом в стране и контролю за деятельностью шифровальных органов РСФСР. В постановлении, в

частности, говорилось:

«Имея в виду: 1) отсутствие в Республике центра, объединяющего и направляющего деятельность шифровальных органов различных ведомств, и связанные с этим бессистемность и случайность в постановке шифровального дела; 2) возможность, благодаря этому, при существующем положении широкого осведомления врагов Рабоче-Крестьянского государства о тайнах Республики, Совет Народных Комиссаров постановил:

I

Образовать при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Специальный отдел, штаты в коем утверждаются Председателем ВЧК. Начальник Специального отдела назначается Совнаркомом.

В круг ведения Специального отдела при ВЧК включить:

1. Постановка шифровального дела в РСФСР:

А. Научная разработка вопросов шифровального дела:

а) анализ всех существующих и существовавших русских и иностранных шифров;

б) создание новых систем шифров;

в) составление описаний шифров и инструкций по шифровальному делу и пользованию шифрами;

г) собирание архивов и литературы по шифровальному делу для сконцентрирования такового при Спецотделе;

д) составление и издание руководств по вопросам шифрования.

Б. Обследование и выработка систем шифров...

II

Постановка расшифрованного дела в РСФСР:

1. Изыскание способов повсеместного улавливания всех радио, телеграмм и писем неприятельских и контрреволюционных;

2. Открытие ключей неприятельских, иностранных и контрреволюционных шифров;

3. Расшифровка всех радио, телеграмм и писем неприятельских, иностранных и контрреволюционных.

Все распоряжения и циркуляры Специального отдела при ВЧК по всем

вопросам шифровального и расшифровального дела являются обязательными к исполнению всеми ведомствами РСФСР».

Как мы видим, на Специальный отдел были возложены задачи по ведению радиоразведки и противодействию радиоразведкам ведущих капиталистических стран. 25 августа того же года Ф.Э. Дзержинский подписал приказ по ВЧК, в соответствии с которым всем подразделениям внешней разведки и контрразведки предписывалось направлять полученные шифры в Специальный отдел.

К началу 1930-х годов Специальный отдел стал одним из крупнейших технически оснащенных органов радиоразведки в мире. Его дешифровальная секция была организована по географическому принципу, и работала она весьма успешно. Дешифровкой японских шифров и кодов в японском отделении занимался профессор Шунгский, признанный авторитет в области японистики.

В связи с тем, что харбинской резидентуре удалось получить свыше 20 японских шифров, в Харбин была направлена специальная оперативная группа дешифровальщиков, которой ежемесячно удавалось расшифровывать до 200 японских шифртелеграмм. Кроме того, харбинская резидентура ОГПУ получила доступ к дипломатическим вализам генконсульства Японии в Маньчжурии, осуществляла перлюстрацию его почты и была в курсе планов Токио в отношении Китая и нашей страны.

Резидент ОГПУ в Харбине Карин в отчете о работе резидентуры, направленном на имя начальника ИНО Трилиссера, в частности, писал:

«Резидентура ИНО ОГПУ в Северной Маньчжурии с центром в Харбине... ведет регулярную и систематическую работу по перлюстрации дипломатических и иных секретных почт целого ряда японских учреждений. Японский Генеральный штаб, военные японские миссии в Китае, японские армии в Квантунской области (Порт-Артур), Корею (Сеул), Китае (Тяньцзинь) и другие вошли в сферу действия нашей разведки».

Харбинская резидентура, возглавляемая Кариным, привлекла к сотрудничеству с советской разведкой русского эмигранта Иванова-Перекреста. Он имел обширные связи среди японских военнослужащих, сотрудников жандармерии, китайцев, служивших в японских учреждениях. Именно через него сотрудник резидентуры Василий Пудин получил в 1927 году совершенно секретный документ—«меморандум Танаки», в котором излагались планы завоевания Японией Маньчжурии, Китая, советского Приморья и Дальнего Востока. Как отмечается в официальных документах Службы внешней разведки России, «получение "меморандума Танаки" явилось крупнейшим достижением в работе советской внешней разведки».

против милитаристских устремлений Японии в период 1920-х — начала 1930-х годов».

В «меморандуме Танаки» впервые открывались истинные планы Японии по завоеванию мира. Обозначались этапы осуществления этой задачи: сначала подчинение Маньчжурии и Монголии, затем Китая. После овладения ресурсами Китая Япония должна была перейти к завоеванию Индии, стран бассейна Тихого океана, Малой и Центральной Азии и, наконец, Европы. Одновременно в качестве «программы национального развития Японии» в меморандуме выдвигалась «необходимость вновь скрестить мечи с Россией».

Премьер-министр и министр иностранных дел Японии генерал Танака, в частности, писал: «Японо-советская война, принимая во внимание состояние вооруженных сил СССР и его отношения с иностранными государствами, должна быть проведена нами как можно скорее. Я считаю необходимым, чтобы императорское правительство повело политику с расчетом как можно скорее начать войну с СССР.. Япония должна завоевать мир, а для этого она должна завоевать Европу и Азию, и в первую очередь — Китай и СССР».

В 1929 году руководство советской внешней разведки приняло решение опубликовать «меморандум Танаки» через свои возможности в китайском журнале «Чайна критик». Вскоре текст документа был перепечатан в американских средствах массовой информации. Его публикация вызвала грандиозный международный скандал. Япония выступила с опровержениями, однако ей никто не поверил. После разгрома милитаристской Японии в 1945 году «меморандум Танаки» фигурировал в качестве официального документа на Токийском трибунале, осудившем японских военных преступников.

Прибыв в Харбин, Наум Эйтингон сразу же активно включился в работу. Помимо Иванова-Перекреста он принял на связь еще ряд ценных источников, одним из которых был бывший офицер Амурской флотилии Вячеслав Пентковский, с 1924 года работавший вместе с женой на советскую разведку. Свободно владея китайским языком, Пентковский получил китайское гражданство и поступил на службу в харбинский суд, где имел доступ к важной разведывательной информации. На связи у Эйтингона был также источник «Осипов», завербованный в 1928 году и являвшийся сотрудником политического отдела местной жандармерии. В 1929 году резидентура через «Осипова» довела до японцев документы, из которых следовало, что двадцать их активных агентов из числа русских военных эмигрантов якобы подали заявление о восстановлении их в

советском гражданстве. В результате этой дезинформационной акции все они были ликвидированы японцами.

В 1927 году харбинской резидентурой под руководством Эйтингона был завербован бывший офицер-капеллевец и полковник китайской армии, член террористической белогвардейской организации «Братство русской правды», который получил оперативный псевдоним «Браун». От него на постоянной основе поступала информация о положении в белогвардейских эмигрантских организациях, а также о попытках японцев сформировать при помощи атамана Семенова казачьи части, которые они намеревались использовать в будущей войне Японии против СССР.

В 1928 году Наум Эйтингон получил секретную информацию о переговорах мукденского милитариста Чжан Сюэяна с японцами о создании в Северо-Восточном Китае независимой Маньчжурской республики под протекторатом Японии, которая должна была включать в себя как саму Маньчжурию, так и Внутреннюю и Внешнюю Монголию.

Между тем активность резидентуры ОГПУ в Харбине не осталась незамеченной местными властями. 27 мая 1929 года был произведен налет на советское генеральное консульство. Наум Эйтингон был отозван в Москву.

В результате провокаций китайских властей советское правительство 17 июля 1929 года заявило о разрыве дипломатических отношений с Китаем. В результате все «легальные» резидентуры ОГПУ в Китае временно прекратили свою работу. Разведка с территории Китая стала вестись с нелегальных позиций.

Что же касается Наума Эйттингона, то он не задержался в Центре и практически сразу был направлен в Стамбул, где сменил на посту резидента ОГПУ своего старого знакомого Якова Минскера. В этом крупнейшем турецком городе Эйтингон находился под прикрытием должности атташе советского генерального консульства и с паспортом на имя Леонида Наумова.

Во времена правления Кемаля Ататюрка советская разведка не работала против турецких организаций и учреждений. Более того, между спецслужбами обеих стран даже было налажено некоторое сотрудничество. Резидентура ОГПУ в Стамбуле занималась разработкой дипломатических представительств Японии, Франции и Австрии. Ей удалось получить доступ к секретам этих представительств, в частности, читать переписку французского военного атташе. Резидентура получала также информацию о деятельности в стране различных групп антисоветской эмиграции— украинской, азербайджанской, северокавказской. Связь с Центром

поддерживалась через курьеров, которые прибывали в Турцию на пароходе «Ильич», совершавшем регулярные рейсы между Одессой и Стамбулом. Именно на этом пароходе в 1929 году был выслан из СССР Лев Троцкий, обосновавшийся первоначально на Принцевых островах в Мраморном море. В дальнейшем, в 1940 году, пути Наума Эйтингона и Льва Троцкого пересеклись.

Поскольку условия ведения разведывательной работы с позиций Стамбула были исключительно благоприятными, в середине 1928 года Центр принял решение организовать здесь нелегальную резидентуру по Ближнему Востоку во главе со знаменитым чекистом Яковом Блюмкиным.

Наша справка

Яков Григорьевич Блюмкин родился 27 февраля 1898 года в Одессе в бедной еврейской семье. Отец умер, когда Якову было всего шесть лет. В 1908 году, как это было принято в религиозных семьях, мать отдала Яшу в иудейскую религиозную школу—Первую одесскую талмуд-тору. Другой возможности дать сыну образование у нее не было. Проучившись в религиозной школе пять лет и не имея средств продолжить образование, Яков поступил учеником в электромеханическую контору Карла Франка.

В 1914 году Яков Блюмкин примкнул к партии социалистов-революционеров, участвовал в создании нелегального студенческого кружка. После февральского переворота был эсеровским агитатором в Одессе, Харькове, Поволжье. В январе 1918 года вступил добровольцем в матросский «Железный отряд» и вскоре стал его командиром, участвовал в боях с войсками украинской Центральной рады. В марте 1918 года отряд Блюмкина вливается в 3-ю Украинскую советскую армию, а сам он становится сначала ее комиссаром, а затем помощником начальника штаба.

В мае 1918 года Блюмкин откомандировывается в Москву в распоряжение партии левых эсеров, которая входила в состав первого советского правительства. Вскоре по соглашению с РКП (б) партия направляет его в ВЧК, где Блюмкину поручается организовать отделение для борьбы с международным шпионажем. В связи с установлением дипломатических отношений с Германией и открытием 23 мая 1918 года в Москве германского посольства Блюмкину поручается разработка его персонала. По подозрению в подрывной работе против Советской России Блюмкин арестовывает графа Роберта Мирбаха, брата посла. Левые эсеры, недовольные Брестским миром и установлением дипломатических

отношений с Германией, 4 июля 1918 года принимают решение убить германского посла Вильгельма Мирбаха, и это должно было послужить сигналом к восстанию в Москве.

Убийство посла было возложено на Якова Блюмкина. Он, используя свое служебное положение в ВЧК, изготовил фальшивое удостоверение о том, что ему поручаются переговоры с германским послом по делу, имеющему к нему непосредственное отношение. Подпись Дзержинского на удостоверении также была подделана, а настоящую печать ВЧК на документ поставил заместитель Дзержинского — левый эсер Ксенофонтов. 6 июля 1918 года Блюмкин и его сообщники явились в германское посольство и, предъявив удостоверение, потребовали личной аудиенции у посла под предлогом необходимости обсудить вопрос, связанный с арестом его брата. Мирбах согласился. В самом начале беседы Блюмкин и пришедший с ним фотограф ВЧК Андреев открыли стрельбу. Германский посол был убит, а его сотрудники ранены. Воспользовавшись возникшей суматохой, террористы выскочили через окно во двор посольства и скрылись на автомобиле.

В Москве началось восстание эсеров. Они арестовали Дзержинского, который вступил в переговоры с мятежниками. Через два дня эсеровский мятеж был подавлен. Блюмкин и Андреев бежали на Украину. 27 ноября 1918 года Верховный революционный трибунал рассмотрел дело левых эсеров. Блюмкин был заочно приговорен к тюремному заключению сроком на три года с применением принудительных работ. 16 мая 1919 года он явился в ВЧК с повинной и был амнистирован.

В 1920 году Блюмкин вступил в РКП (б) и был направлен на военную работу. Летом того же года он принимает участие в создании Гилянской советской республики в Северном Иране в качестве комиссара штаба Красной Армии. В сентябре 1920 года его направляют на учебу в Академию Генерального штаба. С 1922 года он работает в секретариате Реввоенсовета республики в качестве сотрудника по особым поручениям при Льве Троцком.

С 1923 года Блюмкин вновь работает в ГПУ, однако связей с Троцким не прерывает. Принимает участие в подготовке к изданию первого тома трехтомного труда Л.Д. Троцкого под названием «Как вооружалась революцию».

В 1924—1925 годах Блюмкин занимал должность помощника (второго заместителя) полномочного представителя ОГПУ в Закавказье, а в 1926—1927 годах работал главным инструктором Службы внутренней охраны (органы госбезопасности) Монголии. Близость к Троцкому и быстрый

карьерный рост вскружили голову Блюмкину, и он стал относиться к монгольским коллегам высокомерно и бестактно. В ноябре 1927 года по настоянию председателя ЦК Монгольской народно-революционной партии Дамбе-Дорджи он был отозван в Москву, где, несмотря на протекцию начальника ИНО ОГПУ Трилиссера, несколько месяцев оставался в резерве внешней разведки.

В 1928 году Трилиссер поручает Блюмкину ответственное задание — организовать нелегальную резидентуру на Ближнем Востоке. Он должен был обосноваться в Стамбуле, а затем создать разведывательную сеть в Палестине и Сирии.

В сентябре 1928 года Блюмкин с паспортом на имя персидского купца Якуба Султанова выезжает из Одессы в Стамбул, где открывает магазин персидских ковров и успешно легализуется. Из Стамбула он совершает поездки в Иерусалим, Вену, Париж. В марте 1929 года, находясь в Берлине, Блюмкин узнает о высылке из СССР в Турцию его кумира Льва Троцкого. Блюмкин принимает решение немедленно возвратиться в Стамбул, где 12 апреля встречается с сыном Троцкого Львом Седовым. 16 апреля он встречается с самим «демоном революции» и в ходе продолжительной беседы заявляет о том, что «полностью передает себя в его распоряжение».

Блюмкин подробно инструктирует Троцкого относительно того, как организовать его личную охрану. Через сына Троцкого он регулярно передает Льву Давидовичу секретные материалы и финансовые средства стамбульской нелегальной резидентуры ИНО ОГПУ. Вскоре «легальная» резидентура ИНО ОГПУ информирует Москву о регулярных контактах Блюмкина с изгнанником.

В начале октября 1929 года Блюмкин был отозван из страны. В Москве он попытался объединить всех сторонников Троцкого. 10 октября Блюмкин проинформировал видного троцкиста Карла Радека о своих встречах с Троцким в Стамбуле. Радек, находившийся в опале, немедленно сообщил об этой беседе Сталину. 12 октября Блюмкин рассказал сотруднице ИНО ОГПУ Лизе Горской (в дальнейшем видная советская разведчица-нелегал Елизавета Зарубина) о своих контактах с троцкистами. Лиза рекомендует Блюмкину немедленно доложить о своих встречах руководству внешней разведки. Блюмкин отказывается, и 14 октября 1929 года Лиза ставит в известность об этом помощника начальника Иностранного отдела Михаила Горба. Горб даст указание Горской прекратить все контакты с Блюмкиным.

15 октября Яков Блюмкин был арестован. Следствие по его делу вел заместитель начальника Секретно-политического отдела ОГПУ Яков Агранов, который впоследствии печально прославился участием в

необоснованных репрессиях против чекистов. На допросах Блюмкин ничего не скрывал, надеясь на снисхождение. Однако чистосердечное признание ему не помогло. 3 ноября 1929 года коллегия ОГПУ по указанию Сталина постановила расстрелять Блюмкина «за повторную измену делу пролетарской революции и советской власти и за измену революционной чекистской армии». Среди сотрудников внешней разведки он стал первой жертвой внесудебных расправ. Тем самым вождь дал понять чекистам, что впредь любое непослушание будет строго караться.

* * *

После отзыва в Москву и ареста Якова Блюмкина положение Наума Эйтингона как «легального» резидента ОГПУ в Стамбуле серьезным образом осложнилось. Требовалось срочно реорганизовать работу нелегальной резидентуры, которую ранее возглавлял Блюмкин. В октябре 1929 года на замену Блюмкину из Москвы был направлен бывший начальник Восточного сектора ИНО Георгий Агабеков. В Стамбул он прибыл под видом армянского купца и под руководством Эйтингона приступил к реорганизации агентурной сети. Через «легальную» резидентуру он поддерживал связь с Центром. В конце 1929 года Агабеков принял на связь агентуру в Греции в связи с арестом там нелегального резидента ОГПУ. Однако в июне 1930 года Агабеков бежал на Запад. Вскоре в Берлине он выпустил книгу под названием «ГПУ. Записки чекиста», в которой назвал Эйтингона резидентом советской внешней разведки. Это обстоятельство вынудило Центр отозвать разведчика в Москву, чтобы избежать различного рода провокаций.

В Москве Наум Эйтингон был назначен заместителем Якова Серебрянского, возглавлявшего Особую группу при председателе ОГПУ. Этот отдел, не подчинявшийся начальнику ИНО ОГПУ, был создан по инициативе председателя ОГПУ Рудольфа Менжинского в 1930 году с целью глубокого внедрения агентуры на объекты военно-стратегического значения и подготовки диверсионных операций в тылу противника на военный период. В начале 1930 года Наум Эйтингон вместе с Яковом Серебрянским выезжал в США для вербовки китайских и японских эмигрантов, которые могли бы пригодиться советской разведке в случае начала военных действий против Японии. В США Наум Эйтингон действовал параллельно с сотрудником нелегальной резидентуры Исхаком Ахмеровым. Он внедрил в одно из американских учреждений двух агентов,

выведенных из Польни на длительное оседание в США. Одним из завербованных Эйтингоном агентов был японский художник Потоку Мияги, который впоследствии вошел в знаменитую группу «Рамзай» Рихарда Зорге в Японии.

Однако несмотря на существенные положительные результаты Наум Эйтингон не сработался с Яковом Серебрянским и в 1931 году поставил перед руководством ОГПУ вопрос о своем переводе обратно в ИНО. Он был назначен руководителем 8-го отделения ИНО ОГПУ (научно-техническая разведка), сменив на этом посту своего будущего резидента в Испании Александра Орлова.

Что же произошло с Наумом Исааковичем Эйтингоном дальше? На должности начальника научно-технической разведки он проработал всего несколько месяцев. Уже в конце 1931 года Эйтингон был командирован во Францию, а затем в Бельгию, откуда возвратился лишь в 1933 году. В апреле 1933 года Наум Эйтингон назначается на должность начальника 1-го отделения ИНО, иными словами, становится руководителем нелегальной разведки ОГПУ.

К этому времени во внешней разведке произошли серьезные изменения. 1 августа 1931 года начальник Иностранного отдела Станислав Мессинг за открытое выступление против действий первого заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды, сфабриковавшего дело так называемой «Промпартии», а также явившегося инициатором операции «Весна», направленной против военных специалистов Красной Армии, был снят с работы и в дальнейшем репрессирован. Руководителем ИНО был назначен выдающийся чекист Артур Христианович Артузов, разработавший свыше 50 оперативных игр типа «Трест» и «Синдикат», возглавлявший до этого Контрразведывательный отдел ОГПУ. Это был сильный и грамотный оперативник, блестящий организатор. Он принял решение укрепить кадры внешней разведки и расширить ее штат. Предвидя неизбежность прихода Гитлера к власти в Германии и, следовательно, неизбежность новой мировой войны, Артур Артузов еще в ноябре 1932 года отдал распоряжение об усилении нелегальной работы и о подготовке «легальных» резидентур к переходу на нелегальные формы работы в «особый период». По предложению Артура Артузова Наум Эйтингон, которому исполнилось всего 33 года, был назначен руководителем нелегальной разведки.

Именно в это время состоялось знакомство Эйтингона с Павлом Судоплатовым, который позже стал его непосредственным начальником и товарищем. В своих мемуарах «Разведка и Кремль», опубликованных во

второй половине 1990-х годов, Павел Анатольевич следующим образом охарактеризовал своего коллегу:

«Красивое лицо Эйтингона и его живые карие глаза так и светились умом. Взгляд пронзительный, волосы густые и черные, как смоль, шрам на подбородке, оставшийся после автомобильной аварии (большинство людей принимало его за след боевого ранения), — все это придавало ему вид бывалого человека. Он буквально очаровывал людей, наизусть цитируя стихи Пушкина, но главным его оружием были ирония и юмор. Пил он мало — рюмки коньяку хватало ему на целый вечер. Я сразу же обратил внимание на то, что этот человек нисколько не похож на высокопоставленного спесивого бюрократа. Полное отсутствие интереса к деньгам и комфорту в быту у Эйтингона было просто поразительным. У него никогда не было никаких сбережений, и даже скромная обстановка в квартире была казенной. <.. .> Эйтингон был по-настоящему одаренной личностью и, не стань он разведчиком, наверняка преуспел бы на государственной службе или сделал бы научную карьеру».

Однако и нелегальную разведку органов госбезопасности Эйтингон возглавлял недолго. Уже в конце 1933 года он надолго выезжает в командировки в США, Китай, Иран и Германию. Основные задачи, которые были поставлены Артузовым перед Эйтингоном в этих странах, заключались в организации работы по совершенствованию деятельности нелегальных резидентур и созданию условий для перевода «легальных» резидентур на нелегальные методы работы в «особый период». С поставленными задачами Наум Эйтингон справился успешно, о чем свидетельствует присвоение ему в начале 1936 года звания майора госбезопасности, что соответствовало армейскому званию полковника.

В 1936 году в Испании вспыхнул мятеж франкистов против демократически избранного правительства Народного фронта. Мятежников активно поддерживали нацистская Германия и фашистская Италия, оказывавшие им всестороннюю военную помощь, в том числе людскими ресурсами. Советское правительство, первоначально придерживавшееся принципа невмешательства во внутренние дела Испании, после открытого выступления Германии и Италии на стороне франкистов приняло решение об оказании помощи республиканскому правительству и о направлении туда советских военных советников.

Резидентуру НКВД в Испании возглавил Александр Орлов, который прибыл в Мадрид 16 сентября 1936 года. Его заместителем был назначен Наум Эйтингон, использовавший в оперативной переписке псевдонимы «Котов» и «Пьер». В качестве основной перед ним была поставлена задача

по организации партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу франкистов. Однако Эйтингону пришлось принимать участие практически во всей оперативной деятельности резидентуры.

Помимо Наума Эйтингона в Испании работали такие видные чекисты-разведчики, как бывший резидент в Берлине Наум Белкин, Григорий Сыроежкин, бывший парижский резидент Лев Василевский и многие другие. В Испанию также неоднократно выезжал первый заместитель начальника внешней разведки Сергей Шпигельглас. Представители НКВД при испанском правительстве принимали участие в реорганизации испанской контрразведки (СИМ), которая формально подчинялась военному министерству, но на самом деле контролировалась ими. К концу 1937 года советские советники помогли испанскому республиканскому правительству создать Службу периферийной разведки (СИЕП), армейскую контрразведку (СЕ), закордонную разведку (СИЕЕ). Испанские спецслужбы под руководством Орлова и Эйтингона вели тайную войну против германских, итальянских, французских и британских спецслужб. В декабре года по их наводке были арестованы агенты резидентуры военной разведки Франции — знаменитого 2-го бюро Генштаба. В июне года испанская контрразведка обезвредила агентов британской Интеллидженс сервис индийцев Эриу Эдуарда Дута и Кинга, которые собирали информацию о республиканской армии.

Советские чекисты организовали надежную охрану лидеров компартии Испании во главе с Долорес Ибаррури, на которых франкисты готовили покушение. Они наладили работу испанской разведки за границей, в том числе по получению сведений о вербовке и отправке в страну штурмовых отрядов СА. С территории Испании сотрудники резидентуры вели также разведку Испанского Марокко, Гибралтара и Франции.

В 1938 году резидент НКВД в Испании Александр Орлов совершил побег в США, опасаясь за свою безопасность. Новым резидентом был назначен Наум Эйтингон. Работать ему пришлось в сложных условиях. С конца 1938 года взаимодействие советской разведки с испанскими спецслужбами пошло на убыль. В начале 1939 года резидентура НКВД переместилась в Барселону, являвшуюся в то время прифронтовым городом. Несмотря на это, Эйтингону удалось завербовать испанских троцкистов братьев Руан, нескольких бывших анархистов, а также Рамона Меркадера, вместе с которым он впоследствии осуществил операцию «Утка» по ликвидации Льва Троцкого.

В феврале 1939 года Эйтингон осуществил отправку республиканского

руководства и лидеров испанской компартии во Францию, а также советской колонии на родину.

За работу в Испании Наум Эйтингон в ноябре 1937 года был награжден вторым орденом Красного Знамени. Под именем генерала Котова он упоминается в широко известных мемуарах Ильи Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь».

Весной 1939 года Эйтингон возвратился в Москву. К тому времени в результате необоснованных репрессий из 450 сотрудников внешней разведки (включая заграничный аппарат) было расстреляно или отправлено в лагерь 275 человек, или 61 процент от всего личного состава. Со многими ценными зарубежными агентами была прервана связь, восстановить которую удавалось далеко не всегда. В 1938 году, когда в результате мюнхенского сговора Англия и Франция отдали Гитлеру на растерзание Чехословакию, в течение 127 дней из внешней разведки руководству страны не поступило ни одной информации — ее просто некому было обработать и подписать.

25 ноября 1938 года наркомом внутренних дел СССР был назначен Лаврентий Берия. Репрессии против чекистов-разведчиков пошли на убыль, однако совсем не прекратились. 2 ноября 1938 года был арестован начальник внешней разведки старший майор госбезопасности Зельман Пассов (расстрелян 15 февраля 1940 года). Назначенный начальником 5-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР Владимир Деканозов уже 13 мая 1939 года был освобожден от занимаемой должности как не имеющий опыта работы во внешней разведке и переведен на должность заместителя наркома иностранных дел. Внешнюю разведку возглавил выпускник Школы особого назначения (ШОН) старший майор госбезопасности Павел Михайлович Фитин.

Возвратившийся из Испании Эйтингон попал в довольно сложную ситуацию. Григорий Сыроежкин, с которым он работал над созданием диверсионных отрядов в тылу франкистов, был арестован и расстрелян. Резидент Орлов оказался невозвращенцем. К тому же арестованные и затем расстрелянные бывший начальник Восточного отдела ОГПУ Яков Петере и бывший полпред СССР в Турции Лев Карахан в ходе следствия под пытками вынуждены были подписать показания на Эйтингона как на английского шпиона. В Москве за Эйтингоном была установлена слежка, которую он быстро обнаружил. Правда, после того, как он сказал об этом заместителю начальника внешней разведки Павлу Судоплатову, наружное наблюдение за ним было снято. От ареста Наума Эйтингона спас лишь случай. К этому времени по указанию Сталина НКВД приступил к

реализации операции по физическому устранению Льва Троцкого, которая получила кодовое название «Утка» и заняла по времени около двух лет. К операции в качестве одного из ее руководителей был подключен и Наум Эйтингон.

Охота на «Утку»

В конце последнего летнего месяца 1940 года газеты всего мира сообщили, что 20 августа было совершено покушение на жизнь «демона русской революции» Льва Троцкого. Он получил тяжелое ранение и вечером следующего дня скончался. Нападавший арестован на месте преступления.

В Кремле смерть Троцкого вызвала откровенную радость: по мнению Сталина, устранение его главного политического врага означало, что в случае войны с Германией Гитлер не может рассчитывать на «пятую колонну» в СССР, над созданием которой изгнанник и его сторонники неустанно работали последние десять лет.

После смерти Ленина в январе 1924 года в созданной им партии разгорелась жесткая внутренняя борьба, вылившаяся вскоре в личное соперничество между двумя наиболее яркими ее руководителями— Сталиным и Троцким. Сталин был убежденным марксистом, глубоко верившим в победу социалистической революции даже в условиях враждебного империалистического окружения. Одним из признанных руководителей партии он стал еще в 1912 году и вел активную партийную работу внутри России. Неоднократно подвергался арестам и высылкам в различные районы Российской империи, пять раз совершал побеги из ссылки.

Троцкий же после поражения первой русской революции 1905 года жил в эмиграции в США, а в Россию возвратился после февральского переворота 1917 года, и только после того, как Временное правительство сняло запрет на деятельность политических партий в стране. Троцкий был космополитом. Русский народ он презирал, а всю тысячелетнюю историю России рассматривал как «кучу гнилой картошки», не видя в ней ничего героического. Он возглавил так называемую «группу межрайонцев», объединявшую разрозненные марксистские кружки, не примыкавшие ни к одной из организаций РСДРП, выжидая, кто из них одержит верх во внутрипартийной борьбе. Вскоре эта группа стала насчитывать восемь тысяч членов, тогда как за Лениным в феврале 1917 года шло всего 12 тысяч

человек. В партию большевиков Троцкий вступил после возвращения в апреле 1917 года в Россию Ленина, когда стало ясно, что большевики имеют реальные шансы взять власть в стране.

С точки зрения «пролетарского происхождения» Сталин, сын простого сапожника, был более приемлем для широких партийных масс. Троцкий же, отец которого был крупным земельным собственником и торговцем зерном, рассматривался в партии как выскочка, «барин» и белоручка. К тому же несносный характер «демона революции», его откровенно карьеристские устремления оттолкнули от него даже прежних союзников. С победой Октябрьской революции Троцкий стал наркомом по иностранным делам и «отличился» тем, что вопреки инструкциям правительства отказался подписать Брестский мир. В результате кайзеровская Германия нашла предлог для наступления, приведшего к оккупации значительной части территории России общей площадью свыше одного миллиона квадратных километров.

С сентября 1918 по декабрь 1924 года Троцкий являлся народным комиссаром по военным и военно-морским делам и одновременно возглавлял Революционный военный совет республики, то есть фактически руководил Красной Армией. На фронтах Гражданской войны он «прославился» своей необычайной жестокостью, введя, в частности, на Восточном фронте децимацию — расстрел перед строем каждого десятого бойца подразделения, допустившего отступление. Именно Троцкий был инициатором создания концентрационных лагерей в России в годы Гражданской войны. В них заключали представителей крупной и средней буржуазии, профессоров, священнослужителей, активных контрреволюционеров. Правда, это был ответный шаг большевиков на зверства белогвардейцев, покрывших страну сетью подобных лагерей. Чего, например, стоил лагерь для красноармейцев на острове Мудьюгский в Белом море, созданный командующим вооруженными силами Севера России генералом Миллером, где отношение к заключенным отличалось особой жестокостью.

Победу социализма в России Троцкий связывал с наличием мировой революции. Но поскольку после Первой мировой войны революционного подъема в Европе не наблюдалось, Троцкий и его сторонники пытались искусственно стимулировать такой подъем, в частности, иницировав в 1923 году революцию в Германии. Затем, когда эти попытки полностью провалились, Троцкий счел необходимым превратить Советскую Россию в военный лагерь, милитаризировать ее экономику и бросить миллионы русских солдат на «освобождение европейского пролетариата от цепей

империализма». Дальнейшая судьба России его не интересовала.

В 1920 году Особый отдел Южного фронта получил информацию, что большая группа офицеров Врангеля готова сложить оружие и прекратить братоубийственную войну в России. По просьбе командующего фронтом М.В. Фрунзе прославленный герой Русской армии генерал Брусилев выпустил обращение к офицерам и солдатам Врангеля, предлагая им прекратить войну и перейти на сторону советской власти. В воззвании содержались гарантии личной безопасности всем военнослужащим, которые сложат оружие, и амнистии для офицеров. Возникла реальная возможность прекратить кровопролитие на юге России. Однако такое развитие событий не устраивало председателя Реввоенсовета Троцкого, который сорвал перспективу капитуляции армии Врангеля. Крым был взят штурмом войсками Фрунзе, а Врангель и около 150 тысяч его военнослужащих эвакуировались на военных кораблях и гражданских судах в Турцию и превратились в изгнанников. По указанию Троцкого в Крым были направлены Бела Кун и ряд других его сторонников, которые расстреляли свыше 12,5 тысячи бывших офицеров, несмотря на то, что им была обещана амнистия. Объясняя этот чудовищный акт геноцида против русских офицеров, Троцкий заявил, что «мы уничтожаем их не потому, что офицеры совершили преступления, но лишь потому, что хотим истребить их как класс, способный изменить нам в подобающий момент».

И Троцкий, и Сталин имели своих сторонников и последователей в партии. Высокомерный Троцкий, назвавший впоследствии Сталина «выдающейся посредственностью», недооценил его изощренный интеллект и организаторские способности. В результате Сталин, используя в борьбе за власть свое положение генерального секретаря партии, а также личные амбиции членов Политбюро ЦК ВКП (б) Зиновьева и Каменева, сумел к 1925 году свести влияние Троцкого в партии к минимуму. В январе 1925 года пленум ЦК ВКП (б) освободил Троцкого по собственному желанию от должности председателя Реввоенсовета, а 23 октября 1926 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) его вывели из состава Политбюро.

В начале лета 1926 года Троцкий объединился в единый блок с Зиновьевым и Каменевым, которые были недовольны укреплением позиций Сталина в партии и государстве. Сторонники Троцкого создали в Москве конспиративный центр «Объединенной оппозиции». Его возглавили сам Троцкий и Зиновьев. Работа центра велась достаточно активно. Лидеры центра проводили подпольные заседания, имели своих людей в ЦК ВКП (б), в ряде наркоматов, а также среди представителей

высшего военного руководства. Центр создал даже специальную группу в армии. В нее входили комкоры Примаков и Путна, расстрелянные в 1937 году как участники так называемого «заговора генералов». Имел своих сторонников Троцкий и в ОГПУ. Еще в 1923 году, когда он навязал партии дискуссию о роли профсоюзов, примерно 40 процентов чекистов голосовали за его платформу. Подобные конспиративные центры были также организованы в Ленинграде, Киеве, Харькове, Свердловске и других городах. Деятельность «объединенной оппозиции» вызывала серьезную озабоченность у сторонников Сталина, так как троцкисты все больше скатывались на антисоветские позиции.

Окончательную победу над Троцким Сталин одержал в 1927 году. В октябре Троцкого вывели из состава ЦК ВКП (б), а 14 ноября за организацию демонстрации оппозиции в Ленинграде в 10-ю годовщину Октябрьской революции исключили из партии. В декабре 1927 года XV съезд ВКП (б) завершил идейный разгром троцкизма.

Троцкий отказался признать свое поражение, и в январе 1928 года был сослан в Казахстан, в город Алма-Ату. Однако и в Казахстане он не прекратил активную оппозицию Сталину и борьбу с партией, рассылая телеграммы, письма и воззвания к своим скрытым сторонникам в ней. 16 декабря 1928 года Троцкому было передано требование коллегии ОГПУ «категорического обязательства прекращения контрреволюционной деятельности». В послании указывалось, что в противном случае он будет выслан за границу.

Следует отметить, что еще в 1922 году В ЦИК наделил ГПУ правом высылки из страны лиц, занимающихся антисоветской деятельностью. Троцкий тоща активно поддержал это решение. На сей раз он официально заявил, что не будет подчиняться ультиматуму ОГПУ. Через месяц Политбюро ЦК ВКП(б) большинством голосов приняло решение о высылке Троцкого за границу. А 18 января 1929 года Особое совещание при коллегии ОГПУ постановило:

«За контрреволюционную деятельность, выразившуюся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против Советской власти, гражданина Троцкого Льва Давидовича выслать из пределов СССР».

10 февраля 1929 года Троцкий, его жена Наталья Ивановна Седова и их старший сын Лев Седов, полностью разделявший политические взгляды отца, были доставлены специальным поездом в Одессу. А 13 февраля они отбыли на пароходе «Ильич» в Турцию — единственную страну,

согласившуюся временно их принять.

20 февраля 1932 года Троцкий и его сын Лев Седов были лишены советского гражданства.

Летом 1933 года Троцкий с семьей выезжает во Францию, живет под Парижем, а затем переселяется в небольшой курортный городок Сен-Пале. Здесь он становится объектом слежки белогвардейской эмиграции. Руководство Русского общевойскового союза во главе с генералом Евгением Миллером рассматривает вопрос об организации убийства Троцкого во время его поездки в курортный городок Руайян. В том же городе на лечении находился и нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов. Было решено убрать обоих. Однако в дело вмешались французские масоны и предупредили Троцкого, которого сторожили четыре кольца охраны, о готовящемся покушении. Масоны также оказали давление на французские власти с тем, чтобы те подвергли аресту белогвардейских террористов.

Известно, что Троцкий до революции был масоном и входил во французскую ложу «Ар э травай» («Искусство и труд»), однако через некоторое время порвал с масонством. На IV конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве в 1922 году, он выступил с докладом о несовместимости членства в масонской ложе с пребыванием в коммунистической партии, как это имело место во Французской коммунистической партии. Характерно, что председатель Коминтерна Зиновьев, создавший впоследствии единый антисталинский блок с Троцким, при голосовании резолюции по данному вопросу воздержался.

Французский период Троцкого длился недолго. Уже летом 1935 года он отправляется в Норвегию. Норвежское правительство предоставило Троцкому вид на жительство, при условии, что он не будет заниматься политической деятельностью. Но Троцкий проигнорировал это требование, и в результате 19 декабря 1936 года был посажен на торговое судно «Рут», взявшее курс на Мексику.

Оказавшись за границей, Троцкий развернул борьбу не против империализма и фашизма, а против СССР и коммунистического движения. Сразу оговоримся: Троцкий никогда не был агентом гестапо, хотя разведслужбы всего мира, естественно, проявляли интерес к его сторонникам. Он не убивал ни Кирова, ни других советских руководителей, не занимался террором внутри СССР и не совершал диверсий и отравлений. Все это ему приписывалось Сталиным и его сторонниками в стремлении дискредитировать главного политического оппонента.

Однако Троцкий за границей не был безобидным «теоретиком» марксизма, который писал лишь трактаты «об их морали и нашей» (у

Троцкого была и такая работа, в которой он выступал против буржуазной морали). Он вел активную подрывную деятельность против СССР и всего коммунистического движения в целом, пытаясь организовать подчиненное ему политическое движение в мировом масштабе.

Таким образом, высылка Троцкого за границу не ослабила его влияния среди членов оппозиции и его сподвижников в СССР. Их деятельность носила целенаправленный антигосударственный характер. Одновременно начали появляться и активно действовать троцкистские группы в ряде зарубежных компартий (США, Германии, Греции и Испании). Только наметившийся разгром троцкистов в рядах ВКП (б) явился стимулятором для изгнания их из других компартий.

Находясь в эмиграции, Лев Троцкий прилагал немалые усилия к тому, чтобы расколоть, а затем возглавить мировое коммунистическое движение в условиях нарастающей угрозы нацизма. Особенно опасной для СССР была его деятельность в Европе.

Один из основателей испанской Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ) Андреас Нин, находившийся в начале 1920-х годов в России и являвшийся в то время личным секретарем Троцкого, во время гражданской войны с франкистами не раз приглашал Троцкого приехать в Испанию, чтобы «возглавить революцию». Как известно, в ходе состоявшихся в Испании 16 февраля 1936 года парламентских выборов к власти в стране пришло правительство Народного фронта, в которое кроме коммунистов входили анархистская Народная конфедерация труда, социалисты и члены партии ПОУМ. Если франкисты, потерпевшие поражение на выборах, были едины в своем стремлении свергнуть вооруженным путем законное правительство, то лагерь республиканцев по вине поумовцев и анархистов раздирали серьезные межпартийные противоречия.

Лидер ПОУМ Андреас Нин являлся близким соратником Троцкого. Будучи председателем Красного Профинтерна и членом Исполкома Коминтерна, Нин неоднократно выезжал на нелегальную работу в Германию и Италию, а после высылки Троцкого возвратился в Испанию. Здесь он занял пост министра юстиции в автономном правительстве Каталонии. Когда же франкисты развязали гражданскую войну в стране, Нин и его сторонники отвергли линию Коминтерна на укрепление Народного фронта и взяли курс на осуществление социалистической революции, формирование рабоче-крестьянского правительства, установление диктатуры пролетариата и создание Советов. Когда правительство Народного фронта отвергло это авантюристическую

политику, ПОУМ развернула с ним открытую борьбу. Разумеется, такая политическая линия могла привести лишь к поражению республиканцев.

В мае 1937 года в Каталонии произошло вооруженное выступление сторонников ПОУМ и анархистов. Троцкистские газеты в Барселоне от 5 мая призывали население к вооруженному восстанию против республиканского правительства. Барселонский мятеж троцкистов был подавлен лишь тогда, когда в город были введены части штурмовой гвардии из Валенсии и других регионов страны. В результате провокационной вылазки троцкистов было сорвано тщательно подготовленное наступление республиканских войск на Северном фронте.

О том, что ПОУМ готовит мятеж против законного правительства Испании, советская разведка узнала еще в декабре 1936 года от своих источников, внедренных в эту партию. А в начале 1937 года подтверждение этой информации пришло от источника берлинской резидентуры НКВД «Старшины» (Харо Шульце-Бойзен), который сообщил, что агенты гестапо проникли в троцкистские круги в Барселоне с целью организовать в ближайшее время путч. В 1942 году, когда «Старшина» и другие члены подпольной антифашистской организации, окрещенной нацистами «Красной капеллой», были арестованы, передача «Старшиной» этой информации советской разведке фигурировала на суде в качестве доказательства его «подрывной работы» против Третьего рейха.

После провала путча Нин был арестован и помещен в тюрьму. Впоследствии возглавлявший в Испании резидентуру НКВД Александр Орлов разработал и осуществил операцию «Николай» по дискредитации связей ПОУМ с франкистами и нацистами. ПОУМ была объявлена вне закона, а Нин был вывезен из тюрьмы и расстрелян на шоссе около населенного пункта Алькала-де-Аренас. Троцкий откликнулся на ликвидацию своего сторонника статьей «Убийство А. Нина агентами ГПУ», которая была опубликована в «Бюллетене оппозиции». В статье он подчеркивал, что «Нин являлся старым и неподкупным революционером. Он защищал интересы испанского и каталонского народов против агентов советской бюрократии».

Нельзя не упомянуть и о том, что Троцкий активно сотрудничал с «Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности» палаты представителей Конгресса США (так называемый «Комитет Дайса»). В октябре 1939 года этот «пламенный революционер» дал показания на ряд лидеров компартии США, обвиняя их в антиамериканской деятельности. Оказавшись в Мексике, Троцкий стал передавать представителям американской разведки «конфиденциальные меморандумы» на известных

ему деятелей международного коммунистического движения, активистов Коминтерна, агентов советской внешней разведки в США, Франции, Испании, Мексике и других странах. Таков был его вклад в «мировую революцию».

Разумеется, для западных спецслужб антисоветская деятельность Троцкого была «даром небес», а троцкистская оппозиция — благодатной агентурной базой. Так, видный руководитель испанской троцкистской партии ПОУМ Хулиан Горкин был завербован американской контрразведывательной службой ФБР, а по прибытии во Францию в 1938 году предложил свои услуги генеральному директору французской контрразведки ДСТ Вибо, заявив, что имеет разведывательную сеть во всем мире. Услуги троцкиста были, разумеется, приняты с благодарностью.

Безусловно, советская внешняя разведка внимательно следила за подрывной деятельностью Троцкого за рубежом и имела «своих людей» в его ближайшем окружении. Одними из первых были внедрены к нему братья Соболсвичусы, сыновья богатого еврейского торговца из Литвы. Позднее они стали известны как Джек Собл и Ричард Соблен. После высылки Троцкого из СССР в 1929 году братья в течение трех лет были ближайшими доверенными лицами изгнанника, получили доступ к шифрам и адресам сторонников Троцкого в СССР. Через них проходила практически вся его переписка, которая незамедлительно передавалась в ОГПУ.

9 января 1937 года Троцкий вместе с женой и внуком прибыл в мексиканский порт Тампико. Оттуда на специальном поезде путешественников доставили в Мехико. Некоторое время они жили на вилле симпатизировавшего троцкистам известного живописца Диего Риверы. Но вскоре Троцкий арендовал, а затем и купил большой дом в предместье мексиканской столицы Койоакане на улице Вены.

Тем временем проживавший с 1935 года в Париже сын Троцкого Лев Седов начал издавать «Бюллетень оппозиции», в котором активно печатался его отец. Одновременно Седов установил надежную связь со сторонниками отца в СССР. Троцкий и Седов явились организаторами так называемого IV (троцкистского) Интернационала, учредительный съезд которого открылся 3 сентября 1938 года под Парижем и на котором присутствовал 21 делегат из И стран, что говорило об истинном масштабе влияния троцкистов на международное коммунистическое движение.

С 1936 года разработкой Седова и его окружения занималась группа разведчиков-нелегалов, возглавляемая болгариним Борисом Афанасьевым.

В 1934 году резидент советской разведки в Париже Станислав Глинский завербовал ровесника Седова Марка Зборовского, родившегося в

состоятельной семье на Украине и эмигрировавшего в 1920 году в Польшу. В 1935 году Зборовский, которому был присвоен псевдоним «Мак», познакомился с Седовым через жену последнего Жанну Молите. Спустя несколько месяцев Глинский сообщил в Москву:

«"Мак" стал работать в "Международном секретариате троцкистов". В настоящее время источник встречается с "Сынком" (псевдоним Седова, который использовался резидентурой в оперативной переписке с Центром. — *Авт.*) чуть ли не каждый день. Этим самым считаем выполненной вашу установку на продвижение источника в окружение Троцкого».

Первоначально у «Сынка» были определенные подозрения в отношении связей «Мака» с ОГПУ. Однако впоследствии резидентуре удалось их рассеять. Как писал Глинский в оперативном письме в Центр в 1936 году, «Седов извинялся перед "Маком" и почти со слезами на глазах просил у него прощения за то, что в начале их знакомства подозревал его в том, что он агент ГПУ».

Зборовский, имевший в троцкистских кругах подпольную кличку «Этьен», получил доступ к документам Седова и имел возможность информировать резидента ОГПУ Глинского о всех действиях, планах и намерениях Троцкого и его сторонников. Поскольку агент ОГПУ имел непосредственное отношение к выпуску «Бюллетеня оппозиции», советская разведка через него заблаговременно получала номера этого издания, которые Сталин читал раньше самого Троцкого.

Следует отметить, что активная деятельность Троцкого и его сторонников все больше раздражала Сталина. В конце концов он пришел к выводу, что только смерть «трибуна революции» может положить конец его антисоветской деятельности.

В этой связи отметим, что в решении пленума ЦК ВКП (б), состоявшегося в феврале—марте 1937 года и обсуждавшего деятельность Троцкого и его последователей, в частности, подчеркивалось:

«Обязать Наркомвнудел довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, с тем чтобы подавить малейшее проявление их антисоветской деятельности.

Укрепить кадры ГУГБ, Секретно-политического отдела надежными людьми.

Добиться организации надежной агентуры в стране и за рубежом. Укрепить кадры разведки».

В НКВД приняли к исполнению указание партии.

В середине 1937 года деятельность НКВД по борьбе с троцкизмом была перенесена во Францию. Ведь проживавший в Париже Лев Седов

активно занимался организацией I съезда IV Интернационала. В Париже находились и основные архивы Троцкого. В ближайшее окружение Седова, как мы уже отмечали, была внедрена надежная агентура, через которую удалось добыть большую часть архивов Троцкого и самого Седова, архив международного секретариата по подготовке IV Интернационала, а позже — новый архив этого секретариата. Были также добыты списки адресов приверженцев Троцкого как в СССР, так и в странах Европы.

Во второй половине 1937 года НКВД получил задание похитить Седова и доставить его в Москву. Осуществить операцию по его похищению было поручено Якову Серебрянскому. План похищения предусматривал два варианта доставки Седова в СССР — морским путем и по воздуху. Для реализации первого варианта «люди Серебрянского» приобрели рыболовецкое судно и сняли на окраине одного из морских портов Франции небольшой домик, где поселилась «семейная пара» разведчиков-нелегалов. Для второго варианта был закуплен самолет, и надежный агент-летчик стал готовиться к перелету по маршруту Париж—Токио. Всего в этой операции участвовали семь человек, включая жену Серебрянского. Однако поскольку Зборовскому так и не удалось завлечь Седова и его жену в такое место, откуда их можно было бы легко похитить, приказа на реализацию этой операции не поступило.

8 февраля 1938 года у Седова случился приступ аппендицита, он был помещен в небольшую частную парижскую клинику русских врачей-эмигрантов и в тот же вечер успешно прооперирован. Однако через несколько дней его состояние резко ухудшилось. Была сделана повторная операция, но 16 февраля 1938 года в возрасте 32 лет Лев Львович Седов скончался.

В «Очерках истории российской внешней разведки» по поводу смерти Седова говорится: «Многие историки и публицисты высказывали предположения, что в его смерти повинна "рука Москвы". Мы посчитали необходимым обратиться к архивам, чтобы проверить, насколько обоснованна эта версия. Разумеется, сам Седов был в центре внимания резидентуры. Его довольно беспорядочный образ жизни способствовал бы сравнительно легкому осуществлению покушения на него, если бы такая цель была поставлена.

Уже к концу 1937 года Седов часто чувствовал недомогание: побаливало сердце, мучила бессонница. На несколько приступов аппендицита он, видимо, не обратил внимания, и медицинская помощь опоздала. Смерть наступила после двух операций, проведенных одна за другой. По заключению врачей, причиной ее стали послеоперационные

осложнения и низкая сопротивляемость организма. Проведенное полицейское расследование доказательств преднамеренного убийства не нашло. Как видно из архивных документов, советская разведка действительно не имела отношения к смерти Седова».

После смерти Льва Седова главной целью НКВД оставался сам Троцкий.

В марте 1939 года Сталин пригласил в Кремль наркома внутренних дел Лаврентия Берия и заместителя начальника внешней разведки Павла Судоплатова. Состоялся разговор о задачах закордонной разведки в условиях приближающейся мировой войны. Берия подчеркнул, что в данных условиях главной задачей внешней разведки должна стать не борьба с вооруженной белогвардейской эмиграцией, а подготовка резидентур к войне на Дальнем Востоке и в Европе. Для добычи разведывательной информации о планах и намерениях потенциальных противников СССР главную ставку внешняя разведка органов госбезопасности должна делать на приобретение агентов влияния из деловых и правительственных кругов Запада и Японии, которые имеют выходы на руководство своих стран и терпимо относятся к коммунистам.

Нарком отметил также, что левое движение в мире расколото из-за попыток Троцкого подчинить его своему влиянию. Он предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом, поручив возглавить операцию по ликвидации Троцкого заместителю начальника внешней разведки генералу Судоплатову. Как позднее писал сам Судоплатов в своей книге «Разведка и Кремль», «Сталин после некоторого раздумья заметил:

— В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена.

Генсек выразил неудовлетворение тем, что разведывательные операции против Троцкого ведутся недостаточно активно. В 1937 году ликвидация этого главного политического противника Сталина была поручена Сергею Шпигельгласу, однако тот "провалил важное правительственное задание".

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

— Троцкий должен быть ликвидирован в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по

международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернув партизанскую войну».

Руководить группой боевиков по ликвидации Троцкого предстояло Павлу Судоплатову. Сталин подчеркнул, что группе будет оказана любая помощь и поддержка. О всех мероприятиях Судоплатов должен докладывать только лично Берии. Вся отчетность по операции «Утка» должна вестись только в рукописном виде.

Кодовое название «Утка» операции дал Наум Эйтингон, который принимал в ней активное участие. Имелось в виду, что Троцкий распространял ложные сведения о положении дел в СССР и ВКП (б), а такая информация в обиходе называется «уткой».

Ну а теперь расскажем о самой засекреченной операции, проведенной советской разведкой.

9 июля 1939 года руководство разведки утвердило «План агентурно-оперативных мероприятий по делу "Утка"». В начале августа план был одобрен Сталиным. В документе, в частности, говорилось:

«...Цель: ликвидация "Утки".

Методы: агентурно-оперативная разработка, активная группа.

Средства: отравление пищи, воды, взрыв в доме, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар — удушение, кинжал, удар по голове, выстрел. Возможно вооруженное нападение группы.

Люди: организатор и исполнитель на месте "Том" (Н.И. Эйтингон)».

В плане определялись способы изучения ближайшего окружения Троцкого и обстановки вокруг его дома.

Смета расходов на шесть месяцев составляла 31 тысячу долларов (по современному курсу это примерно в 10—12 раз больше).

Документ подписали начальник внешней разведки П.М. Фитин, его заместитель П. А. Судоплатов и заместитель Судоплатова—Н.И. Эйтингон, но без упоминания их должностей и воинских званий.

К реализации плана были подключены две группы. Они действовали автономно, и люди, входившие в одну группу, не были знакомы с членами другой группы.

Первую группу возглавлял известный мексиканский художник Давид Сикейрос. В нее входили проверенные бойцы из числа агентуры советских органов госбезопасности, действовавшие в Испании в период гражданской войны, а затем эмигрировавшие в Мексику. Членами второй группы являлись «Мать» и ее сын «Раймонд».

Из дела агентурной разработки:

«Каридад Меркадер дель Рио, она же — Мария Каридад, она же — агент советской внешней разведки "Мать".

Год рождения — 1894.

Национальность — испанка.

Член компартии Испании с 1922 года.

Свободно владеет итальянским, французским и английским языками.

Привлечена к сотрудничеству с советской внешней разведкой в 1937 году Томом.

В Париже руководила агентурной группой».

К этому следует добавить, что Каридад родилась в Сантьяго-де-Куба в семье губернатора острова. Ее прадед был послом Испании в России. Отец Каридад первым в истории острова издал указ об освобождении чернокожих рабов, благодаря чему пользовался огромным уважением в стране. Специальным указом ему и членам его семьи было разрешено до конца своих дней проживать на Кубе. Однако семью тянуло на родину, и в начале XX века она возвратилась в Испанию. Каридад училась в привилегированной школе, вела аристократический образ жизни, занималась верховой ездой. Достигнув совершеннолетия, Каридад вышла замуж за миллионера, владельца текстильной фабрики Пабло Меркадера из Барселоны. Брак был счастливым, муж обожал ее, у них родилось пятеро детей: сыновья Пабло, Рамон, Хорхе, Луис и дочь Монсеррат.

Однако семейная жизнь была не для Каридад. Молодая миллионерша всерьез увлеклась политикой и модными в то время идеями эмансипации. В итоге Каридад сблизилась с анархистами. Муж пытался повлиять на нее, однако безуспешно. Каридад разошлась с мужем и уехала во Францию. В скором времени она вступила во французскую коммунистическую партию. В 1934 году участвовала в восстании в Барселоне. С началом гражданской войны в Испании в 1936 году ушла на фронт и сражалась на стороне республиканцев. В 1937 году была привлечена Наумом Эйтинггоном к сотрудничеству с советской внешней разведкой.

Сразу же после утверждения плана операции «Утка» стало ясно, что для внедрения своих людей в ближайшее окружение Троцкого потребуется определенное время. Для ускорения выполнения задания было решено совершить налет на его жилище. Группа Сикейроса, имевшая подробный план виллы Троцкого, стала усиленно готовиться к операции. Штурм начался около 4 часов утра 24 мая 1940 года.

Около двадцати человек в форме полицейских и военнослужащих напали на дом Троцкого, обнесенный высоким каменным забором, разоружили и связали полицейских наружной охраны. Затем проникли в

дом и открыли перекрестный огонь из ручного пулемета и стрелкового оружия по спальне Троцкого. Троцкому и его жене удалось спрятаться под кроватью и остаться невредимыми. Покидая дом, нападавшие оставили в нем зажигательный снаряд и взрывное устройство. Однако взрывное устройство не сработало, а начавшийся пожар Троцкий и его жена смогли потушить.

О неудачном покушении на Троцкого Эйтингон доложил лично Берии, отправив в Центр донесение:

«О нашем несчастье Вы знаете из газет подробно. Отчет Вам будет дан позже.

Пока все люди целы, и часть уехала из страны.

Если не будет особых осложнений, через 2—3 недели приступим к исправлению ошибки, так как не все резервы исчерпаны.

Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по первому Вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания.

30 мая. "Том"».

В середине июня Берия и Судоплатов были вызваны к Сталину. Они доложили генсеку подробности несостоявшегося покушения. Сталин был спокоен и предложил осуществить альтернативный план. Он подчеркнул, что акция против Троцкого будет означать полное крушение всего троцкистского движения, и дал указание направить Эйтингону телеграмму с выражением полного доверия.

Из Москвы в Мехико полетел приказ продолжить операцию. Теперь к ней подключалась вторая группа.

Здесь следует сказать, что «Мать» принимала непосредственное участие в подготовке операции «Утка» с первого дня ее разработки. «Том» и «Мать» хорошо понимали, что для успешной реализации выработанного плана необходимо найти надежного исполнителя.

После долгих поисков и сомнений «Мать» предложила на роль главного исполнителя этой рискованной операции... своего собственного сына.

Из дела агентурной разработки:

«Рамон Меркадер дель Рио Эрнандсс Хайме родился 7 февраля 1914 года в Барселоне в многодетной семье владельца текстильной фабрики. В 1925 году родители развелись. Рамон с молодых лет принимал активное участие в революционном движении — являлся одним из комсомольских лидеров Каталонии, членом компартии.

С октября 1936 года участвовал в гражданской войне в Испании в

качестве комиссара 27-й бригады на Арагонском фронте, майор. В боях был ранен.

В 1938 году был привлечен резидентом НКВД в Испании "Томом" к сотрудничеству с советской разведкой. С февраля 1939 года задействован в операции по организации физического устранения Троцкого».

Под видом богатого плебоя, сына бельгийского дипломата, занимающегося спортивной фотожурналистикой, и по документам на имя Жака Мориара «Раймонд» (таким был оперативный псевдоним Меркадера) нелегально приехал в Париж, где познакомился с находившейся там на отдыхе гражданкой США Сильвией Агелофф, родители которой были выходцами из России, а старшая сестра — личным секретарем Троцкого. У новой приятельницы «Раймонда» была репутация старой девы и безупречное прошлое. Но самое главное—она также периодически исполняла обязанности секретаря и переводчика Троцкого.

Вслед за возлюбленной «Раймонд» отправляется в Мексику. После отпуска Сильвия возвращается к работе у Троцкого. Роман, завязавшийся под небом Франции, приобретает все более серьезные формы. «Раймонд» предлагает Сильвии руку и сердце и на правах жениха входит в дом Троцкого.

О том, что произошло позже, узнал весь мир. Сталин свел счеты со своим многолетним ненавистным врагом...

Итак, 20 августа 1940 года «Раймонд» выполнил задание Центра, но был арестован.

В ходе предварительного следствия, несмотря на пытки, а затем и на судебном процессе убийца, имевший документы на имя Жака Морнара, бельгийца по национальности, не назвал своего настоящего имени, объясняя, что пошел на преступление, приревновав к Троцкому свою невесту.

Следствие требовало от арестованного чистосердечного признания и не могло его добиться. В отношении «Раймонда» стали применять меры морально-психологического и физического воздействия. В официальном меморандуме, представленном в судебные инстанции его адвокатом в августе 1946 года, указывалось:

«Сразу после ареста, будучи в бессознательном состоянии вследствие нанесенных охранниками ран, арестованный был направлен в полицейский участок, где истязания продолжались несколько недель. В ходе предварительного следствия 7 месяцев он содержался в подвале, являясь объектом неслыханных издевательств и унижений. По причине изоляции он был на грани потери зрения. В марте 1941 года его перевели в

городскую тюрьму, в которой держали 3 года. Выводили на прогулку один раз в день на 20 минут в связке с надзирателем».

После длительных юридических процедур в мае 1944 года суд федерального округа Мехико вынес окончательный приговор — 20 лет тюремного заключения (высшая мера наказания в стране).

Мексиканские спецслужбы усиленно искали в убийстве Троцкого советский след и пытались выяснить подлинное имя арестованного. Однако никакие допросы не смогли заставить его признаться в связях с советской разведкой. Лишь спустя много лет один из бывших активистов испанской компартии и участник гражданской войны в Испании предал его, сообщив мексиканским спецслужбам, что в тюрьме находится Рамон Меркадер. Мексиканцы смогли получить на него из испанских полицейских архивов подробное досье.

Когда личность Жака Морнара была окончательно установлена, перед лицом неопровержимых улик он признал, что на самом деле является Рамоном Меркадером и происходит из богатой испанской семьи. В то же время до последнего дня заключения он отрицал, что убил Троцкого по заданию советской разведки. Во всех своих заявлениях Меркадер неизменно подчеркивал личный мотив убийства.

Из воспоминаний заместителя начальника внешней разведки генерала П.А. Судоплатова:

«В августе 1940 года, спустя два-три дня после ликвидации Троцкого, когда я направил короткий рапорт Берии, было принято решение о том, что Эйтингон и Каридад вернутся домой самостоятельно. А оставшиеся деньги, которые были выделены на проведение операции, намечалось использовать для поддержания Рамона Меркадера, находившегося в тюрьме, для оплаты адвокатам.

Именно тогда Сталин произнес фразу: "Мы будем награждать всех участников этого дела после возвращения домой. Что касается товарища, который привел приговор в исполнение, то высшая награда будет вручена ему после выхода из заключения. Посмотрим, какой он в действительности профессиональный революционер, как он проявит себя в это тяжелое для него время".

17 июня 1941 года Эйтингон, Каридад и я были приглашены в Кремль, но не в Свердловский зал, как обычно, а в кабинет Калинина, где он вручил нам коробочки с орденами. Каридад и Эйтингон получили ордена Ленина. Меня наградили орденом Красного Знамени».

По крайней мере дважды поднимался вопрос о досрочном освобождении «Раймонда» под залог. Но один из высших судебных авторитетов

страны заявил в доверительной беседе: «Единственный путь к освобождению — его полное признание во всем». Но «Раймонд» продолжал упорно отрицать связь с советской разведкой.

Отбыв в заключении 19 лет 8 месяцев и 14 дней, Рамон Меркадер вышел из тюрьмы 6 мая 1960 года.

После освобождения он женился на мексиканке Рокелии Мендоса и вместе с женой был переправлен в Советский Союз. В Москве он получил советское гражданство и документы на имя Рамона Ивановича Лопеса. 31 мая 1960 года «за выполнение специального задания и проявленные при этом героизм и мужество» Р.И. Лопесу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». 8 июля 1960 года награды ему вручил тогдашний председатель КГБ А.Н. Шелепин.

В Москве Меркадер работал старшим научным сотрудником в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Являлся членом авторского коллектива четырехтомной истории гражданской войны в Испании. Его жена работала диктором в испанской редакции Московского радио. Супруги взяли на воспитание мальчика 11 лет и семимесячную девочку, мать которых умерла, а отец, испанский коммунист, погиб во франкистской Испании.

В октябре 1974 году Меркадер с семьей переехал на Кубу, где в звании генерала работал советником в кубинском Министерстве внутренних дел. Скончался в Гаване 18 октября 1978 года от саркомы. Согласно завещанию, урна с его прахом была перевезена в СССР и захоронена в Москве в могиле на Кунцевском кладбище.

За семьей Меркадера сохранили установленную ему пенсию с выплатой в валюте: Рокелии — пожизненно, детям — до достижения совершеннолетия. После смерти мужа вдова возвратилась с дочерью в Мексику. Сын остался на Кубе, закончил мореходное училище, служил капитаном в системе торгового флота. Рокелия пережила своего мужа на 11 лет. Скончалась после тяжелой болезни в 1989 году.

После освобождения сына из заключения Каридад Меркадер жила в Москве, позднее выехала из СССР. Получала за границей пенсию от советского правительства. Умерла в Париже в 1975 году.

Завершить наш рассказ об операции «Утка» хотелось бы словами из воспоминаний генерала Судоплатова:

«Нам удалось не просто обезглавить троцкистское движение, но и предопределить его полный крах. Сторонники Троцкого быстро теряли остатки своих позиций в международном рабочем движении. Их деятели

оказались в ситуации почти враждебного недоверия друг к другу, многие перешли на конспиративное сотрудничество с полицейскими органами США и агентурным аппаратом германской разведки, руководствуясь желанием всячески мстить компартиям США, Франции, Италии...

В то же время мне совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы не совместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и для гражданской войны. Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к преступным методам для достижения своих целей, но разница заключается в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому.

Эта конфронтация была войной на уничтожение».

* * *

Великую Отечественную войну Наум Эйтингон встретил на посту заместителя начальника разведки. За день до нападения нацистской Германии на Советский Союз он получил личное указание Берии о создании Особой группы для проведения диверсий в тылу вероятного противника. Эйтингон должен был установить связь с Генштабом и пограничными округами, чтобы договориться с ними о совместных действиях. Начавшаяся война помешала реализовать эти планы. Однако уже 5 июля 1941 года такая группа была создана при наркомате госбезопасности. Ее возглавил старший майор госбезопасности Павел Судоплатов. Наум Эйтингон стал его заместителем.

Еще ранее, 26 июня 1941 года, приказом наркома были сформированы войсковые подразделения Особой группы, которыми командовал комбриг Павел Богданов. Войска специального назначения включали в себя две бригады, состоящие из батальонов, отрядов и спецгрупп, формирование которых проходило под непосредственным контролем Эйтингона. В октябре 1941 года они были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН), которая состояла из двух полков четырехбатальонного состава и включала в себя специальные подразделения.

18 января 1942 года, в связи с расширением партизанской борьбы на оккупированной германским вермахтом советской территории, было создано 4-е управление НКВД во главе с П.А. Судоплатовым.

20 августа того же года Эйтингон стал его заместителем. На это

управление возлагались задачи по организации в крупных городах на оккупированных территориях нелегальных резидентур, внедрению агентуры в оккупационные военные и административные органы, по подготовке и заброске в тыл врага разведывательно-диверсионных групп, организации резидентур в районах, находящихся под угрозой захвата, обеспечению групп и агентов оружием, средствами связи и документами. Помимо решения этих задач Наум Эйтингон сыграл ведущую роль в проведении оперативных игр «Монастырь» и «Березино».

Операция «Монастырь»

В начале февраля 1942 года, когда немецкие войска впервые после начала Второй мировой войны потерпели сокрушительное стратегическое поражение в битве под Москвой, к немцам за линию фронта перешел агент органов госбезопасности «Гейне» — Александр Петрович Демьянов. Он являлся выходцем из знатного дворянского рода: прадед Демьянова, Антон Головатый, был первым атаманом Кубанского казачества. В роду Демьянова все мужчины традиционно были военными. Завербован он был в 1929 году и использовался контрразведкой для разработки связей оставшихся в Советском Союзе лиц дворянского происхождения с зарубежной эмиграцией. Александр Демьянов работал в Москве в Главкинопрокате, был знаком со многими известными актерами театра и кино. Он часто бывал на бегах, держал в Манеже собственную лошадь и был широко известным человеком среди московской богемы.

Выбор «Гейне» в качестве подставы гитлеровским спецслужбам не был случайным. К моменту нападения гитлеровской Германии на Советский Союз «Гейне» уже был опытным агентом. Еще в довоенный период он вышел на представителей германской торговой миссии в Москве и в разговоре с ними назвал ряд фамилий русских эмигрантов, поддерживавших контакт с его семьей в предреволюционный период. Германская разведка заинтересовалась «Гейне» и стала вести его разработку. Абвер присвоил ему кличку «Макс».

В поле зрения органов государственной безопасности в предвоенное время находились некоторые представители русской аристократии — бывший предводитель Дворянского собрания Нижнего Новгорода Глебов, поэт Садовский, член-корреспондент Академии наук СССР Сидоров и некоторые другие. В свое время они учились в Германии, были известны гитлеровским спецслужбам, а в Москве жили на территории Новодевичьего

монастыря, где нашли прибежище потомки некогда знаменитых дворянских родов. Немцы проявляли интерес к этим лицам. Им, в частности, было известно, что поэт Садовский, практически не издававшийся в СССР, написал большую поэму в честь «немецких войск, освободителей Европы». В июле 1941 года руководство 4-го управления НКВД приняло решение создать с помощью этих лиц и другой агентуры легендированную прогерманскую монархическую организацию «Престол», в которую был внедрен агент «Гейне». Операция получила кодовое название «Монастырь».

В феврале 1942 года «Гейне» был доставлен на фронт в районе Можайска. Войсковая разведка перебросила его на нейтральную полосу, которая оказалась заминированной. Только по счастливой случайности «Гейне» не подорвался на mine. С рассветом он встал на лыжи и направился к немцам с белым флагом. «Гейне» рассказал немцам о существовании в Москве монархической организации, которая желает установить связь с немецким командованием и выполнять его задания. Ее цель — борьба с коммунизмом. Гитлеровцы подверши «Гейне» допросу, затем имитировали его расстрел. Разведчик держался стойко, спокойно отвечал на все вопросы, и немцы сделали вид, что ему поверили.

Однако проверка «Гейне» продолжалась. На следующий день он был отправлен в Смоленск. Его поместили в концлагерь вместе с предателями и изменниками Родины. В лагере продолжались его допросы. Офицеры абвера постоянно интересовались историей его перехода через линию фронта, проверяли знания в области радио- и электротехники. Через некоторое время «Гейне» перевели на городскую квартиру в Смоленске, где два инструктора занимались его подготовкой в качестве агента абвера. Под их руководством он изучал тайнопись, шифровальное и радиodelo. Впоследствии Александр Демьянов вспоминал, что труднее всего ему было скрывать свое умение работать на телеграфном ключе.

Через несколько недель состоялась встреча «Гейне» с высокопоставленным представителем абвера, который сообщил, что вскоре его отправят с заданием обратно в Москву. Были уточнены некоторые детали задания и время связи. Одновременно условились, что курьеры, прибывающие в столицу, будут приходить к его тестю, профессору медицины, практикующему на дому, а тот будет связывать их с «Гейне». После этой беседы «Гейне» перевели в Минск и поселили на частной квартире. Его всесторонняя проверка гитлеровскими спецслужбами продолжалась. 15 марта 1942 года за «Гейне» пришла машина, и его отвезли на аэродром, выдали деньги для организации «Престол» и

посадили в самолет.

Приземлился «Гейне» в лесу около районного центра Арефино. Захватившим его в плен красноармейцам он сообщил свой псевдоним и попросил немедленно связаться с Москвой. Из Москвы поступило распоряжение доставить разведчика в Ярославль. Там он проживал некоторое время, затем в сопровождении сотрудников госбезопасности был доставлен в Москву. Две недели потребовались для написания подробного отчета, а затем «Гейне» вышел в эфир и передал немцам первую дезинформацию, подготовленную Генеральным штабом.

Первые четыре месяца органы госбезопасности сознательно избегали ставить перед немцами какие-либо вопросы. Только в августе 1942 года им было передано, что имеющийся у организации «Престол» передатчик пришел в негодность и требует замены. Вскоре в Москву пожаловали курьеры абвера. 24 августа 1942 года они пришли к тестю «Гейне», а затем встретились и с ним. Курьерами оказались предатели Станкевич и Шакуров. Они вручили «Гейне» новую рацию, батареи, блокноты для шифрования и деньги. Одеты они были в советскую военную форму и прибыли в Москву для совершения диверсий. К вечеру Эйтингоном был отдан приказ усыпить курьеров. Пока курьеры спали, их сфотографировали, обыскали, заменили патроны в револьверах на холостые. Утром им дали возможность погулять по Москве под плотным наружным наблюдением, а затем одного из них арестовали на вокзале, когда он пытался подсчитать воинские эшелоны. Второй курьер был арестован на дому у женщины, с которой он успел познакомиться.

«Гейне» сообщил немцам по радиации, что Станкевич и Шакуров благополучно прибыли, но новую рацию не доставили, так как она якобы была повреждена при приземлении. 7 октября 1942 года абвер забросил еще двух курьеров, которые без лишнего шума были арестованы органами госбезопасности. «Гейне» проинформировал немцев, что и эти курьеры благополучно прибыли и приступили к выполнению задания. В дальнейшем радиоигра с немцами велась по двум линиям: по радиостанции «Гейне» от имени монархической организации «Престол» и по радиации прибывших 7 октября 1942 года диверсантов, которые были перевербованы органами государственной безопасности. Руководство 4-го управления учитывало тот факт, что прибывшие первыми агенты Станкевич и Шакуров имели указание вернуться назад. Было принято решение скомпрометировать одного из них. «Гейне» сообщил немцам по радио, что Шакуров «трусит, много пьет и становится для нас опасным». Абвер приказал его ликвидировать.

12 октября 1942 года немцы предложили «Гейне» передать сведения о месте работы членов организации «Престол». Агент ответил, что члены его организации работают в Москве и некоторых других городах. Абвер интересовало наличие членов организации в Ярославле, Муроме и Рязани. Немцы потребовали переслать им адреса и пароли для связи с этими лицами. Чтобы не вызвать подозрений немцев, им было сообщено, что в названных городах организация «Престол» своих людей не имеет, однако располагает возможностью принять курьеров в Горьком. Немцы запросили адрес явочной квартиры и пароль. Игра с гитлеровской военной разведкой расширялась. Абвер высоко оценил работу «Гейне». 18 декабря 1942 года «Гейне» была передана шифровка из Берлина о том, что он и Станкевич (к этому времени он был перевербован советской контрразведкой и также принимал участие в операции «Монастырь») награждены немецкими орденами.

Вскоре «Гейне» информировал немцев, что его организация приобрела еще одну явочную квартиру. На самом деле в ней проживал сотрудник НКВД. Курьеры абвера все чаще прибывали в Советский Союз. Их встречали не только в Москве, но и в других городах, в том числе в Горьком, Свердловске, Челябинске, Новосибирске. Одному из курьеров даже разрешили вернуться обратно, чтобы подтвердить немцам, что организация «Престол» работает под контролем абвера.

Радиостанции «Гейне» и Станкевича продолжали передавать «важную стратегическую информацию», которая на самом деле готовилась в Генеральном штабе Красной Армии с целью дезинформации германского военного командования. Среди таких сведений, передаваемых за линию фронта, были донесения о «важнейших решениях» Ставки, данные о совещаниях у маршала Шапошникова и другая информация. Шифровки «Гейне» высоко ценились в отделе «Иностранные армии Востока» германского Генерального штаба и учитывались при планировании операций на Восточном фронте.

«Гейне» активно передавал выгодные советскому командованию сведения о железнодорожных перевозках воинских частей, боеприпасов и военного снаряжения. Для подтверждения фактов о якобы проведенных организацией «Престол» диверсиях чекистами были организованы соответствующие публикации в прессе. Приходилось даже имитировать акты вредительства на железных дорогах страны, в частности, под городом Горьким. В отдельных случаях, когда это было выгодно советскому командованию, «Гейне» передавал немцам и настоящую информацию. В ее подготовке принимал участие сотрудник Оперативного управления

Генеральной штаба генерал Сергей Штеменко.

Накануне контрнаступления под Сталинградом Ставка Верховного командования довела до немцев стратегическую дезинформацию относительно направления главного удара Красной Армии на Западном фронте. При разработке плана контрнаступления под Сталинградом 13 ноября 1942 года Сталин пригласил в Кремль членов Политбюро и членов Государственного Комитета Оборона. На этом совещании присутствовали также генералы Василевский и Жуков. При обсуждении плана контрнаступательной операции Жуков и Василевский обратили внимание присутствующих на то, что германское командование может перебросить в район Сталинграда на помощь группировке Паулюса часть своих войск из района Вязьмы. Чтобы этого не случилось, необходимо было дезинформировать германское командование относительно направления удара Красной Армии, сделав вид, что наступление на советско-германском фронте планируется осуществить в районе Ржевского выступа.

На Жукова возлагалась задача подготовить наступление Калининского и Западного фронтов, чтобы убедить немцев, что именно здесь наносится главный удар. Действительно, появление Жукова на Западном фронте дезориентировало немецкое военное командование, которое сочло, что именно здесь Красная Армия планирует перейти в контрнаступление. Более того, сосредоточение стратегических резервов Красной Армии в районе Москвы также укрепило немцев в этой мысли. На самом деле задача Жукова была более скромной— сковать силы немцев на этом участке советско-германского фронта. Для перехода в контрнаступление у него не было достаточных сил и средств.

Германское командование стало срочно усиливать группировку своих войск в районе Ржевского выступа. Предупреждение «Гейне» о том, что Красная Армия готовит удар именно под Ржевом, немцы предприняли меры по его отражению, а с началом Сталинградской наступательной операции оказались не в состоянии перебросить из-под Ржева войска на помощь окруженной группировке фельдмаршала Паулюса. Сражение под Ржевом носило ожесточенный и затяжной характер, хотя контрнаступления здесь, как уже отмечалось, не планировалось. В наши дни отдельные средства массовой информации пытаются доказать, что Жуков-де не был великим полководцем, поскольку под Ржевом он потерпел поражение. Как мы видим, Жуков сумел блестяще выполнить поставленную перед ним задачу, сковав в районе Ржевского выступа немецкие войска, и тем самым способствовал их разгрому под Сталинградом.

Интересно отметить, что стратегическая дезинформация, переда-

вавшаяся советскими разведчиками для гитлеровского командования в ходе операции «Монастырь», подчас возвращалась в органы госбезопасности от их источников в абвере и британской разведке. Так, в 1942 году внешней разведкой был завербован в одной из оккупированных немцами стран руководитель шифровальной службы абвера полковник Шмидт. До своего провала он успел передать ряд ценных разведывательных материалов абвера, полученных из Москвы. При их анализе было установлено, что речь шла об информационных сообщениях «Гейне».

Кроме того, британская разведка, имевшая свою агентуру в абвере, также получала по своим каналам материалы «Гейне», которые возвращались в Москву в виде агентурных донесений от члена «кембриджской пятерки» Энтони Бланта. Англичане настолько уверовали в то, что абверу удалось завербовать агента в окружении маршала Шапошникова, что даже Черчилль сообщил Сталину в 1943 году, что в Генштабе Красной Армии есть немецкий агент.

Оперативная игра «Монастырь» продолжалась до конца Великой Отечественной войны. В ходе операции органами государственной безопасности было арестовано более 50 агентов абвера и семь пособников немцев, а также получено несколько миллионов рублей на деятельность легендированной организации «Престол». Руководители операции Павел Судоплатов и Наум Эйтингон были награждены орденами Суворова 2-й степени, Александр Демьянов — орденом Красной Звезды, а его жена Тамара и тесть Борис Березанцев — медалями «За боевые заслуги».

Но это было уже в ноябре 1945 года. А пока кровопролитная война продолжалась. Во время операции «Монастырь» агентуре 4-го управления не удалось проникнуть в Берлин. И Сталин предложил Судоплатову и Эйтингону расширить рамки радиоигры. Чекисты думали вновь направить «Гейне» за линию фронта. Сам «Гейне» предлагал направить члена организации «Престол» переводчика Красной Армии в лагерь немецких военнопленных с тем, чтобы в дальнейшем организовать его «побег». Явившись к немцам, этот переводчик должен был создать условия для более активной связи «Гейне» с абвером. А пока в очередной шифровке «Гейне» информировал немецкую разведку о том, что он переведен из группы связи Генштаба Красной Армии в технические части с присвоением звания инженер-капитана.

Операция «Березино»

Летом 1944 года «Гейне» был командирован в освобожденный Минск. Вскоре он сообщил в Москву о том, что, по некоторым сведениям, в белорусских лесах скрываются попавшие в окружение разрозненные группы немецких солдат и офицеров, что соответствовало действительности. После осуществления операции «Багратион» остатки разгромленных немецких частей выходили на магистральные шоссе, складывали оружие и сдавались в плен.

Это обстоятельство было использовано руководством 4-го управления для продолжения радиоигры с немцами. По согласованию с Генштабом было решено довести до немецкого командования информацию о том, что в тылу Красной Армии действуют остатки немецких войск, попавшие в окружение. Замысел заключался в том, чтобы побудить немцев использовать свои ресурсы на поддержку этих частей.

18 августа 1944 года через радиостанцию легендированной организации «Престол» «Гейне» информировал немцев о том, что в Белоруссии в районе реки Березина скрывается крупная немецкая воинская часть численностью до 2000 человек, потерявшая связь со своим командованием и испытывающая нужду в продовольствии, медикаментах и боеприпасах. Немецкие солдаты и офицеры якобы стремятся прорваться за линию фронта. Командование вермахта приняло решение оказать помощь военнослужащим пробиться к своим. Так началась операция «Березино», явившаяся продолжением операции «Монастырь». Возглавлять операцию было поручено заместителю начальника диверсионно-разведывательного управления НКГБ СССР Науму Эйтингону.

По инициативе Эйтингона была сформирована специальная оперативная группа сотрудников 4-го управления НКГБ, которую направили в район Березино для создания ложной базы якобы действующей в тылу Красной Армии немецкой воинской части. Руководил группой майор Борисов. Помимо чекистов в оперативную группу были включены агенты-немцы, бывшие военнопленные, одетые в форму германской армии, 20 автоматчиков ОМСБОН и военнопленный немецкой армии подполковник Шерхорн, которому предстояло сыграть роль командира легендированной части.

Из оперативной справки:

«Подполковник Генрих Шерхорн, кадровый офицер, по профессии администратор коммунального имущества. Член НСДАП с 1933 года. Командовал охранным полком одной из дивизий, входивших в состав группы немецких армий "Центр". Взят в плен 9 июля 1944 года в районе Минска. В период пленения был настроен пессимистично, в победу

Германии не верил.

Завербован органами государственной безопасности. Оперативный псевдоним — "Шубин"».

На роль командира легендированной части Шерхорн был выбран в связи с тем, что его охранный полк и он сам были мало известны в вермахте, что позволяло Центру использовать его в оперативной игре с противником.

Специальная оперативная группа оборудовала расположение легендированной немецкой части во главе с Шерхорном на бывшей партизанской базе на восточном берегу озера Песочное, у деревни Глухое Червенского района Минской области.

Получив телеграмму «Гейне», германское командование первоначально планировало использовать подразделение известного диверсанта Отто Скорцени, который хотел под видом рабочих батальонов военнопленных передислоцировать свой отряд к линии фронта со стороны советских войск и ударить в тыл частям Красной Армии. Однако на начальном этапе от этого варианта решили отказаться.

25 августа 1944 года «Гейне» получил ответную телеграмму следующего содержания:

«Благодарим за ваши сообщения. Просим связаться с этой немецкой частью. Мы намерены сбросить для них различный груз. Мы также могли бы послать радиста, который мог бы оттуда связаться со здешними руководящими органами. Для этого мы должны знать местонахождение этой части, чтобы наш радист мог найти ее, и место, подходящее для сброски груза.

Этой части нужно было бы сообщить о прибытии к ним радиста, чтобы он не был задержан этой частью, так как придет в обмундировании Красной Армии.

Пароль — Ганновер».

В тот же день в район озера Песочное для руководства операцией на месте выехала группа из шестнадцати опытных оперативных сотрудников 4-го управления НКГБ во главе с Эйтингоном. В ее состав, в частности, входили полковники Маклярский, Мордвинов и Серсбрянский, а также майор Фишер, ставший в 1960-е годы известным под именем Рудольфа Абеля.

Вскоре «Гейне» передал немцам радиограмму об установлении контакта с воинской частью подполковника Шерхорна, сообщил его биографические данные. Об этом было доложено Гитлеру и Герингу. С их стороны было дано указание оказывать всемерную помощь отряду

Шерхорна боеприпасами, продуктами питания и медикаментами.

В ночь на 15 сентября 1944 года чекистами были задержаны два парашютиста, которые на допросе рассказали, что по приказу штаба группы армий «Центр» были направлены для установления связи с окруженной немецкой воинской частью. В дальнейшем немецкое командование неоднократно забрасывало своих военнослужащих в советский тыл для оказания помощи «немецкой группе в Белоруссии», регулярно направляло ей продовольствие и боеприпасы. Прибывавшие сотрудники абвера перевербовывались чекистами.

В конце сентября 1944 года командующему группой немецких армий «Центр» генерал-полковнику Рейнгарду была доложена информация, полученная от «Гейне». Согласно содержащимся в ней сведениям часть подполковника Шерхорна насчитывала 1500 человек, в том числе 200 русских — бывших полицейских, спасавшихся от возмездия. Отряд Шерхорна якобы был разбит на три группы в целях мобильности и скрытности действий. Группы под командованием майора Диттмана, подполковников Шиффера, Михаэлиса и Эккардта (на самом деле они были завербованы чекистами) продвигаются к линии фронта для соединения с частями вермахта.

С декабря 1944 года связь с вермахтом осуществлялась уже по трем каналам. Чтобы не допустить посадки немецких самолетов в районе дислокации легендированной части, «Гейне» по заданию Эйтингона направлял германскому командованию сообщения о мнимых боевых столкновениях отряда Шерхорна с подразделениями Красной Армии. В начале марта 1945 года «Гейне» радировал в абвер о выходе передовых групп части подполковника Шерхорна к границе с Литвой. Для обеспечения продвижения «соотечественников» в Восточную Пруссию командование вермахта направило Шерхорну своих агентов из числа поляков, которые по прибытии в СССР были арестованы сотрудниками НКГБ.

28 марта 1945 года подполковник Шерхорн получил телеграмму за подписью начальника штаба немецких сухопутных войск генерал-полковника Гудериана, в которой говорилось, что ему присвоено звание полковника и что он награжден Рыцарским крестом 1-й степени. Одновременно ему было приказано прорваться со своей частью через линию фронта, а затем следовать в Польшу и Восточную Пруссию. Однако войска Красной Армии стремительно продвигались на Запад, и «часть» Шерхорна никак не могла их «догнать».

1 мая 1945 года немцы сообщили Шерхорну, что Гитлер погиб, а 5 мая

по всем радиостанциям, участвовавшим в оперативной игре «Березино», немцы передали последнюю радиограмму:

«Превосходство сил противника одолело Германию. Готовое к отправке снабжение воздушным флотом доставлено быть не может. С тяжелым сердцем мы вынуждены прекратить оказание вам помощи. На основании создавшегося положения мы не можем также больше поддерживать с вами радиосвязь. Что бы ни принесло нам будущее, наши мысли всегда будут с вами, которым в такой тяжелый момент приходится разочаровываться в своих надеждах».

Это был конец оперативной игры. Из архивной справки по делу «Березино», составленной 8 марта 1947 года, следовало:

«Агентурное дело "Березино" заведено в сентябре 1944 года в целях радиоигры с немецкими разведорганами и верховным командованием германской армии о наличии якобы крупных соединений немецко-фашистских войск в районе Березино Белорусской ССР.

Для поддержания морального и боевого духа своих солдат и офицеров в советском тылу германское главное командование систематически перебрасывало в указанный район с самолетов свою агентуру и различные грузы.

Так, с сентября 1944 года по май 1945 года немцами в советский тыл было совершено 39 самолето-вылетов и выброшено 22 германских разведчика, которые были арестованы 4-м управлением НКГБ СССР, 13 радиостанций, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продовольствием и один миллион семьсот семьдесят семь тысяч рублей советских денег.

Агентурное дело "Березино" состоит из 117 томов и двух альбомов, в которых сосредоточены материалы, относящиеся к этому делу».

В начале 1950-х годов Генрих Шерхорн и его помощники из числа немецких военнопленных были освобождены и выехали на жительство в ГДР.

Александр Петрович Демьянов, как и до войны, жил в Москве и был связан с кинопрокатом. Скончался он в 1978 году и похоронен на Немецком кладбище.

5 ноября 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Науму Исааковичу Эйтингону за успешно проведенную операцию было присвоено звание генерал-майора.

* * *

В годы Великой Отечественной войны советская разведка инициировала в Советском Союзе начало работ по созданию атомного оружия. В феврале 1945 года ею была получена информация о наличии запасов высококачественного урана в районе города Бухово в Болгарии, находившейся под контролем Красной Армии. Руда из Бухова была использована при пуске первого советского атомного реактора. Советским руководством было принято решение обеспечить охрану этого района войсками НКВД. Спецслужбы США, узнавшие об этом, стали разрабатывать план диверсий, чтобы сорвать поставки урановой руды в Советский Союз. Руководство внешней разведки направило Наума Эйтингона в Болгарию с целью срыва диверсионных планов наших недавних союзников. Однако к тому времени в СССР были найдены более крупные месторождения урановой руды. Чтобы скрыть от американцев этот факт, Эйтингон провел в Болгарии широкие дезинформационные мероприятия, направленные на создание у них впечатления, будто Советскому Союзу крайне необходим болгарский уран. Эти действия отвлекли силы и средства американской разведки от советского ядерного проекта.

В конце 1946 года Эйтингон получил новое задание руководства разведки. Он был направлен в китайскую провинцию Синьцзян (Восточный Туркестан) для оказания помощи китайским коммунистам в установлении полного контроля над этой провинцией. Дело осложнялось тем, что дубань (правитель) Синьцзяна Шен Шицзяй получил в свое время от Советского Союза крупную партию вооружения, включая авиацию, для борьбы против японских интервентов. Но, когда китайские коммунисты очистили север страны от японцев, Шен Шицзяй переметнулся на сторону Чан Кайши. В Синьцзяне развернулось мощное сепаратистское движение мусульман-уйгуров, которым оказывали активную поддержку британская разведка и режим Чан Кайши. На помощь органам безопасности компартии Китая в подавлении сепаратистского движения и прибыл Эйтингон. Совместно с китайскими коммунистами ему удалось создать диверсионные группы, общее руководство которыми осуществлял Герой Советского Союза Николай Прокопюк. Эти группы эффективно противодействовали мятежникам. В итоге к 1949 году, когда Наум Эйтингон был уже в Москве, уйгурские сепаратисты потерпели полное поражение.

В 1947 году генерал-майор Эйтингон был вновь назначен заместителем П.А. Судоплатова, возглавлявшего отдел по диверсионной работе за границей. В послевоенные годы ему пришлось принимать активное участие в разработке и реализации оперативных мероприятий, в частности,

по ликвидации литовских националистических бандформирований.

Следует отметить, что в конце 1940-х годов в Прибалтийских республиках, освобожденных Красной Армией от немецко-фашистских оккупантов, было неспокойно. Здесь орудовали банды националистов, которые получали широкую помощь, в том числе военную, от спецслужб Великобритании и С1LLA. В Литве активно действовала так называемая Литовская освободительная армия, руководимая Верховным комитетом освобождения Литвы. С 1944 по 1956 год литовские «лесные братья» убили 25 тысяч человек, 23 тысячи из которых были их соотечественниками. В эту республику неоднократно выезжал Эйтингон. Под его руководством литовские чекисты разработали и реализовали ряд успешных агентурных комбинаций по образцу операций «Трест» и «Синдикат».

В конце 1940-х годов британская разведка МИ-6 разработала долгосрочную операцию «Лиотэ», направленную на разложение населения стран социализма, в первую очередь — СССР. Автором операции «Лиотэ» был заместитель директора МИ-6 полковник Валентайн Вивьен. Для подрывной работы против СССР на территории Западной Украины и в Прибалтике в рамках МИ-6 был создан специальный отдел «Нора» во главе с британским подданным русского происхождения Маккибином. Помимо засылки в Прибалтику и Западную Украину вооруженных агентов английских спецслужб из числа местных националистов, включая военных преступников, находившихся в международном розыске, а также поставок оружия и взрывчатки действовавшим там бандам террористов, отдел «Нора» занимался ведением «черной пропаганды» на Советский Союз с использованием аэростатов и воздушных шаров, начиненных листовками, а также организацией пропагандистских радиопередач на каналах Би-би-си.

В частности, в конце 1940-х годов отдел «Нора» осуществил заброску на территорию Западной Украины и в Литву организаторов националистического подполья Матвейко, Лукши и Охримовича. С помощью британских спецслужб в Западную Украину был также переброшен бывший гауптштурмфюрер СС Шухевич. Однако советская внешняя разведка через свои возможности в британских спецслужбах получила сведения на Шухевича и Йозаса Лукшу. С февраля 1951 года поиск Лукши в Литве осуществляли две специальные оперативные группы, в состав которых входили командированные из Москвы подчиненные Наума Эйтингона. Это агентурно-оперативное мероприятие продолжалось несколько лет. Генерал-майору Эйтингону пришлось трижды выезжать в Литву, чтобы на месте руководить ходом операции. В конце концов чекистам удалось заманить Йозаса Лукшу в засаду и уничтожить его.

В отчете руководству МТБ СССР от 19 января 1953 года министр госбезопасности Литвы генерал-лейтенант Петр Кондаков докладывал:

«Особенно положительные результаты в ликвидации бандитизма были достигнуты после применения таких форм агентурной работы, как создание агентурно-боевых групп, направленных против банд, оперативное использование тайно задержанных бандитов и их вербовка нашей спецагентурой в качестве легендированных представителей банд, штабов и центров сопротивления... В результате нам удалось взять под агентурный контроль самые серьезные организационные бандитские единицы, уничтожить организационную структуру оставшихся формирований, парализовать их активную террористическую деятельность».

18 апреля 1953 года министр госбезопасности Литвы сообщал в МТБ СССР, что чекисты его министерства за неполных четыре месяца этого года провели 240 агентурно-оперативных комбинаций, захватили 72 руководителя националистического подполья, из которых 18 были перевербованы, 23 националиста использованы для других оперативных целей, а остальные арестованы для предания суду.

После ликвидации бандформирований и уничтожения входивших в них военных преступников вооруженная борьба в республиках, занимавших западные территории СССР, постепенно приобрела характер законспирированного противоборства между спецслужбами националистов и стоявшими за ними МИ-6 и ЦРУ США и советской контрразведкой.

Помимо борьбы с националистами в Литве Эйтингону пришлось решать в те годы много других важных задач.

В сентябре 1950 года отдел, возглавляемый П.А. Судоплатовым, был преобразован в Бюро № 1 МГБ СССР. Эйтингон был утвержден заместителем Судоплатова. В его обязанности входила организация боевых операций против стратегических объектов вероятного противника в случае возникновения новой войны, включая американские ядерные объекты на территории Европы. Эйтингон занимался созданием строго законспирированных боевых агентурных групп за рубежом, закладкой тайников с оружием для этих групп, с тем чтобы в случае нападения на СССР Соединенных Штатов, которые планировали открытую агрессию против стран социализма, вывести из строя стратегические объекты на территории стран НАТО, организовать диверсии против военных складов и на транспортных коммуникациях.

Однако занимаемое Эйтингоном высокое положение и значительные успехи в работе не смогли уберечь его от серьезных неприятностей. К началу 1950-х годов обстановка в самом МГБ значительно осложнилась.

Еще в 1947 году было принято негласное решение руководства МГБ не принимать на офицерские должности в органы госбезопасности лиц еврейской национальности. Михаил Рюмин, ставший заместителем министра госбезопасности по следственной работе в результате разоблачения им так называемого «сионистского заговора в МГБ», состряпал очередное дело, на сей раз — «врачей-вредителей», которые якобы хотели убить Сталина.

В 1951 году, когда Эйтингон находился в командировке в Литве, была арестована его родная сестра, работавшая врачом. Ее приговорили к 10 годам тюремного заключения «за отказ лечить русских пациентов и содействие сионистскому заговору».

В сентябре 1951 года, возвратившись из очередной командировки в Литву, оказался за решеткой и сам Наум Эйтингон. Ему было предъявлено обвинение в том, что он обучал врачей-заговорщиков ведению террористических действий против Сталина и членов советского правительства. Санкцию на его арест дал сам Сталин.

Полтора года Наум Эйтингон провел в тюрьме. Виновным себя не признал. Из тюрьмы он вышел только после смерти Сталина в марте 1953 года. По распоряжению Берии Эйтингон был восстановлен в органах госбезопасности и в партии, ему возвратили все правительственные награды, он снова стал заместителем П.А. Судоплатова, возглавлявшего 9-й (разведывательно-диверсионный) отдел МВД СССР.

Однако в июне 1953 года Лаврентий Берия был арестован. Вслед за ним по «делу Берии» были арестованы Павел Судоплатов и Наум Эйтингон, а также ряд других ответственных сотрудников МВД СССР.

Эйтингон вновь оказался за решеткой. Четыре года он провел в Бутырской тюрьме без суда. В марте 1957 года Эйтингон был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к 12 годам лишения свободы. На заседании суда в последнем слове он сказал:

«Вы судите меня как человека Берии. Но я — не его человек. Если я чей-то, то считайте меня человеком Дзержинского. Но если быть более точным, то я — человек партии. Я выполнял ее задания и государственные. И с вами о них я говорить не буду. Я считаю, что моя жизнь не дороже государственных тайн, которыми я обладаю. А по вашим лицам я вижу, что вы уже все решили. Поэтому — молчу».

Свой срок Наум Эйтингон отбывал во Владимирской тюрьме, как говорится, «от звонка до звонка». На свободу вышел только 20 марта 1964 года. Эйтингону разрешили проживать в Москве вместе с семьей. Поскольку он свободно владел четырьмя иностранными языками, то

работал переводчиком, а затем — старшим редактором в издательстве «Международные отношения».

В середине 1970-х годов Эйтингон написал письмо председателю КГБ Ю.В. Андропову с просьбой о реабилитации. Но тогда его просьба не была удовлетворена, поскольку этому воспротивился «главный идеолог партии» Михаил Суслов. Во время пребывания Эйтингона в Литве между ним и Сусловым произошло столкновение, которое старый партийный догматик не забыл.

Наум Исаакович Эйтингон скончался 3 мая 1981 года, так и не дождавшись реабилитации. О его смерти ничего не сообщалось в печати. Похоронен он был на /Донском кладбище в Москве.

Посмертная реабилитация разведчика состоялась только в апреле 1992 года. А 9 мая детям Наума Исааковича Эйтингона были возвращены его награды — два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Суворова 2-й степени и Отечественной войны 1-й степени, два ордена Красной Звезды, а также медали.

Что касается МИ-6, против агентуры которой в Литве успешно боролся Наум Эйтингон, то сегодня ее сотрудники гордятся разработанной и осуществленной ими операцией «Лиотэ», которая, по их мнению, в конечном итоге вызвала раскол в советском обществе на националистической основе и привела к развалу Советского Союза. Правда, вины Эйтингона в этом нет.

Глава IX. ИСИДОР МИЛЬГРАМ: ПУТЬ НА ГОЛГОФУ

В конце февраля 1938 года начальник 8-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР старший майор госбезопасности Владимир Цесарский направил на утверждение высшего руководства страны список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР по первой категории (расстрел. — Авт.). В документе значились фамилии, имена, отчества четырех арестованных бывших сотрудников центрального аппарата НКВД, в том числе и Мильграма Исидора Вольфовича. Уже 5 марта на списке появилась проставленная рукой Сталина виза «За», далее следовали подписи — самого вождя, Вячеслава Молотова, Климента Ворошилова, Андрея Жданова.

Исидор Мильграм принадлежал к числу видных представителей первого поколения советских разведчиков. Он родился 15 декабря 1896 года в городе Калиш Калишской губернии (бывшая русская Польша). Отец его был рабочим, позже стал мастером на кружевной фабрике в Калише. С десяти лет там же трудился и Исидор—сначала подручным монтера, а затем — слесаря.

Когда немецкие войска оккупировали во время Первой мировой войны родной город Исидора, его угнали в Германию. Сначала он работал слесарем на угольной шахте в Саксонии, после этого — на берлинской городской железной дороге. Активно участвовал в рабочем движении, являлся членом Социал-демократической партии Германии. Одновременно с 1916 года состоял членом партии большевиков. Помогал Карлу Либкнехту в организации первомайской демонстрации 1916 года берлинского пролетариата на Потсдамской площади, прошедшей под лозунгом «Долой войну!» и привлекшей к себе всеобщее внимание. Однако Мильграма тогда арестовали, и несколько месяцев он провел в тюрьме. Затем был отправлен на принудительные работы на один из заводов Круппа в Рурской области, откуда бежал в Голландию.

С января 1917 года Исидор активно занимался профессиональной партийной работой в Роттердаме (Нидерланды), где вел агитацию среди военнопленных. В марте того же года женился.

Из воспоминаний жены И.В. Мильграма Фриды Францевны:

«Родилась я в Вильно в 1895 году. Отец был рабочим на мельнице, затем грузчиком на товарной станции. Мать работала на папиросной фабрике, а после появления детей стала домохозяйкой. В семье было пятнадцать детей, из которых шесть умерли малолетними.

Самый старший из братьев получил профессию гравера и в 1904 году эмигрировал в Америку. Следом за ним в 1905 году в Америку уехали еще трое братьев.

В 1905 году я пошла на работу, была ученицей портнихи. Не столько училась, сколько мыла полы, разжигала утюги, нянчила хозяйскую девочку, таскала в магазин готовую продукцию. Закончив ученичество, работала портнихой.

После начала войны и оккупации города немецкими войсками отец и я остались без работы. Семья сильно голодала.

На семейном совете решили, что я — старшая из оставшихся детей — должна поехать к братьям в Америку и побудить их помочь семье, спасти ее от голода. На мою дорогу продали все, что было возможно. Вместе с другими эмигрантами я прибыла поездом в Роттердам. Перед тем как отправиться дальше, всех эмигрантов пропустили через врачебный осмотр. Многим отказали во въезде в Америку. Я оказалась среди них — уж очень была худая и немощная. Нас хотели отправить назад, в Вильно, но мы категорически отказались. Тогда нас оставили в Роттердаме и стали лечить. Мы оказались на положении интернированных, в город нас не пускали. Лишь однажды мне с двумя подругами разрешили погулять в городском парке. Мы сидели на скамейке. Мимо проходили трое ребят, по виду — рабочие парни. Они говорили между собой на идише. Мы поняли, что они из России, так как голландские евреи не знают еврейского языка. Познакомились. Одним из них был Мильграм. Он помог мне найти профсоюз швейников, чтобы устроиться на работу, помог снять небольшую комнатку. Как только начала работать, накопила 20 гульденов и послала домой. В ответном письме мама сообщила, что отец умер. Я тяжело переживала смерть отца, заболела. Мильграм не отходил от меня. Мы подружились, а в марте 1917 года поженились».

После Октябрьской революции в России в Нидерландах также активизировалось революционное движение. Исидор Мильграм принимал в нем активное участие. В то время он часто менял работу: после каждого публичного выступления его увольняли как русского большевика. Выступал он на голландском и немецком языках (Исидор обладал большими способностями к изучению языков, позже овладел французским и английским).

В конце 1918 года голландские коммунисты получили сведения о том, что местные спецслужбы подготовили список подлежащих аресту русских большевиков, в который был включен и Мильграм. Он ушел в подполье, скрывался в Амстердаме, а затем выехал через Германию в Россию. Однако уже в начале января 1919 года был направлен Львом Караханом, бывшим в то время заместителем наркома по иностранным делам, в Нидерланды, с которыми Советская Россия еще не установила дипломатические отношения, с особыми поручениями НКВД РСФСР. 11 января на границе он был арестован.

Восемь месяцев содержался Мильграм в тюремной крепости Вириксреханса как «иностранец, представляющий угрозу общественному порядку и безопасности страны». В этот период он готовил покушение на заключенного в той же тюрьме убийцу Карла Либкнехта и Розы Люксембург лейтенанта Фогеля. Узнав об этом, местные власти приняли решение отправить Мильграма пароходом в Ревель (Таллин) для передачи в руки белогвардейцев генерала Юденича, но в Данциге ему удалось скрытно покинуть судно и добраться до Бельгии. Работал в Брюсселе слесарем на одном из местных заводов, занимался партийной деятельностью. Вскоре к нему перебралась и жена Фрида, которая также была арестована, содержалась в Нидерландах в концлагере и бежала из заключения. В начале июля 1920 года Исидор Мильграм с супругой вместе с другими политическими эмигрантами выехал в Советскую Россию.

Из воспоминаний жены И.В. Мильграма Фриды Францевны:

«Отъезд намечался морем из Антверпена довольно большой группой возвращенцев. Я вручную вышила золотом по красному сукну (шелк не нашли) советский герб — серп и молот в венке из колосьев. Хорошо помню: мы на пароходе, на причале толпа провожающих, а над старым русским кораблем с выписанным на борту названием "Царь" развевается наш красный флаг с золотым гербом. Сопровождающий нас бельгийский офицер потребовал у меня убрать флаг, так как, по его словам, на судне было введено военное положение. Разумеется, мы флаг не сняли, так под ним и пришли к русским берегам. Я этот флаг торжественно вручила советским представителям в городе Ямбурге.

Мы с Мильграмом приехали в Москву 23 июля в день открытия второй, московской части 2-го конгресса Коминтерна (первая его часть открылась 19 июля в Петрограде. — *Авт.*). Поселили нас в гостинице "Люкс" на Тверской улице, дом № 36. Мильграм сразу же пошел в Исполком Коминтерна и стал просить, чтобы его порекомендовали добровольцем на фронт».

Напомним, что с весны 1920 года Советская Россия вела войну с Польшей, и положение на театре военных действий складывалось в пользу поляков. В первые же недели наступления они захватили Житомир, а в мае взяли Киев и вышли на левый берег Днепра. ВЦИК, Совнарком и ЦК РКП (б) предпринимали энергичные меры для отражения агрессии: была объявлена срочная мобилизация в действующую армию членов партии и комсомольцев.

Просьба Мильграма о направлении на фронт была удовлетворена. 2 августа 1920 года заместитель управляющего делами ИККИ направляет в ЦК РКП (б) письмо за № 1843 следующего содержания (сохранен стиль оригинала):

«Исполком Коммунистического Интернационала посылает в Ваше распоряжение тов. Мильграма, члена Голландской коммунистической партии, вернувшегося из-за границы, как владеющего польским языком, согласно постановлению о мобилизации коммунистов, говорящих по-польски».

А уже на другой день, 3 августа, Исидор Мильграм получает на руки удостоверение, в котором говорится:

«Центральный Комитет РКП (б) командует тов. Мильграма И.В. в ПУР по партийной мобилизации для направления на Западный фронт в распоряжение Польского Бюро ЦК».

До середины декабря 1920 года Мильграм являлся сотрудником разведки штаба 4-й армии на Западном фронте, под фамилией Шмидт выполнял специальные разведывательные задания за кордоном.

Из воспоминаний жены И.В. Мильграма Фриды Францевны:

«Мильграм уехал на Западный фронт, а я осталась в Москве. Болела, голодала, готовилась рожать. Меня направили в НКВД, где я работала сначала в канцелярии Г.В. Чичерина, а потом, до отъезда на работу за границу в 1925 году, в отделе виз и дипкурьеров.

Мильграм вернулся из спецкомандировки в декабре 1920 года. Недолго проработал в НКВД, а затем ЦК направил его на работу в ВЧК. Весной 1921 года, уже как сотрудник ВЧК, он шел по льду на Кронштадт...»

После возвращения Мильграма в Москву Наркомат иностранных дел обратился в учетно-распределительный отдел ЦК с просьбой направить его на работу в НКВД, «как знающего иностранные языки». 29 декабря 1920 года Мильграм становится сотрудником дипломатического ведомства. Однако ненадолго.

8 марта 1921 года в ЦК партии поступило следующее письмо из ВЧК:

«Иностранный отдел ВЧК просит откомандировать в его рас-

поряжение, как крайне необходимого работника, тов. Мильграма, если особых препятствий не имеется».

«Особых препятствий» не имелось. Через несколько дней Исидор Мильграм был направлен на работу во внешнюю разведку. В свои 25 лет он уже был опытным подпольщиком, приобрел навыки нелегальной работы, свободно владел немецким, голландским, французским, английским и польским языками, знал идиш и эсперанто. Но перед тем как заняться непосредственно разведывательной работой за границей, Мильграму пришлось участвовать в боях при подавлении восстания в Кронштадте.

Справка из «Большой Советской Энциклопедии»:

«Кронштадтский мятеж — контрреволюционное выступление гарнизона Кронштадта и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота в марте 1921 года, организованное эсерами, меньшевиками, анархистами и белогвардейцами при поддержке империалистических стран и их спецслужб. Явился одной из серьезных попыток контрреволюции применить новую тактику "взрыва изнутри" Советской власти.

Мятеж отражал политические колебания российских мелкобуржуазных масс, усилившиеся в конце 1920 — начале 1921 года в связи с хозяйственной разрухой, голодом и другими бедствиями, вызванными Гражданской войной.

1 марта на митинге заговорщиков, состоявшемся на Якорной площади Кронштадта, была принята резолюция с требованиями свободы "левых социалистических партий", упразднения института комиссаров, свободы торговли и перевыборов Советов. Руководители мятежа выдвинули лозунг "Советы без большевиков", рассчитывая на переход власти к мелкобуржуазным партиям, что на деле означало бы свержение диктатуры пролетариата и создание условий для открытой белогвардейщины и реставрации капитализма.

Кронштадтский мятеж представлял большую опасность, так как в руках заговорщиков оказалась главная база Балтийского флота — ключ к Петрограду. В мятеже участвовало около 27 тысяч матросов и солдат. В их распоряжении было 2 линкора и другие боевые корабли, до 140 орудий береговой обороны, свыше 100 пулеметов.

ЦК РКП (б) и Советское правительство приняли экстренные меры для ликвидации мятежа. Постановлением Совета труда и обороны от 2 марта в Петрограде было введено осадное положение, а также восстановлена 7-я

армия под командованием Тухачевского. Однако первое наступление на Кронштадт, предпринятое 8 марта, окончилось неудачей.

Проходивший в это время в Москве 10-й съезд партии направил в 7-ю армию около 300 делегатов. Губкомы мобилизовали сотни ответственных работников, чекистов.

В ночь на 17 марта советские войска перешли по льду в наступление на Кронштадт и утром ворвались в город. После ожесточенных боев к утру 18 марта мятежники были разгромлены».

А первым ответственным заданием для Мильграма в Иностранном отделе ГПУ стала поездка в составе советской делегации, возглавляемой Максимом Литвиновым, на Гаагскую конференцию 1922 года.

Справка из «Большой Советской Энциклопедии»:

«Гаагская конференция — международная финансово-экономическая конференция, которая проходила в Гааге (Нидерланды) с 15 июня по 19 июля 1922 года.

Основными делегатами капиталистических государств на Гаагской конференции были главным образом представители деловых кругов.

В ходе Гаагской конференции планировалось обсудить претензии капиталистических стран к Советскому государству, связанные с национализацией собственности иностранных капиталистов и аннулированием долгов царского и Временного правительств, а также вопрос о кредитах Советской России.

Представители капиталистических стран, отвергнув все предложения советской делегации, направленные к международному сотрудничеству, отказались обсуждать на Гаагской конференции вопрос о кредитах; они настаивали на возвращении национализированного имущества его бывшим владельцам. Эти домогательства советская делегация решительно отклонила. Гаагская конференция не приняла, по существу, никаких решений».

Исидор Мильграм выехал в Нидерланды под фамилией Бильграмов. Интересно, что в хранящемся в Государственном архиве Нидерландов регистрационном журнале МИД страны за 1922 год в списке членов российской делегации на конференции против фамилии Исидора Вольфовича имеется приписка, сделанная от руки 4 июля 1922 года, по всей видимости, представителем местных спецслужб: «Бильграмов — Мильграм (?), провел 8 месяцев в крепости Вирикерсханса». Как видим, нидерландские пинкертонеры даром хлеб не ели. Однако Мильграм сумел успешно справиться с задачами, поставленными перед ним Москвой.

В 1923—1924 годах Исидор Мильграм находился на нелегальной

работе в Германии. Его нелегальная деятельность получила высокую оценку Центра. С конца 1924 года разведчик являлся помощником «легального» резидента ОГПУ в Греции. В стране находился под именем Оскара Миллера и под прикрытием должности сотрудника полпредства СССР. Добился конкретных вербовочных результатов.

Однако 29 декабря 1925 года Мильграм был схвачен сотрудниками Асфалии—греческой службы безопасности во время встречи с источником, выданным контрразведке провокатором—изменившим членом ЦК Компартии Греции. На квартире «Оскара Миллера» в присутствии жены и малолетнего сына был произведен тщательный обыск.

Вот что писали в то время по этому поводу местные газеты:

«Эestia» от 30.12.1925.

«Начальник специальной группы полиции безопасности майор жандармерии господин Гину начал следствие по делу арестованного коммунистического агента Оскара Миллера...

Арестованный имеет официальный русский паспорт. Однако он не будет освобожден. Поскольку Оскар Миллер не признал себя виновным, его будут судить...

Оскар Миллер по поручению своего Центра руководил деятельностью агентуры в Греции и, в частности, проник в Министерство иностранных дел, откуда получал копии важных международных документов...

Один из руководящих сотрудников Министерства иностранных дел также арестован и подвергается допросам».

«Скрип» от 30.12.1925.

«Вчера был арестован имевший русский паспорт Оскар Миллер, который обвиняется в шпионаже и коммунистической пропаганде.

В этой связи вчера в Политической канцелярии состоялось срочное совещание премьер-министра с начальником юридического отдела Первого армейского корпуса господином Буриди, начальником второго отдела Асфалии господином Гину и подполковником Янукакосом.

Совещание касалось вопроса об иностранной коммунистической пропаганде, которая определила центром своей деятельности Грецию».

«Эмброс» от 30.12.1925.

«В отношении начатого вчера преследования иностранных коммунистов, которые прибыли в страну в последнее время, стало известно, что арестованный Оскар Миллер считается одним из членов Центра коммунистической пропаганды на Балканах, перенесенного из Вены в Афины с тем, чтобы активизировать деятельность находящихся здесь различных агентов и агитаторов.

Аресты иностранных пропагандистов произошли и в Салониках».

«Эмброс» от 31.12.1925.

«Продолжаются допросы, проводимые начальником отдела Асфалии господином Гину по вопросу о коммунистической пропаганде. Сотрудники данного отдела ищут уже четырех армян — агентов большевизма, которые приехали в Грецию в последнее время.

Арестованный Оскар Миллер считается, как мы уже вчера писали, одним из главных деятелей широкомасштабной коммунистической пропаганды, которому удалось проникнуть даже в Министерство иностранных дел, из которого он хотел получать секретные документы.

Для достижения данной цели Оскар Миллер пытался вступить в контакт с различными лицами, в том числе с директором общего архива МИД господином Стефану, во время встречи с которым он и был арестован».

«Скрип» от 31.12.1925.

«Первый армейский корпус передал вчера второму отделу Асфалии документ, в котором указывается на необходимость ареста различных агентов коммунистической пропаганды. Однако, вплоть до вечера, несмотря на все старания сотрудников этого отдела, арестовать преследуемых агентов не удалось.

По имеющимся у нас компетентным сведениям не подтверждается появившееся в газетах сообщение об аресте по стране десятков агентов-коммунистов и об отправке их в Афины.

Также опровергается и сообщение, в соответствии с которым якобы

были конфискованы компрометирующие документы у арестованного русского коммуниста Оскара Миллера...

Если в течение допросов выявятся компрометирующие данные, то в таком случае он будет осужден военным трибуналом.

Вторым отделом Асфалии арестован также и сотрудник Министерства иностранных дел господин Стефану, также обвиняемый в коммунистической пропаганде. В ходе проведенных допросов компрометирующих его данных пока не выявлено».

Три месяца Мильграм провел в тюрьме, где подвергался интенсивным допросам. Затем состоялся его обмен на второго секретаря греческого посольства, арестованного в Москве. По сути, это была первая подобная акция в только начинавшей отсчет времени истории советской внешней разведки.

Из воспоминаний сына И.В. Мильграма Леонида Исидоровича:

«История ареста отца — одно из моих ранних воспоминаний: обыск в квартире, где мы жили, посещение тюрьмы...

Когда отца арестовали, нашей семьей занимался консул Павловский. Я, пятилетний ребенок, еженедельно вместе с консулом и матерью ездил на свидание к отцу в тюрьму. Как я теперь понимаю, меня использовали в виде "почтового ящика": предварительно в кармашек моего пальто закладывалась записка с информацией и инструкциями, которую отец затем забирал. Однажды привезли ему подушки и одеяло — отец сидел в холодной и сырой камере.

Помню, когда отца освободили и на следующий день нас привезли в порт Пирей на советский пароход, отец на радостях (да и силушка играла — застоялся) схватил в охапку капитана судна и с возгласами "Спасен!" стал подбрасывать его в воздух».

Поведение разведчика в заключение было признано Центром «мужественным и исключительно достойным».

В апреле 1926 года по поручению руководства ОГПУ Исидор Мильграм сопровождал Льва Троцкого и его жену, которые выезжали нелегально на лечение в Германию. Через десять лет это задание Москвы станет «неопровержимым фактом» приверженности Мильграма к троцкизму, хотя сам «демон революции», рассказывая об этой поездке в своей книге «Моя жизнь», написал: «Дзержинский послал со мной своего человека».

Из воспоминаний Леонида Мильграма:

«По словам матери, отношения между Троцким и отцом были прохладными. Думаю, что это было связано не столько с политическими

мотивами (отец никогда не был троцкистом и не голосовал за его платформу), сколько с личностной разницей и дистанцией. С одной стороны — один из великих вершителей судеб революции, человек с избыточным чувством собственной значимости и с изрядной долей снобизма, а с другой — "человек Дзержинского", обычный опер.

К тому же отец не умел "гнуть спину" и для него отношение к человеку не определялось его должностным положением. Вспоминаю: позже, когда появились публикации о Сталине как об "отце родном", а славословия в его адрес поднялись на небывалую высоту и я, пацан, тоже заразился этим, то услышал от отца: "Руководитель — да, вождь — да, но не отец родной"».

В середине 1926 года Исидор Мильграм был назначен «легальным» резидентом ИНО ОГПУ в Шанхае. Работал там под прикрытием должности вице-консула, а затем — генерального консула и под фамилией Мирнер. Позже был переведен на работу в Пекин и по прикрытию стал заместителем начальника консульского отдела полпредства.

Исидору Вольфовичу пришлось работать в Китае в исключительно сложное время. В результате начавшейся в середине

1925 года буржуазно-демократической революции, объединившей национальную буржуазию, мелкую городскую буржуазию, рабочих и крестьянство, в трех провинциях на юге страны была установлена революционная власть Национального правительства. К концу

1926 года Национально-революционная армия (НРА) освободила еще четыре основные китайские провинции. В начале 1927 года восставшие рабочие освободили Шанхай, в который затем вступили части НРА.

Однако напуганная размахом революционного движения рабочих и крестьян национальная китайская буржуазия предала революцию. Уже 12 апреля 1927 года при ее поддержке правое крыло гоминьдана (Национальной партии), возглавляемое главнокомандующим

НРА Чан Кайши, организовало в Шанхае и Нанкине контрреволюционные перевороты. Через два месяца контрреволюционный переворот произошел в Ухани. Компартия Китая была объявлена вне закона, профсоюзы и крестьянские союзы распущены. В стране начался разгул контрреволюции и сепаратизма, направленный на ее расчленение.

Политические события в Поднебесной крайне тревожили Москву. Политика советского руководства базировалась на стремлении сохранить Китай как единое государство и оказании помощи прогрессивным силам страны в урегулировании межнациональных отношений. Информация по данным вопросам являлась приоритетной в деятельности резидентур

внешней разведки в Китае, которых к 1927 году насчитывалось семнадцать.

Одновременно советская внешняя разведка своими силами активно противодействовала настойчивым попыткам спецслужб ряда стран, в первую очередь Японии, создать на территории Китая ряд марионеточных государств наподобие Маньчжоу-Го.

В официальных материалах СВР по этому поводу, в частности, указывается:

«Резидентуры не только обеспечивали Центр информацией о намерениях Японии в военной, политической и экономической областях, но и предпринимали конкретные действия по нейтрализации и срыву попыток Токио дезинтегрировать Китай, который к середине 1930-х годов оказался разделенным на несколько частей.

Деятельность резидентур внешней разведки в Китае объективно содействовала усилиям патриотических кругов этой страны по созданию необходимых усилий для объединения государства и достижения победы в борьбе за свою свободу и независимость».

Немалый вклад в решение общих задач по Китаю внесли и резидентуры, руководимые Исидором Мильграмом.

Видный современный китаист Виктор Усов в одной из своих последних работ отмечал, что Шанхай, в котором Мильграм начинал свою деятельность в Китае, являлся в то время крупнейшим промышленным и пролетарским центром страны. Одновременно он был также узлом межимпериалистических противоречий и базой иностранного господства в Китае. Город состоял из просторной и благоустроенной территории Международного сэттельмента и Французской концессии и тесного, скученного до предела китайского города. Среди иностранного населения Шанхая начала 1920-х годов самой большой и влиятельной была английская колония, затем шли французы, американцы, немцы. Замкнутой и тесно сплоченной колонией жили японцы. Такой Шанхай был крайне удобен для связей с внешним миром и для ведения там разведывательной работы.

Другой известный китаевед советского периода Сергей Далин, неоднократно посещавший Китай по заданию Коминтерна в 1921— 1927 годах, в своей книге «Китайские мемуары» рассказывает:

«В очередной раз я прибыл в Шанхай в конце августа 1926 года. Обстановка в городе была крайне напряженной. Английская секретная полиция в иностранной части Шанхая усилила слежку за советскими людьми, занималась провокациями, вела тщательное наблюдение за советским консульством. Начальником английской тайной полиции в

Шанхае был некий Гивенс, изучивший русский язык. К его услугам были многочисленные русские белогвардейцы, готовые пойти на любую антисоветскую акцию...

Жил я в Шанхае уже дней десять—пятнадцать и как-то днем возвращался домой. Я был уже недалеко от того места, где нужно было свернуть на улицу, на которой находилась моя квартира. Вдруг из стоящего у тротуара автомобиля выскочил человек, схватил меня за руку и втащил в машину. Сам он сел за руль, и мы помчались вперед.

Я сразу же его узнал. Это был сотрудник нашего советского консульства Исидор Мильграм (автор называет резидента настоящей фамилией, по-видимому, в связи с тем, что через несколько лет они встретились в Москве и подружились. — *Авт.*). Насколько я мог понять, он занимался предотвращением антисоветских акций белогвардейцев против нашего консульства и немногочисленной группы советских граждан, проживавших в Шанхае. Мильграм сообщил мне, что только что Гивенс подписал ордер на мой арест. Поводом для этого послужила вышедшая в Москве незадолго до отъезда в Китай моя книга "В рядах китайской революции".

Оказывается, не успел Гивенс подписать ордер, как об этом уже стало известно Мильграму. Он позвонил по телефону ко мне домой, узнал, что меня нет, и, предполагая, что я должен вернуться к обеду, решил перехватить меня на улице, ибо полиция могла в любой момент явиться на квартиру. Было очевидно, что полиции стало известно о моем пребывании в Шанхае от какого-то студента-гоминьдановца, желавшего поехать учиться в Университет имени Сунь Ятсена (Далин преподавал в те годы на восточном факультете университета. — *Авт.*). Много таких студентов обращались ко мне с просьбами направить их для этой цели в Москву.

Мильграм отвез меня в какой-то дом, провел в мансарду, рекомендовал не выходить оттуда. До этого случая я его, по существу, не знал. Как-то в консульстве нас познакомили, но больше мы не встречались. Не знал, кто он, когда приехал в Шанхай. И даже теперь не задавал ему таких вопросов.

Лишь спустя шесть лет я встретил его в Москве в Институте красной профессуры, мирового хозяйства и мировой политики.

Более десяти дней прятал меня Мильграм в получердачном помещении, заботился о моем пропитании, а затем, как говорится, в один прекрасный день явился ко мне, отвез на своей машине на шанхайскую пристань и посадил на пароход, отплывавший в Кантон.

Чувство благодарности к Исидору Мильграму сохранилось у меня на всю жизнь. До сих пор стоит перед глазами образ этого мужественного и

отважного человека».

Через некоторое время после описанных выше событий Мильграм был переведен на работу в Пекин.

В ночь на 6 апреля 1927 года группа китайских солдат и полицейских при содействии местной охраны посольских кварталов и с ведома послов ведущих западных стран учинила погром в советском полпредстве в Пекине. Резидент Мильграм проявил исключительные стойкость и мужество. Благодаря его усилиям удалось освободить арестованных китайцами в жилом комплексе полпредства советских граждан и отправить их на Родину. Вместе с ними в июле 1927 года в Москву возвратился и Мильграм.

В 1928 году Исидор Вольфович был направлен для выполнения специальных разведывательных заданий в постоянное представительство ОГПУ в Минске. На XII съезде коммунистической партии Белоруссии он был избран членом Центральной контрольной комиссии. Из Минска разведчик вновь выехал на нелегальную работу в Германию, где находился более девяти месяцев, главным образом—в Дрездене. За достижение конкретных результатов был награжден именованным пистолетом марки «Зауэр».

С января 1930 года по сентябрь 1934 года Мильграм являлся слушателем Института красной профессуры. Одновременно преподавал специальные дисциплины в Высшей школе ОГПУ.

В сентябре 1934 года перешел на работу в Академию наук СССР, став ученым секретарем Института экономики.

Исидор Мильграм был этакой человеческой глыбой. Он не только выделялся внешне (рост под два метра, необычная физическая сила), но и в любой компании был заводилой, лидером. Его любили и уважали. В то же время он обладал довольно резким характером и абсолютной бескомпромиссностью. Безусловно, Мильграм имел не только друзей, но и недругов, которые не преминули воспользоваться ситуацией 1937 года.

В начале 1937 года в «компетентные органы» поступило подметное письмо с обвинениями успешного разведчика в антисоветской деятельности и приверженности троцкизму. Что же произошло дальше? На основании имеющихся в нашем распоряжении копий документов того периода предлагаем читателю проследить за тем, как раскручивался маховик репрессий.

В феврале 1937 года Киевский райком ВКП (б) города Москвы исключил Мильграма из рядов партии «за сокрытие своей прошлой троцкистской деятельности». 31 марта Партколлегия Комитета партийного

контроля при ЦК ВКП (б) по Московской области подтвердила решение Киевского райкома партии. В выписке из протокола ее заседания отмечалось:

«...установлено, что Мильграм на чистках и при обмене партдокументов скрыл свою троцкистскую деятельность, хранил у себя на квартире контрреволюционную книгу Троцкого "Моя жизнь", читал ее в 1933 году группе лиц, присутствовавших у него на вечеринке, а также давал читать ее своему соседу по квартире некоему Киселеву.

До последнего времени хранил у себя фотокарточку, на которой он снят вместе с Троцким (вспомним поездку Мильграма в Германию вместе с Троцким. —*Авт.*).

Партколлегия подтверждает решение Киевского райкома ВКП (б) об исключении Мильграма из рядов партии, как не оправдавшего ее доверия и за неискренность».

7 мая 1937 года выписка из протокола заседания Партколлегии направляется в ЦК ВКП (б), а 12 мая следует арест Мильграма. Начинается нескончаемая череда допросов.

Позже, в документе Военной коллегии Верховного суда СССР от 21 июня 1988 года будет отмечено:

«На предварительном следствии Мильграм Исидор Вольфович категорически отрицал свою виновность в проведении какой бы то ни было антисоветской деятельности и не дал ложных показаний, которые могли бы использоваться для клеветнического обвинения других лиц».

От себя добавим, что Мильграм не оговорил ни одного человека, не подписал признания ни в одном обвинении. В тех условиях и при тех методах ведения следствия это был очень редкий случай, поступок очень сильного человека.

Предварительное следствие близилось к завершению.

10 марта 1938 года состоялось заседание «тройки» в составе наркома внутренних дел СССР, прокурора СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда СССР, которая на основании материалов предварительного следствия приговорила И.В. Мильграма к высшей мере наказания — расстрелу. Ему было предъявлено обвинение в троцкистской деятельности, «направленной на ведение борьбы против руководства компартии Германии, Коминтерна и ВКП (б)». Мильграм обвинялся также в шпионаже в пользу Германии.

В тот же день председатель Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюрист Василий Ульрих собственноручно написал и направил коменданту НКВД служебную записку, в которой потребовал «немедленно

привести в исполнение приговоры Военной коллегии Верховного суда СССР в отношении осужденных к расстрелу» девятнадцати человек. Семнадцатым в списке числился Мильграм. Вечером того же дня на документе появилась справка коменданта НКВД, свидетельствующая, что приговоры в отношении указанных в списке осужденных «приведены в исполнение в городе Москве 10.3.1938 года».

Из воспоминаний сына И.В. Мильграма Леонида Исидоровича: «Чтобы узнать что-либо о судьбе арестованного, надо было выстоять длинную очередь в приемной НКВД па Кузнецком мосту, дом № 24. Очередь была своеобразная — в ней было много знакомых между собой людей. Я встречал в ней и одноклассников (в моем школьном выпуске из двух классов 13 учеников остались без родителей), и ребят, с которыми вместе бывал в пионерских лагерях для детей сотрудников ОГПУ.

Спустя годы следует подчеркнуть, что никто из моих знакомых — детей "врагов народа" не пытался уйти от армии и тем более от фронта. Воевали честно — так были воспитаны: любили свою страну, верили в великую идею. Каждый считал, что его родители— те самые щепки, которые летят при рубке леса.

В окошке приемной на Кузнецком неподвижно-безразличное лицо изрекало, где содержится арестованный.

Целый год ходил я в эту очередь и передавал разрешенную сумму денег (по-моему, 30 рублей). Прием денег означал, что отец жив, и поддерживал надежду на скорое его возвращение.

Через год услышал спокойно-безразличное: "Десять лет без права переписки". И только уже на фронте узнал от уполномоченного "Смерша" в моей части капитана Лазарева, что "без права переписки" означает срок вечности, расстрел...

В 1955 году я получил единственную—посмертную—весточку от отца из внутренней тюрьмы.

Меня разыскал в Москве и пригласил к себе муж А.М. Панкратовой, который вернулся из заключения и жил у своей жены — члена ЦК, академика — без реабилитации и без прописки.

Он рассказал мне, что отец, с которым он сидел в одной камере, держался в тюрьме с достоинством, старался поддержать сокамерников, помочь им своим советом.

Это была единственная весточка "оттуда". Жалею, что не записал в ту пору этот разговор подробно».

7 апреля 1956 года Исидор Вольфович Мильграм был посмертно реабилитирован. В определении Военной коллегии Верховного суда СССР,

в частности, говорилось:

«Проведенным дополнительным расследованием военной прокуратурой установлено, что Мильграм был осужден необоснованно, так как объективных доказательств, подтверждающих его вину, в материалах дела нет.

В партийных архивах никаких данных об антипартийном поведении Мильграма нет.

Органы государственной безопасности материалами о принадлежности Мильграма к агентуре иностранных разведок не располагают.

Лица, знавшие Мильграма, характеризуют его как честного и принципиального коммуниста.

Проверив материалы дела и материалы дополнительного расследования и усматривая, что Мильграм осужден необоснованно, Военная коллегия Верховного суда СССР определила:

Постановление НКВД СССР, прокурора СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда СССР от 10 марта 1938 года в отношении Мильграма Исидора Вольфовича отменить и дело о нем в уголовном порядке производством прекратить за отсутствием состава преступления».

А 22 сентября 1956 года бюро Московского городского комитета КПСС приняло постановление «считать Мильграма И.В. в партийном порядке полностью реабилитированным».

Так сложилась судьба бескомпромиссного чекиста, одного из видных представителей первого поколения советских разведчиков, прошедшего за свою жизнь через три ареста и проявившего себя в этих критических ситуациях мужественно и достойно.

* * *

Однажды в одной из московских газет появилось интервью директора столичной гимназии № 45, народного учителя СССР, почетного гражданина города Москвы Леонида Исидоровича Мильграма. Рассказывая о своих корнях, он упомянул, что его отец был разведчиком.

Безусловно, такая фамилия была нам известна. Исидор Вольфович Мильграм являлся одним из первых советских разведчиков. Работал как с нелегальных, так и с «легальных» позиций, руководил резидентурами за кордоном. Однако нам захотелось побольше узнать о нашем старшем коллеге и его судьбе, и мы связались с сыном разведчика по телефону.

Через некоторое время в Службу внешней разведки России пришло письмо, в котором Леонид Исидорович сообщил много интересных сведений о жизни и деятельности своего отца и его соратников по работе. В письме, в частности, подчеркивалось:

«Я отчетливо представляю, что мой отец не был фигурой первого плана в вашей профессии, но очень дорожу памятью о нем и — особенно — его принадлежностью к славной когорте бойцов "невидимого фронта", совершенно бескорыстно служивших Делу. Судьба разведчиков тяжела, а для большинства из тех, кто работал в 1920-х — 1930-х годах, трагична. Тем более хочется, чтобы ни имена, ни дела их не были забыты».

Такое желание полностью совпадало с нашим. В результате общения с сыном разведчика, который скончался в Москве в 2011 году, и появился этот очерк о жизненном и оперативном пути замечательного человека и чекиста Исидора Вольфовича Мильграма.

Глава X. СУДЬБЕ НАПЕРЕКОР

Осенью 1939 года, когда германская армия в течение нескольких недель разгромила и оккупировала панскую Польшу, превратив ее в генерал-губернаторство, в руки советской разведки попали бывший резидент польской разведки в Берлине полковник Станислав Сосновский и богатый польский аристократ князь Януш Радзивилл, имевший обширные связи в кругах британской аристократии. Оба поляка, сидевшие во львовской тюрьме и не успевшие эмигрировать за границу, были доставлены на Лубянку с целью их активной разработки и возможной вербовки.

В качестве разработчика поляков выступил известный разведчик Петр Зубов, арестованный в 1938 году по личному указанию Сталина.

Петр Яковлевич Зубов родился 7 февраля 1898 года в Тифлисе в рабочей семье. В 1908 году окончил Чугуретское начальное училище, в 1915 году — Тифлисское Михайловское техническое железнодорожное училище Министерства путей сообщения. Работал техником-десятиком на Закавказской железной дороге, одновременно посещал лекции Тифлисского народного университета. В 1918 году, когда в стране полыхала Гражданская война, он сделал свой политический выбор и вступил в партию большевиков. Через комячейку университета вел нелегальную работу: распространял большевистскую литературу, расклеивал прокламации. Участвовал в подготовке восстания в Тифлисе в ноябре 1919 года, являясь членом большевистской боевой дружины.

После высадки британского экспедиционного корпуса в Закавказье и захвата власти в Грузии меньшевиками 22-летний Зубов в марте 1920 года был арестован особым отрядом меньшевистского правительства за революционную деятельность и помещен в Кутаисскую тюрьму. В заключении он пробыл недолго: в соответствии с договором между РСФСР и Грузией уже в мае того же года Петр вместе с другими узниками грузинских националистов был освобожден и выслан в Россию. Он, как и другие большевики, получившие свободу, выехал во Владикавказ и поступил на работу в ЧК Горской республики.

В ноябре 1920 года в Армении произошло народное восстание против марионеточного правительства, возглавляемого партией «Дашнакцутюн». Восстанием руководила коммунистическая партия, создавшая Армянский революционный комитет. 29 ноября дашнакское правительство было

свергнуто, ревком провозгласил Армению советской республикой и обратился за помощью к братской России. Советское правительство направило на помощь восставшим части 11-й армии.

В феврале 1921 года аналогичное восстание вспыхнуло и в Грузии. 16 февраля в Тифлисе был образован ревком, который объявил Грузию советской республикой. По просьбе ревкома войска 11-й армии начали наступление и 25 февраля освободили Тифлис. Началась «советизация» Армении и Грузии. Части Красной Армии стремительно повели боевые действия против войск националистов и 18 марта освободили от интервентов Батум.

После освобождения Закавказья от английских и турецких интервентов Петр Зубов возвратился в Тифлис. Он работал на оперативных должностях в Грузинской ЧК, которая в 1922 году была преобразована в ГПУ. Эта работа длилась до 1927 года. Зубов руководил мероприятиями по разгрому подпольных антисоветских центров, участвовал в ликвидации повстанческого штаба меньшевиков и нескольких подпольных типографий. Являлся заместителем начальника секретного отдела Грузинского ГПУ. В 1922 году Зубов возглавил отделение разведки, следившее за связями грузинских меньшевиков и их агентуры в Турции. Здесь же он познакомился и с Лаврентием Берией, который в ту пору являлся начальником Секретно-политического отдела ГПУ, а затем заместителем начальника ГПУ Грузии.

Летом 1922 года Зубов доложил Берии полученную его сотрудниками информацию о том, что грузинские меньшевики готовят антисоветское восстание. Благодаря предпринятым чекистами мерам оно было подавлено на организационной стадии. Изучив информацию, представленную Зубовым, Берия немедленно доложил ее председателю ГПУ Дзержинскому. Поскольку сведения носили исключительно важный характер, Феликс Эдмундович подготовил специальный доклад, который был доложен на пленуме ЦК РКП (б) и по нему были приняты соответствующие политические и организационные меры. Лаврентий Берия стал заместителем начальника Закавказской ЧК и напрямую подчинялся лишь полномочному представителю ГПУ в Закавказье и одновременно председателю Закавказской ЧК Соломону Могилевскому.

...22 марта 1925 года в 12 часов 10 минут вблизи Дидубийского ипподрома в Абхазии в результате аварии самолета «Юнкерс-13» трагически погиб председатель Закавказской ЧК, бывший начальник российской внешней разведки Соломон Григорьевич Могилевский. Вместе с ним в самолете находились заместитель председателя Совнаркома

Закавказской Федерации, член Президиума ЦИК СССР Александр Федорович Мясников (Мясникян) и заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции в Закавказье Георгий Александрович Атарбеков. Все они летели из Тифлиса в Сухуми, где должен был состояться съезд Советов Абхазии. Перед полетом столь ответственных официальных лиц летательный аппарат был тщательно проверен и всесторонне подготовлен к выполнению задания. Самолет вылетел из Тифлиса в 11.45 утра, а через двадцать минут поступило сообщение о его падении. Много лет спустя выяснится, что авиакатастрофа не была случайной, а связана с чекистской деятельностью С.Г. Могилевского.

Георгию Атарбекову, работавшему ранее в Закавказской ЧК, было кое-что известно о темном прошлом заместителя председателя Грузинской ЧК Лаврентия Берии, в частности о его сотрудничестве с разведслужбами мусаватистов в Баку. Своими подозрениями Атарбеков поделился с Мясниковым, который всячески препятствовал карьерному росту Берии, и с Могилевским, который в свою очередь заинтересовался прошлым этого деятеля.

Зная о недоверии к себе со стороны Мясникяна, Атарбекова и Могилевского, которые подозревали его в моральной нечистоплотности и могли разоблачить его темное прошлое, Лаврентий Берия, видимо, решил действовать. Полет этих трех лиц на одном самолете в Сухуми давал ему идеальный шанс избавиться одним махом от людей, которые ему не доверяли.

После гибели Могилевского перед Берией открылась прямая дорога к восхождению на Олимп власти.

Что касается Петра Зубова, то он к интригам будущего наркома внутренних дел СССР никакого отношения не имел. За конкретные результаты в работе в 1924 году он был награжден нагрудным знаком «Почетный чекист», а немного позже — именованным оружием. Как грамотный чекист, приобретший уже опыт разведывательной работы, в том числе за границей, Петр Зубов в 1928 году был направлен в резидентуру ОГПУ в Стамбуле. В Турции он работал под прикрытием должности сотрудника консульского отдела полпредства СССР.

Напомним читателям, что еще в 1927 году советская внешняя разведка установила официальный контакт с контрразведкой Турции. Инициатива установления взаимодействия по линии спецслужб исходила от турецкой стороны. Советская разведка посчитала, что такое сотрудничество будет полезным, поскольку именно в Турцию из Крыма в 1920 году эмигрировали остатки армии Врангеля, а также многочисленные гражданские чиновники

бывшей царской России. И хотя к тому времени большая часть белой эмиграции уже покинула Турцию, в стране все еще оставалось немало белогвардейских и националистических (азербайджанских, татарских, крымскотатарских) организаций. Их лидеры не скрывали, что Советский Союз является для них главным врагом, и активно сотрудничали со спецслужбами Англии и Франции.

Что касается турецких спецслужб, то они были заинтересованы в получении информации относительно деятельности английской и итальянской разведок в стране, а также антикемалистских и дашнакских организаций за границей. В 1925 году итальянский диктатор Бенито Муссолини заявил о создании Итальянской империи и о превращении Средиземного моря в «итальянское озеро», что не могло не встревожить Турцию. Именно по этим вопросам был организован и осуществлялся обмен информацией. Кроме того, турецкие партнеры обратились к представителю ИНО ОГПУ с просьбой оказать им помощь в организации шифровальной и дешифровальной служб. Советско-турецкое сотрудничество по линии спецслужб было весьма плодотворным для обеих сторон, а получаемая от турецких партнеров информация неоднократно высоко оценивалась советским правительством.

В Турции Зубов находился до июля 1930 года. В этот период его коллега, руководитель нелегальной резидентуры ОГПУ Георгий Агабеков (настоящая фамилия — Арутюнов) встал на путь измены. Он прибыл на пароходе во Францию и обратился к местным властям с просьбой предоставить ему политическое убежище. Предатель сделал ряд антисоветских заявлений, которые были опубликованы во французской и эмигрантской прессе. Агабеков выдал французской и британской контрразведкам все известные ему сведения о деятельности советской внешней разведки, в том числе на Среднем Востоке. В результате его бегства только в Иране, где он ранее работал, было арестовано свыше 400 человек, четверо из которых были казнены. В июле 1931 года иранский меджлис принял специальное решение, в результате которого коммунистическая партия была объявлена вне закона, а национально-освободительное движение в стране разгромлено. Петру Зубову, которого хорошо знал Агабеков, далее оставаться в стране было невозможно, и в июле 1930 года он был отозван в Москву. За годы служебной командировки характеризовался как «один из лучших и ответственных оперативных работников резидентуры, добившийся высоких результатов».

Что же касается Турции, то контакты с ней по линии спецслужб постепенно прекратились к 1931 году.

Прибыв в центральный аппарат ОГПУ, Зубов сразу же получил новое ответственное задание: было принято решение вновь направить его на работу в Закавказское ГПУ. В Закавказье он занимался борьбой с бандитизмом и организованной преступностью. Лично принимал участие в ликвидации бандформирований в Грузии и Абхазии. За мужество и героизм, проявленные в боях с бандитами, Петр Зубов в 1930 году был повторно награжден Почетным именованным оружием, а в 1931 году — Почетной грамотой коллегии ОГПУ «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Однако в Грузии Зубов долго не задержался. Уже в июле 1931 года он был направлен в Париж в качестве оперативного работника резидентуры ОГПУ. В Париже разведчик занимался в основном разработкой антисоветской грузинской эмиграции, нашедшей убежище во Франции и мечтавшей о свержении советской власти в Закавказье. Хорошо зная обстановку в эмигрантских кругах, психологию и менталитет грузинских меньшевиков, а также свободно владея грузинским языком, Петр Зубов вскоре приобрел ряд ценных источников в кругах белой антисоветской эмиграции, в том числе в ближайшем окружении лидера грузинских меньшевиков Ноя Жордания, поддерживавшего тесные связи с британской и французской разведками. От этих источников резидентура регулярно получала материалы загранбюро меньшевистской партии Грузии, сведения о подготавливавшихся ею террористических акциях. Основываясь на этих сведениях, советским чекистам удалось предотвратить ряд терактов на территории СССР.

Разведчиком по агентурным каналам была вскрыта и нейтрализована террористическая группа, созданная грузинскими меньшевиками для совершения покушения на И.В. Сталина. Им разрабатывались и другие антисоветские эмигрантские группы, направлявшиеся в Грузию для организации повстанческого движения.

Благодаря целеустремленной работе Зубова парижская резидентура вскрыла и контролировала подготовку английской разведки к проведению крупной террористической операции на Кавказе под кодовым наименованием «Диверсия». В результате планы англичан по дестабилизации обстановки в этом регионе были сорваны.

Необходимо подчеркнуть, что эти планы не являлись плодом воображения чекистов, как сегодня можно прочитать в некоторых российских изданиях. Еще в конце 1916 года, то есть до Октябрьской революции, англичане и французы договорились между собой о разделе территории царской России, хотя она и являлась союзницей Лондона и

Парижа в войне со странами Четверного союза. Англичане претендовали, в частности, на все Закавказье, богатое нефтью. Во время Гражданской войны они оккупировали Азербайджан, Армению и Грузию, однако были выбиты оттуда Красной Армией. Несмотря на поражение, английское руководство не оставило своих планов присоединения к Британской империи обширных районов Советского Союза, включая Закавказье.

Что касается планов покушения на Сталина, то, как ни парадоксально, в те времена грузинские меньшевики имели все шансы на успех. Известно, что в 1920-е годы Сталин проживал на городской квартире неподалеку от Кремля, куда ходил на работу пешком, зачастую без всякого сопровождения. После смерти Ленина он получил небольшую квартиру в Кремле, а вскоре для него была построена загородная дача. Охрана Сталина в тот период была немногочисленной. Она существенно возросла только после убийства Кирова, тогда охранять Сталина стал отдельный полк НКВД. Сталин превратился в «кремлевского затворника». А в 1920-е годы он довольно часто появлялся на публике, выступал на партийных собраниях, особенно в период борьбы с троцкистской оппозицией. Летом отдыхал в Пицунде или Сочи. Грузинская белая эмиграция, имевшая многочисленных родственников в Закавказье и активно работавшая там, в том числе с нелегальных позиций, могла подготовить и осуществить террористический акт в отношении руководителя Страны Советов. И если такие планы не осуществились, то в этом была заслуга советских чекистов, включая и Петра Зубова.

За период работы в Париже разведчик также приобрел ценного источника информации, от которого на регулярной основе поступали разведывательные сведения по Ирану и Турции. За успешную работу в парижской резидентуре он был награжден орденом Красного Знамени.

В мае 1933 года Петр Яковлевич возвратился в Москву и стал работать в центральном аппарате разведки. В апреле 1937 года он был назначен резидентом НКВД в Праге. В страну он прибыл с паспортом на имя второго секретаря полпредства Николая Васильевича Привалова.

1937 год вписан кровавыми буквами в историю органов государственной безопасности. В июне состоялся громкий судебный процесс над маршалом Тухачевским и его соратниками, которым было предъявлено обвинение в сотрудничестве с иностранными разведками, в том числе — с германской. Репрессии затронули и внешнюю разведку, однако их пик пришелся на начало 1938 года, когда руководству Иностранного отдела НКВД было выражено политическое недоверие. Жертвой этих репрессий в 1938 году стал и Петр Яковлевич Зубов.

В 1935 году Советский Союз и Чехословакия подписали секретное соглашение о сотрудничестве по линии разведслужб. Для решения практических вопросов взаимодействия Москву посетил руководитель чехословацкой разведки полковник Франтишек Моравец. Первоначально это сотрудничество курировалось по линии Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. В 1937 году Сталиным было принято решение поручить поддержание контактов по линии разведслужб обеих стран внешней разведке органов государственной безопасности. Реализацией практических вопросов взаимодействия в Праге было поручено заниматься Петру Зубову. Он прибыл в столицу Чехословакии в период, когда гитлеровская Германия, резко нарастившая свои вооруженные силы и оккупировавшая Рейнскую область и Саарский бассейн, откровенно высказывала претензии на Судетскую область Чехословакии, где проживали немцы. Агрессивная политика Берлина, естественно, беспокоила и Прагу, и Москву, где отдавали себе отчет в том, что Запад пока не готов к войне с Германией и ради сохранения собственной безопасности пожертвует Чехословакией и отдаст ее на растерзание Гитлеру. В целях обеспечения собственной национальной безопасности Чехословакия стремилась к союзу с СССР.

В июле 1937 года, после того как по обвинению в измене Родине был расстрелян маршал Тухачевский, усомнившийся в полководческом таланте Климента Ворошилова и предложивший Сталину заменить его на посту наркома вооруженных сил, президент Чехословакии Эдуард Бенеш в беседе с советским полпредом Александровским дал понять, что он не верит, будто Тухачевский был шпионом и заговорщиком. Ссылаясь на информацию чешского посла в Берлине, он отметил, что Тухачевский просто выступал за продолжение советско-германского сотрудничества в военной области, которое в одностороннем порядке было прервано Гитлером сразу после его прихода к власти. Касаясь личности Тухачевского, Бенеш назвал его «авантюристом и ненадежным человеком», который мог рассчитывать на свержение Сталина лишь опираясь на наркома внутренних дел Ягоду. Каких-либо документов, уличающих Тухачевского в сговоре с немцами, Бенеш советскому полпреду не передавал. В своей книге «Разведка и Кремль» бывший заместитель начальника советской внешней разведки Павел Судоплатов писал:

«Целью (демарша) Бенеша было получение полной поддержки чешской политики со стороны Сталина как на Балканах, так и в Европе в целом. Вот почему в отличие от англичан и французов он не выразил своего неодобрения по поводу казни маршала Тухачевского и волны

репрессий среди советского военного командования».

К слову сказать, на процессе над военными, обвиненными в «военно-фашистском заговоре», никакие документы, подтверждающие такое обвинение, не фигурировали. Версия, согласно которой гестапо сфабриковало документы о «заговоре генералов» и через чехословацкого президента «подсунуло» их Сталину, была впервые выдвинута еще до войны в книге Вальтера Кривицкого — военного разведчика, вставшего на путь предательства и опубликовавшего на Западе мемуары. После войны другой Вальтер — бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг, возглавлявший политическую разведку гестапо, — повторил эту версию, находясь в плену у англичан, а затем включил ее в свои мемуары. В данном случае речь может идти лишь о дезинформации со стороны британской разведки. По имеющимся сведениям, дело обстояло следующим образом. Англичане, допрашивавшие Вальтера Шелленберга, поинтересовались у него, насколько соответствует действительности версия, согласно которой Сталин накануне войны клюнул на удочку гестапо и расправился с наиболее видными военачальниками. Шелленберг отрицал причастность его службы к этой фальшивке. Тогда англичане настойчиво посоветовали ему придумать и включить в свои мемуары специальный пассаж, основанный на подобранных ими материалах открытой прессы. Это было их условием досрочного освобождения Шелленберга из британской тюрьмы. Участники сделки выполнили свои договоренности. Книга Шелленберга вышла в свет накануне XX съезда КПСС, а первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, ознакомленный с этой фальшивкой, включил ее в свой закрытый доклад «О преодолении культа личности и его последствий».

Однако вернемся к герою нашего повествования. В 1938 году президент Чехословакии Бенеш обратился к Сталину с просьбой поддержать его действия по свержению правительства Стоядиновича в Белграде, которое проводило враждебную Праге политику. По специальному указанию Сталина на НКВД была возложена задача по организации финансирования сербских офицеров-боевиков, затеявших подготовку антиправительственного переворота в Белграде.

Передать деньги заговорщикам было поручено резиденту НКВД в Праге Петру Зубову. Он выехал в Белград и встретился с руководителями антиправительственного заговора. В ходе беседы с ними Зубов убедился в том, что подобранные чешской разведкой на роль руководителей переворота люди являются авантюристами, не имеющими серьезной опоры ни в армии, ни в обществе. Он отказался выдать им 200 тысяч долларов,

выделенных Сталиным, и возвратился в Прагу. В Москву ушла соответствующая шифровка. Ознакомившись с телеграммой, Сталин пришел в ярость. Он приказал отозвать в Москву и арестовать разведчика, который осмелился не выполнить его конфиденциальное поручение. Никакие веские доводы, которые попыталось выдвинуть руководство разведки, на Сталина, разумеется, не подействовали.

Петр Зубов оказался в тюрьме, еще его сразу же начали с пристрастием допрашивать. Разведчик полностью отрицал свою вину, объясняя костоломам, что задание вождя он выполнил, однако не стал передавать «деньги рабочих и крестьян» шайке авантюристов.

Осенью 1939 года, когда Польша оказалась захваченной гитлеровским вермахтом, а к Советскому Союзу отошла Западная Украина, чекисты обнаружили во Львовской тюрьме резидента польской «двуйки» в Берлине полковника Станислава Сосновского. Чекистами был также задержан богатый польский аристократ Януш Радзивилл, поддерживавший в предвоенное время контакты с Герингом и представителями английской аристократии. Оба поляка были доставлены в Москву на Лубянку, где их поместили во внутреннюю тюрьму НКВД и начали активно разрабатывать на предмет вербовки в качестве агентов.

Позже Павел Судоплатов в своих мемуарах писал по этому поводу:

«После своего назначения заместителем начальника разведслужбы в марте 1939 года я напомнил Берии о судьбе Зубова, все еще находившегося в тюрьме за невыполнение приказа о финансировании переворота в Югославии. Этот человек, сказал я Берии,—преданный и опытный офицер разведки. Берия, знавший Зубова на протяжении семнадцати лет, сделал вид, что ничего не слышал, хотя именно Зубов сыграл значительную роль в том, что Берия сумел добраться до вершин власти...

Ради спасения Зубова я предложил Берии поместить его в одну камеру с полковником Сосновским. Зубов бегло говорил на французском, немецком и грузинском. Берия согласился, и Зубова перевели из Лефортова, где его безжалостно избивали по приказу того самого Кобулова, который когда-то, приезжая из Грузии, останавливался у него дома. Его мучителем был печально знаменитый Родос, пытавшийся выбить признание путем нечеловеческих пыток: Зубову дробили колени. В результате Зубов стал инвалидом, но на самооговор он так и не пошел.

Против перевода Зубова из Лефортова на Лубянку возражал начальник следственной части Сергиенко, хотя я объяснил ему, что мой интерес к Зубову и его судьбе вызван чисто оперативными соображениями и согласован с Берией. В ответ на это Сергиенко, отказавшись переводить

Зубова, заявил:

— Я буду лично докладывать об этом случае наркомму. Подонок Зубов отказывается признать свою вину, что не выполнил прямого приказа руководства!

В свою очередь, я доложил Берии, что Сергиенко отказывается выполнять переданное ему распоряжение. Берия тут же взял трубку, вызвал Сергиенко и стал его отчитывать, под конец сказав, что если через пятнадцать минут тот не выполнит его приказание, ему не сносить головы. Сергиенко пытался что-то возразить, но Берия не стал слушать его объяснений...

Зубов, находясь с Сосновским в одной камере, содействовал его вербовке. Он убедил его, что сотрудничество с немецкой или польской спецслужбами не сулит ему никакой перспективы на будущее, поэтому имеет прямой смысл сотрудничать с советской разведкой».

Для вербовки Сосновского советская разведка разработала специальную комбинацию. В предвоенные годы на связи у берлинской резидентуры НКВД имелся надежный и проверенный источник «Брайтсбах» — сотрудник советского отдела гестапо Вилли Леман. Он руководил разработкой связей Сосновского в бытность последнего резидентом польской разведки в Берлине, устанавливал за ними наружное наблюдение. Все материалы на Сосновского и его связи «Брайтсбах» регулярно передавал своему куратору из берлинской резидентуры НКВД. У разведчика была агентура во многих важных ведомствах гитлеровской Германии: в Генштабе, в личной канцелярии Альфреда Розенберга, являвшегося руководителем внешнеполитического отдела национал-социалистической партии, в Главном управлении имперской безопасности, в абвере. Его любовницами были жены ответственных берлинских чиновников. Когда Сосновский был арестован гестапо, а затем обменен на двух крупных агентов абвера, арестованных в Варшаве, польские власти отдали его под суд, обвинив в растрате казенных денег и провале агентурного аппарата. Тюремный срок Сосновский отбывал во Львовской тюрьме.

После освобождения Западной Украины Красной Армией Сосновский был доставлен на Лубянку. К тому времени руководство разведки получило надежные сведения о том, что у Сосновского, агентура которого после ареста была казнена у него на глазах в немецкой тюрьме Плетцензее, остались нераскрытыми два важных источника. В этой связи была разработана любопытная операция по привлечению Сосновского к сотрудничеству, в реализации которой помимо Зубова приняли участие

известные разведчики Василий Зарубин и Зоя Воскресенская (в замужестве — Рыбкина). Сценарием операции предусматривалось, что Зоя Ивановна будет задавать Сосновскому вопросы относительно его разведывательной деятельности, а Василий Михайлович — комментировать ответы и уличать его, если польский разведчик попытается что-либо скрыть.

Позже Зоя Воскресенская в своей книге «Теперь я могу сказать правду» писала:

«Надзиратель привел Сосновского из внутренней тюрьмы. Высокого роста, спортивного типа человек лет под сорок, со светскими манерами. Даже казенное вафельное полотенце было с шиком повязано на шее...

— Скажите, как вам удалось завербовать жену ответственного работника министерства иностранных дел и заставить ее передавать вам для фотографирования секретные документы мужа?

— Прошу прощения, но, увы, я этого уже не помню.

Присутствующий здесь же Василий Михайлович Зарубин говорит:

— Могу вам напомнить. Это была довольно хитрая операция. Вы дали объявление в газету: молодой, обаятельный, эрудированный иностранец желает познакомиться с дамой, владеющей французским, английским и другими европейскими языками, с целью приятного времяпрепровождения. Вы получили массу откликов и остановились именно на ней, выяснив, что ее муж, престарелый дипломат, не удовлетворяет ее интеллектуальных и иных потребностей. Вы предложили встретиться с ней, для чего использовали "линкольн", который стоял в боксе в берлинском районе Вайсензее.

У Сосновского округлились таза:

— Да, все это было именно так.

— Вы встречались с этой дамой, — продолжал комиссар Зарубин, — в специально арендованной для этой цели вилле.

Сосновский терял самообладание. Он вытащил из-за пазухи конец вафельного полотенца и вытер взмокшее лицо.

Я продолжала вопросы. К Сосновскому "возвращалась" память. Он стал более определенен в ответах, но Василий Михайлович каждый раз уточнял и неправильно названный адрес, и номер и марку машины, и стоимость умопомрачительных приемов, которые он задавал, и грандиозные счета в ресторанах, и оплату массажистов, и даже клички лошадей в его конюшне.

Сосновский уже не пользовался полотенцем, он просто ладонями смахивал пот с лица. Затем он встал, поклонился и сказал:

— Я восхищаюсь искусством советской разведки. Вы знаете обо мне

больше, чем я сам, и я готов мобилизовать свою память и ответить на все, что вас интересует.

Когда он стал рассказывать о полученной им информации в отношении военных планов Гитлера, мы поняли, что Гиммлер подбрасывал полякам дезинформацию, которая была призвана создать впечатление, будто у Германии нет никаких планов в отношении Востока, в том числе и Польши, что все ее помыслы, мол, обращены только на Запад — на Францию и Англию. О том, как фактически развивались события после 1939 года, Сосновский не знал, так как был в заключении, в германской и польской тюрьмах, а затем попал к нам».

Двух агентов, завербованных Сосновским, советской разведке удалось перевербовать буквально накануне войны. Поступавшая от них информация, в том числе из МИД Третьего рейха, свидетельствовала о неизбежности военного столкновения Германии и СССР. Вскоре развитие событий полностью подтвердило эти прогнозы. Работа с этими агентами продолжалась до 1942 года.

После того как Зубов помог завербовать Сосновского, Судоплатов предложил Берии использовать разведчика для разработки князя Радзивилла. Это предложение было одобрено наркомом. Зубова перевели в камеру Радзивилла, где он находился в течение месяца. Впоследствии, как свидетельствовал Павел Судоплатов, князь Радзивилл был завербован с помощью Зубова. В годы войны планировалось его использование в качестве агента влияния советской разведки. Правда, в архивах разведки каких-либо сведений относительно успешно проведенных им операций не имеется.

Условия содержания разведчика в тюрьме несколько изменились. Находясь под стражей, Зубов, в сопровождении конвоира, мог ходить в поликлинику НКВД на медицинские процедуры. Однако из заключения он так и не вышел.

Началась Великая Отечественная война, первый этап которой был трагичным для Красной Армии. Неудачным было начало и для советской внешней разведки, которая в первые же месяцы потеряла связь с источниками информации как в Германии, так и на территории оккупированных ею стран. Кроме того, из-за необоснованных массовых репрессий против советских разведчиков, пик которых пришелся на 1938 год, разведка испытывала острую нехватку квалифицированных кадров. Судоплатов и его заместитель Эйтингон предложили Берии освободить из тюрем бывших сотрудников разведки и госбезопасности и получили на это согласие.

Павел Судоплатов затребовал для ознакомления дело на Петра Зубова и на ряд других разведчиков, о судьбе которых ему ничего не было известно. Из документов следовало, что Зубов был арестован по личному указанию Сталина. К сожалению, Шпигельглас, Карин, Малли и некоторые другие разведчики, которые являлись крупными специалистами по проблемам Германии и могли бы принести неоценимую пользу, к тому времени были уже расстреляны.

После освобождения из заключения Петр Яковлевич по ходатайству Судоплатова был назначен начальником германского отделения Особой группы, преобразованной в феврале 1942 года в 4-е управление НКВД СССР. В годы войны он руководил подготовкой и заброской в тыл врага специальных разведывательных групп, в том числе для восстановления утраченной связи с так называемой «Красной капеллой».

2 июля 1941 года работники советского посольства в Берлине, а в их числе и сотрудники резидентуры НКВД, были вывезены немцами в Болгарию, а оттуда через нейтральную Турцию возвратились в СССР. Связь с агентурой советской разведки НКВД в Германии была утрачена. Центр не смог сообщить радисту «Красной капеллы» новую длину волны для радиопередач, поэтому связь приобрела односторонний характер: Ганс Коппи передавал радиogramмы от Арвида Харпака, но Москва хранила молчание. Радиоцентр советской разведки был расположен на границе Белоруссии с Польшей и уже с первых дней войны прекратил свое существование.

Руководство немецкого сектора доложило начальнику внешней разведки Павлу Михайловичу Фитину, что для налаживания устойчивой связи с «Красной капеллой» необходимо направить в Берлин надежного курьера-связника. После тщательной проверки были отобраны два опытных агента. Пройдя интенсивную подготовку, в которой принимал непосредственное участие и Зубов, они в конце 1941 года были переброшены по воздуху в Лондон. Предполагалось, что в соответствии с имевшейся договоренностью о сотрудничестве между британской разведкой МИ-6 и советской разведкой агенты отработают в Англии прыжки с парашютом, а затем будут заброшены в немецкий тыл. Однако во время одной из тренировок на английском полигоне один из агентов получил серьезную травму и был госпитализирован. От плана их заброски в Берлин пришлось отказаться. Руководство советской разведки приняло решение направить в Германию другую пару радистов, не прибегая к услугам англичан.

Выбор пал на двух немецких антифашистов—Альберта Хесслера

(псевдоним «Франц») и Роберта Барта («Бек»). «Франц» должен был проникнуть в Берлин под видом рядового вермахта и по паролю восстановить связь с членами руководства «Красной капеллы» Арвидом Харнаком и Харро Шульце-Бойзенем. В дальнейшем ему предстояло установить устойчивую связь с Центром, используя свой личный шифр. Бели бы по каким-либо причинам этого сделать не удалось, «Франц» должен был прибегнуть к помощи «Бека», который имел собственную рацию и отдельный шифр. План-задание для радистов был подписан Фитиным и Судоплатовым и утвержден Берией.

В начале августа 1942 года «Франц» благополучно добрался до Берлина. Он сразу же предпринял попытки восстановить связь с Москвой. Однако его усилия увенчались успехом только в сентябре.

3 и 31 сентября его рацию наконец-то услышали в Москве. Однако установить с ним надежный двусторонний радиообмен Центру так и не удалось.

«Бек» также сообщил 9 сентября о своем прибытии в пункт назначения, после чего связь с ним была утрачена. А в начале октября 1942 года оба передатчика заработали как по мановению волшебной палочки. Правда, ничего существенного из Берлина от них не поступало, однако в шифртелеграммах содержалась информация о том, что немецкие антифашисты испытывают затруднения, а часть агентурной группы арестована.

14 октября 1942 года «Бек» передал условный сигнал о том, что он работает под контролем гестапо и что «Франц» арестован. Поступившую от него шифртелеграмму Центр так и не смог расшифровать. На сигнал тревоги в Москве не обратили внимания. Более того, «Беку», сообщившему об аресте «Франца», были переданы условия явки к исключительно ценной агентуре. В дальнейшем «Бек» сообщил, что все эти явки провалены.

В начале 1943 года анализ радиogramм, поступивших от «Бека», показал, что он работал под контролем, а поданные им сигналы тревоги не были правильно поняты в Центре. Что касается «Франца», то, как было установлено позже, он с самого начала наотрез отказался сотрудничать с гестапо и в первой половине 1943 года был расстрелян гитлеровцами. «Бек» встретил окончание войны в лагере, захваченном американцами. Он сообщил американцам, что участвовал в радиоигре с гестапо, и был передан советским представителям. В ходе допросов в «Смерше» «Бек» признался в том, что выдал «Франца» и свою принадлежность к советской разведке.

По приговору Особого совещания при НКВД «Бек» был расстрелян за

измену.

Сведения, выбитые гестаповцами из «Бека», а также накопленные и частично расшифрованные ими телеграммы берлинской резидентуры привели к массовым арестам в конце августа 1942 года немецких антифашистов. В конце сентября только в Берлине число арестованных достигло 70 человек.

Петр Зубов, разумеется, не имел отношения к провалу «Красной капеллы». Причина провала заключалась в том, что в фашистской Германии был установлен режим тотальной слежки «всех за всеми», когда действия любого человека, чем-то отличавшиеся от поведения остальных граждан, сразу же вызывали пристальное внимание гестапо. В этих условиях нелегальная работа героев-антифашистов, в частности использование ими радиопередатчика для связи с Москвой, рано или поздно должна была вывести гестапо на их след. Кроме того, в Германии был налажен учет всех дезертиров из армии и сдавшихся в плен. За домом «Бека» была установлена слежка. Как только он посетил свою семью, гестапо немедленно арестовало его.

Что касается Зубова, то его роль ограничивалась подготовкой агентов для заброски в тыл немцев. Как-то повлиять на их положение в самой Германии он, естественно, не мог. В годы Великой Отечественной войны разведчику довелось участвовать и в других оперативных мероприятиях, в том числе в операциях «Монастырь» и «Березино». Его личный вклад в Победу был отмечен орденами Ленина, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и многими медалями.

В 1946 году министром госбезопасности стал 38-летний генерал-лейтенант Виктор Абакумов. Петру Яковлевичу Зубову пришлось срочно выйти в отставку по состоянию здоровья, поскольку в предвоенные годы именно Абакумов был причастен к его аресту и приказывал следователям жестоко избивать его. Однако в 1948 году о Зубове вновь вспомнили. В январе того года он по заданию Сталина и Молотова вместе с Судоплатовым выезжал в Прагу. Учитывая имевшиеся в предвоенные годы тесные связи Зубова с Бенешем, на него была возложена задача убедить чехословацкого президента поручить лидеру компартии Чехословакии Клементу Готвальду сформировать правительство, иными словами, обеспечить бескровную передачу власти в стране коммунистам. Эта задача была разведчиком успешно решена.

Скончался Петр Яковлевич Зубов в 1952 году. Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Глава XI. РАЗВЕДЧИК АЛЕКСЕЕВ-ЖЕЛЕЗНЯКОВ

Первых чекистов-разведчиков отличали их беззаветная преданность делу революции и горячее желание служить ее идеалам, настойчивость и упорство в труде и учебе. Многим сотрудникам до прихода в разведку удалось пройти практическую школу ВЧК.

Какие это были люди? Что позволяло им успешно справляться с поставленными перед ними сложными оперативно-чекистскими задачами, преодолевать резкие повороты судьбы, вызванные несправедливостью, а порой и моральным предательством коллег? Попытаемся рассказать об этом на примере жизни и деятельности разведчика 1920—1930-х годов Владимира Павловича Алексеева (после работы за границей под фамилией Железняков — Алексеев-Железняков), волею обстоятельств отлученного от активной разведывательной работы в самый расцвет своих творческих сил и возможностей.

Владимир Алексеев родился 16 апреля 1900 года на станции Ляховичи Барановичского уезда Минской губернии в семье железнодорожного служащего. Затем вместе с родителями жил в городе

Вильно, где окончил церковно-приходскую школу и поступил в местную гимназию. В 1915 году семья эвакуировалась в Гомель. Летом 1918 года Владимир окончил гомельскую городскую гимназию и в том же году поступил в Харьковский технологический институт.

Молодой человек мечтал после окончания института заняться серьезной научной деятельностью. Но суровое революционное время распорядилось его судьбой иначе. Находясь в Харькове, Алексеев стал свидетелем немецкой оккупации, разгула гетмановщины и петлюровщины. Под влиянием революционных событий, захвативших Харьков, сформировалось его пролетарское мировоззрение. В ту грозную пору молодой студент не смог остаться в стороне от жесточайшей классовой битвы. В январе 1919 года Владимир вступил в РКП (б). По заданию партии он вернулся в Гомель, который был занят Красной Армией, организовал там комсомольскую ячейку и стал ее секретарем. Одновременно Владимир активно участвовал в создании сельскохозяйственных коммун в Гомельском уезде.

Первым серьезным испытанием для только что созданной комсо-

мольской организации города явилось участие в подавлении белогвардейского мятежа, поднятого в Гомеле в марте 1919 года бывшим царским офицером Стрекопытовым, являвшимся в то время начальником хозяйственной части 20-й бригады 8-й стрелковой дивизии Красной Армии. Обманутые белогвардейцами красноармейцы бригады покинули окопы и в ночь на 24 марта прибыли на станцию Гомель-Полесский, где присоединились к мятежникам, возглавляемым Полесским повстанческим комитетом. Со станции они начали наступление на город, захватили тюрьму и освободили около 400 уголовников. Вскоре в руках мятежников оказалась большая часть Гомеля. Лишь гостиница «Савой», превращенная в штаб сопротивления, здание ЧК и телефонная станция оставались в руках защитников советской власти. Вместе со старшими товарищами обороняла город и группа комсомольцев во главе с Владимиром Алексеевым. На помощь Гомелю пришли рабочие дружины из Могилева и Бобруйска, курсанты Могилевских командных курсов, крестьянские отряды из Смоленска и Почепа, части Брянской дивизии. Уже в ночь на 29 марта мятежники вынуждены были оставить город.

В апреле 1919 года Владимир Алексеев добровольно вступил в Красную Армию и в составе 1-го Гомельского пролетарского батальона участвовал в боях на польском фронте: вначале рядовым красноармейцем, затем комиссаром батальона, заместителем комиссара 463-го стрелкового полка. В одном из сражений он был тяжело ранен. Продолжительное время находился на излечении в различных госпиталях. Товарищи по комсомолу потеряли его след, посчитали, что он умер от ран, и поместили некролог в гомельской газете «Набат молодежи».

В январе 1920 года еще не оправившегося от ранения, передвигавшегося с помощью костылей Алексеева направили на долечивание к родителям. Сразу же по приезде его рекомендовали на работу в Гомельскую губчека.

Судьба Алексеева была схожа с судьбами многих солдат революции. Сам Владимир Павлович позже отмечал, что «путь в органы ЧК из Красной Армии был характерным для многих». Сначала он был рядовым сотрудником, а затем начальником секретно-оперативной части, заместителем председателя — членом коллегии. В 20 лет Владимир прилично владел немецким и французским языками.

Нелегко приходилось в то время гомельским чекистам, не имевшим достаточного опыта оперативной работы. Гомель, будучи, по сути дела, прифронтовым городом, постоянно подвергался нападениям самых разношерстных врагов советской власти — от белополяков до анархистов.

В губернии активно действовали контрреволюционные элементы и иностранные шпионы, по уездам свирепствовали кулацкие банды. Алексеев участвовал, в частности, в раскрытии мятежа на Днепровской военной флотилии, стоявшей тогда в Гомеле. Однако наибольшую опасность в тот период представляла крупная боевая террористическая организация эсера Бориса Савинкова «Союз защиты Родины и свободы», отделения которой действовали на территории западных губерний РСФСР. Центр организации — так называемый «Западный областной комитет» — находился как раз в Гомеле. Оттуда нити савинковского заговора тянулись к Москве, Петрограду, Минску и другим крупным городам.

Всеми операциями комитета Борис Савинков руководил из своей варшавской резиденции.

Савинковцам удалось вовлечь в заговор представителей старой интеллигенции, а также ряд специалистов, занимавших ответственные посты в советских военных учреждениях и воинских частях. В гомельскую группу заговорщиков входили, в частности, руководители губернского и уездного военкоматов, командир учебного батальона, комендант города и некоторые другие военные работники. Из-за границы к ним поступали контрреволюционная литература, оружие и деньги.

Оперативная группа гомельских чекистов во главе с Алексеевым успешно применили метод внедрения в антисоветское подполье своего сотрудника, для которого изготовили документ, свидетельствующий о принадлежности этого человека к организации. Документ был заверен печатью комитета, изъятой при негласном задержании одного из его руководителей. Чекистам также удалось захватить нескольких савинковских курьеров.

В результате чекистской операции были арестованы ведущие функционеры «Западного областного комитета», профилактировано свыше 300 рядовых его членов. По данным группы Алексеева, регулярными частями Красной Армии был наголову разбит сформированный на территории буржуазной Польши и вторгшийся в пределы РСФСР диверсионный отряд под командованием полковника Павловского, действия которого на советской земле отличались особой жестокостью.

В этот период Владимир Алексеев часто встречался в Гомеле с такими видными чекистами, как Сосновский, Пузицкий, Брауде, которые были направлены из Москвы Дзержинским в помощь губернской ЧК, и учился у них.

Оперативная работа группы Алексеева по ликвидации в Гомеле антисоветского подполья получила высокую оценку Дзержинского.

Невольно положительную оценку проведенной операции дал и сам Савинков, который позже, на судебном процессе над ним в Москве в августе 1924 года, заявил, что он возлагал большие надежды на «Западный областной комитет», но ликвидация последнего чекистами «поколебала его веру в возможность свержения советской власти путем заговора».

После разгрома савинковского заговора Владимир Алексеев, которому только исполнился 21 год, был назначен начальником секретно-оперативной части и заместителем председателя губернской ЧК.

В конце 1921 года возникла критическая ситуация в Башкирии, где сложились ненормальные отношения между местной ЧК и национальным башкирским руководством. В Башкирии уже была установлена советская власть, но некоторые местные советские работники, не разобравшись в обстановке, а иногда и отдавая дань пережиткам прошлого, проявляли открытое недоверие к башкирским руководителям. Ответной реакцией стали вспышки буржуазного национализма среди башкир. Обострилась национальная рознь между башкирами и татарами. Тяжело сказались на настроениях людей неурожай и голод. В целях исправления создавшегося положения ЦК РКП (б) принял решение сменить руководство ЧК автономной республики. В.П. Алексеев был назначен заместителем председателя Башкирской ЧК.

Вспоминая о своей работе в Башкирии, Владимир Павлович, в частности, писал:

«Мне довелось активно участвовать в этом большом деле. В конце 1921 года по инициативе ЦК партии с группой работников Гомельской губернской ЧК я был направлен в Башкирию и выполнял там обязанности заместителя председателя ЧК автономной республики. Нас послали туда в связи с тем, что в Башкирии не все шло гладко с созданием местного государственного аппарата, возникали разногласия на почве межнациональных отношений.

По приезду в Уфу мы, изучив обстановку, в корне изменили направление деятельности Башкирской ЧК, пресекли высокомерие, элементы великодержавного шовинизма, имевшие место в коллективе местных чекистов, ввели в аппарат ЧК национальные кадры, установили деловые отношения с ЦИК и Совнаркомом Башкирии.

В короткий срок нам удалось нормализовать ситуацию и создать необходимые условия для становления и развития этой республики».

Владимир Алексеев оставил в Башкирии о себе хорошую память. При отъезде из Уфы ему вручили благодарственный адрес республики.

Так В.П. Алексеев впервые столкнулся с проблемами Востока, с

которыми в дальнейшем был связан на протяжении всей своей разведывательной деятельности. В 1923 году Владимира Павловича перевели в Москву, в Восточный отдел ОГПУ. Два года он работал там в должности уполномоченного под непосредственным руководством замечательного советского чекиста Якова Христофоровича Петерса. В этот период ему не раз приходилось видеть на работе, совещаниях и на отдыхе Дзержинского и его ближайших соратников.

Следует отметить, что Восточный отдел был специально создан в рамках ВЧК—ОГПУ в связи с особенностями чекистских задач, вытекавших из требований и установок партии по национальному вопросу. Позднее Я.Х. Петере был направлен в Среднюю Азию с тем, чтобы на месте принимать меры по устранению различного рода осложнений, возникавших там на почве национальных отношений.

В 1923 году В.П. Алексеев поступил на Восточный факультет Военной академии Красной Армии, где в течение двух лет изучал японский язык без отрыва от основной работы в Восточном отделе. Выпускной экзамен по языку у Владимира Алексеева принимал выдающийся деятель международного коммунистического движения, основатель компартии Японии Сэн Катаяма.

В ноябре 1924 года на уполномоченного Восточного отдела ОГПУ Алексеева была составлена служебная характеристика, в которой, в частности, отмечалось:

«.. .Подбирать работников и руководить ими может. Инициативен. Энергичен и дисциплинирован. Обладает большой работоспособностью. Признавать свои ошибки не любит, хотя делает из них правильные выводы. Умеет настроить работников на выполнение задач. При проведении чекистских операций проявляет большую выдержку.

Учится на Восточном факультете академии, готовит себя для работы по Японии. Безусловно в дальнейшем может быть использован на более ответственной работе».

По мере подавления контрреволюционных выступлений внутри страны центр антисоветской деятельности к середине 1920-х годов начал постепенно перемещаться за границу, что потребовало от органов ОГПУ значительного усиления разведывательной работы за рубежом. В числе первых чекистов, переведенных из контрразведки на разведывательную работу, оказался и Алексеев. По окончании академии в 1925 году он был зачислен в аппарат Иностранного отдела ОГПУ.

Вскоре последовала и первая командировка за рубеж. Под фамилией Железняков и под прикрытием должности сотрудника советского

консульства «Павел» (таким был оперативный псевдоним разведчика) отправился в китайский город Харбин, являвшийся в то время одним из основных опорных пунктов белой эмиграции на Дальнем Востоке и важным центром деятельности японской разведки против Советского Союза. За время пребывания в Китае «Павел» приобрел первый опыт разведывательной работы. Он поддерживал связь с ценным источником, служившим в японской разведке, и получал от него важную документальную информацию. Оперативная работа разведчика проходила в экстремальных условиях, вызванных провокациями японских милитаристов на КВЖД.

Командировка в Китай длилась несколько месяцев. Почти сразу по возвращении из Харбина он получил новое назначение: на этот раз ему предстояло воочию познакомиться с Японией. Перед разведчиком была поставлена задача — наряду с выполнением основных оперативных заданий максимально усовершенствовать знание японского языка, всесторонне изучить страну. За год командировки «Павел» хорошо ознакомился с образом жизни различных слоев населения Японских островов, установил личные контакты с лицами из интересовавших внешнюю разведку кругов, что оказало ему значительную помощь в дальнейшей работе.

В 1927—1928 годах Алексеев-Железняков работал во Владивостоке в разведывательном центре ОГПУ по Японии, откуда в ту пору осуществлялось руководство всеми резидентурами советской внешней разведки на Дальнем Востоке. В декабре 1927 года в ознаменование десятилетия ВЧК—ОГПУ и за долголетнюю работу в органах он был награжден нагрудным знаком «Почетный чекист» и Собранием сочинений В.И. Ленина с надписью: «За преданность делу пролетарской революции».

В 1928 году «Павел» вторично выехал в Японию, чтобы возглавить только что созданную «легальную» резидентуру советских органов госбезопасности в Токио. По прикрытию являлся первым секретарем полпредства СССР. Резидентура ОГПУ под его руководством достойно справлялась с поставленными перед ней задачами, добывая важную политическую и военную информацию.

В материалах разведки, касающихся деятельности токийской резидентуры того периода, подчеркивается:

«В сложных условиях тотальной жандармской слежки, в атмосфере всеобщей подозрительности и традиционного японского недоверия к иностранцам резидентуре в довольно короткие сроки удалось наладить работу и ввести советское руководство в курс тайных военных

приготовлений Японию).

В 1931 Владимир Павлович возвратился из Японии в Москву и в течение года работал в центральном аппарате внешней разведки уполномоченным по Дальнему Востоку. В 1932 году по решению ЦК партии он был переведен на работу в Наркомат иностранных дел. И снова — Япония, куда Алексеев-Железняков выехал на должность генерального консула СССР в Токио. Занимая «чистую» дипломатическую должность, он оказывал большую помощь токийской резидентуре.

В Токио Владимир Павлович неоднократно встречался на официальных мероприятиях с Рихардом Зорге, хотя в тот период он, естественно, не мог знать, что этот блестящий журналист, обаятельный и умный человек являлся советским военным разведчиком-нелегалом.

В 1935 году В.П. Алексеев-Железняков получил новое ответственное назначение. Учитывая глубокое знание им Японии, в частности, проблем коммунистического и рабочего движения в этой стране, его направили на работу в Исполком Коминтерна, где он стал политическим референтом секретаря ИККИ О.В. Куусинена.

В 1938 году Алексеев-Железняков стал жертвой необоснованных репрессий. По клеветническому доносу он был арестован и 3 ноября осужден военной коллегией Верховного суда СССР на 10 лет исправительно-трудовых лагерей с последующим поражением в правах на 5 лет. В годы Великой Отечественной войны, находясь в заключении, Владимир Павлович неоднократно обращался с просьбами направить его на фронт. Однако все его обращения оставались без ответа.

В 1949 году Особым совещанием при МТБ СССР Алексеев-Железняков был осужден на ссылку с поселением в Красноярском крае. Проживая в поселке Бородино Красноярского края, он работал управляющим делами на угольном разрезе треста «Канскуголь».

Лишь в 1954 году Владимир Павлович Алексеев-Железняков был освобожден из ссылки. А в 1955 году последовала его полная реабилитация.

* * *

Знакомясь с архивом В.П. Алексеева-Железнякова, авторы обнаружили написанное им стихотворение «Никогда не должно повториться», которое повествует о трагическом периоде его жизни.

Не вдаваясь в обсуждение его художественных достоинств, хотели бы

привести небольшой отрывок из этого произведения:

...Как тяжело попасть в ЧеКа
Под черной кличкой «врага»
Без преступленья и греха,
Когда безмерно дорога
Возмездья честная рука —
Меч революции — ЧеКа...

Безусловно, многие безвинно осужденные чекисты могли бы присоединиться к этим словам автора. И не их вина, а беда была в том, что органы государственной безопасности в конце 1930-х годов оказались втянутыми в кампанию репрессий и превратились в инструмент политических интриг.

После реабилитации, находясь на пенсии, Владимир Павлович вел активную общественную работу: выступал перед молодыми сотрудниками внешней разведки, писал воспоминания, статьи по истории органов госбезопасности.

Весьжизненный путь чекиста-разведчика являлся ярким примером служения Родине. В 1967 году он был награжден орденом Красного Знамени.

Скончался Владимир Павлович Алексеев-Железняков в 1989 году в доме ветеранов в поселке Переделкино под Москвой.

Рассказ о В.П. Алексееве-Железнякове будет не полным, если не упомянуть хотя бы вкратце о его супруге — Зинаиде Антоновне. Технический сотрудник ВЧК—ОГПУ с 1919 года, она работала с Ф.Э. Дзержинским, В.Р. Менжинским, Я.Х. Петерсом и другими основателями органов государственной безопасности. Зинаида Антоновна неизменно сопровождала мужа во всех командировках, работала в харбинской и токийской резидентурах, а если возникала необходимость, участвовала в острых оперативных мероприятиях.

Глава XII. СОТРУДНИКИ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ, ПАВШИЕ ЖЕРТВАМИ РЕПРЕССИЙ В 1930—1940-е ГОДЫ

В перечень не включены деятели внешней разведки, которым посвящены очерки настоящей книги: Артузов А.Х., Глинский С.М., Давтян (Давыдов) Я.Х., Катанян Р.П., Косенко Г.Н., Малли Т.С., Мильграм И.В., Сыроежкин Г.С., Трилиссер М.А.

АКСЕЛЬРОД Моисей Маркович.

Родился 5 января 1898 года в Смоленске в семье служащего.

Учился на юридическом факультете Московского университета. В годы Гражданской войны служил в политотделе Западного фронта. Являлся членом партии «Поалей-Цион».

После окончания Гражданской войны продолжил обучение в университете, который окончил в 1923 году. В 1924 году окончил арабское отделение Московского института востоковедения. Свободно владел арабским, английским, французским, немецким и итальянским языками.

В 1924 году был принят в НКВД и сразу же направлен на работу в генконсульство СССР в Джебде (Саудовская Аравия). В 1927—1928 годах работал в советской миссии в Йемене.

Одновременно с работой на дипломатическом поприще, начиная с 1925 года, Аксельрод выполнял поручения ИНО ОГПУ. В 1928 году перешел на работу во внешнюю разведку. В том же году стал членом ВКП (б). Находился на нелегальной работе в Египте и Турции. С 1934 по 1938 год возглавлял нелегальную резидентуру в Италии. Поддерживал связь с ценной агентурой, добывал важные сведения и шифры. После завершения командировки был назначен заместителем начальника Школы особого назначения 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Капитан госбезопасности.

Арестован 16 октября 1938 года по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации в органах НКВД СССР. 20 февраля 1939 года осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к

высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован 24 сентября 1955 года.

АЛЕКСЕЕВ Николай Николаевич.

Родился 1 ноября 1893 года в городе Ржеве Тверской губернии в семье земского уездного агронома и сельской учительницы.

В 1909 году примкнул к подпольному молодежному эсеровскому кружку, а в декабре 1910 года вступил в партию эсеров. После окончания 1-й харьковской гимназии в 1912 году учился на физико-математическом факультете Московского университета и на юридическом факультете Харьковского университета. Свободно владел английским и французским языками. За активную революционную деятельность в январе 1915 года был арестован и приговорен к 4 годам ссылки, которую отбывал в городе Тупун Иркутской губернии. Освобожден Февральской революцией. Участник Гражданской войны. В 1919—1920 годах находился на подпольной работе в Одессе, Николаеве и Херсоне. В июле 1920 года вступил в члены РКП (б) и сразу же был назначен заведующим орготделом Харьковского губкома КП(б) У.

В январе 1921 года был переведен в ИНО ВЧК и направлен во главе разведгруппы во Францию для организации нелегальных резидентур с целью проникновения в антисоветские эмигрантские центры. Главной задачей группы была борьба с савинковцами. В 1924—1925 годах являлся резидентом ИНО ОГПУ в Лондоне под прикрытием должности вице-консула. После командировки находился на руководящих постах в территориальных органах НКВД. Затем работал в системе ГУЛАГ.

Награжден двумя нагрудными знаками «Почетный чекист» и Почетным боевым оружием. Старший майор госбезопасности. 27 июня 1937 года был арестован по обвинению в шпионской и подрывной контрреволюционной деятельности. 1 декабря комиссией в составе наркома внутренних дел и прокурора СССР приговорен к высшей мере наказания и 9 декабря того же года расстрелян.

Реабилитирован посмертно 20 июня 1956 года.

АЛЬБЕРТ-ТАККЕ Эрих Альбертович.

Родился в 1894 году в Лаутсрбергс (Германия) в семье шорника-

кустаря. Немец.

В 1910 году окончил в Германии реальное училище, затем работал в различных банках. В 1914 году работал в Петербурге в Русско-Азиатском банке. С началом Первой мировой войны отправлен в Усть-Сысольский уезд в качестве гражданского пленного. В июне 1918 года эвакуирован в Германию. В течение нескольких месяцев служил в германской армии, затем работал в Ганновере. С 1919 года член компартии Германии. Три года находился на нелегальной работе в Германии по линии Коминтерна.

В 1923—1924 годах—сотрудник Разведывательного управления Штаба РККА в Москве. С июня 1924 года—в ИНО ОГПУ. В 1924—1927 годах—сотрудник резидентуры в Шанхае, резидент в Харбине. С 1928 по 1935 год являлся заместителем резидента нелегальной резидентуры в Германии. Занимался активной вербовочной работой, поддерживал связь с ценной агентурой. Из-за угрозы провала в середине 1935 года возвратился в Москву. 22 апреля 1936 года был арестован. 2 сентября 1937 года приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован военным трибуналом Московского военного округа 18 июня 1959 года.

АЛЬБЕРТ-ТАККЕ Юнона Иосифовна.

Девичья фамилия — Пшепелинская. Родилась в 1898 году в Галиции в семье поляка-железнодорожника, члена Польской социалистической партии.

Являлась членом «Польской организации войсковой», командиром роты легионеров, заместителем командира батальона. За храбрость награждена двумя польскими орденами. Во время польско-советской войны 1920 года попала в плен. Сидела в Виленской тюрьме. Перешла на сторону большевиков. Работала в оперативной группе А.Х. Артузова на Западном фронте.

В 1924 году перешла на работу в ИНО ОГПУ и была направлена на работу в харбинскую резидентуру под прикрытием должности сотрудника консульства. В Харбине вышла замуж за Эриха Альберт-Такке. В резидентуре являлась оперативно-техническим сотрудником и связником. Участвовала в сложных оперативных мероприятиях.

Вместе в мужем в течение семи лет работала в нелегальной

резидентуре в Германии. Характеризовалась смелым и находчивым оперативным работником, высококвалифицированным фотографом.

После ареста мужа была направлена в Алма-Ату, где работала в управлении НКВД Казахской АССР. 16 мая 1937 года арестована по обвинению в шпионаже. 26 августа того же года комиссией в составе наркома внутренних дел, прокурора СССР и председателя Верховного суда СССР приговорена к высшей мере наказания и в тот же день расстреляна.

Реабилитирована 28 декабря 1967 года.

АНГАРСКИЙ Иннокентий Ионович.

Родился в 1885 году. За революционную работу был приговорен царским судом к каторге, откуда бежал и эмигрировал за границу. Активный участник становления советской власти на Дальнем Востоке.

Во внешней разведке с 1921 года. Резидент в Харбине (1921—1925), заместитель резидента в Шанхае (1925—1926), разведчик-нелегал во Франции (1929—1935). В 1938 году осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Скончался в 1942 году в Ухтижемлаге.

Реабилитирован в 1956 году.

АПЕТЕР Иван Андреевич.

Родился в 1890 году в Лифляндской губернии, латыш. В годы Первой мировой войны служил в 26-м Сибирском стрелковом полку. С марта 1917 года—председатель солдатского комитета 3-го Сибирского корпуса. В том же году стал членом РСДРП (б).

В органах ВЧК с 1918 года. Являлся начальником Особого отдела Всеукраинской ЧК, затем начальником Особого отдела 12-й армии. В 1920 году — начальник Особого отдела Западного фронта. В 1921—1922 годах — заместитель начальника внешней разведки С.Г. Могилевского. Затем работал на руководящих должностях в территориальных представительствах ОГПУ. С февраля 1931 года— заместитель наркома юстиции РСФСР. С февраля 1934 года — прокурор Саратовского края.

Награжден орденом Красного Знамени (1923). Старший майор госбезопасности.

Арестован 11 декабря 1937 года. 22 августа 1938 года осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в

тот же день расстрелян.

Сведений о реабилитации не имеется.

БАЗАРОВ Борис Яковлевич.

Родился 27 мая 1893 года в местечке Цитовяны Россиенского уезда Ковенской губернии.

Окончил Лукникское народное училище, Виленское реальное училище и Виленское военное училище. С июля 1914 года на германском фронте: подпоручик — командир взвода в 105-м пехотном полку, затем поручик—командир роты. В начале 1916 года оказался в немецком плену. В начале 1919 года освобожден из плена и отправлен водным путем на юг России, в Крым. Был мобилизован в Белую гвардию. Служил младшим офицером в штабе одной из частей деникинской, а затем врангелевской армий. С остатками врангелевских войск по заданию военной разведки Красной Армии эвакуировался в Константинополь, а затем перебрался в Берлин.

С марта 1921 года Базаров—кадровый сотрудник Иностранного отдела ВЧК. Руководил нелегальной резидентурой в Болгарии, в круг интересов которой входили также Румыния и Югославия. Свободно владел немецким, английским, болгарским, французским и сербскохорватским языками.

С 1924 по 1927 год с позиций Вены руководил нелегальными группами источников, действовавших на Балканах. В 1928 году направлен на нелегальную работу в Германию. С позиций Берлина он руководил нелегальными резидентурами в Англии и во Франции, а также балканской линией внешней разведки.

В 1934 году Базаров возглавил нелегальную резидентуру в Нью-Йорке, которая под его началом добилась значительных оперативных результатов. Успехи резидента были отмечены двумя нагрудными знаками «Почетный чекист» и Почетным именованным оружием. В марте 1937 года ему было присвоено специальное звание майора госбезопасности.

Однако полнокровная жизнь разведчика-профессионала Базарова неожиданно оборвалась в 1938 году, когда его под предлогом отпуска отозвали в Москву. 3 июля 1938 года он был арестован, а 21 февраля 1939 года «за шпионаж и измену» приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 22 декабря 1956 года.

БАРАНСКИЙ Казимир Станиславович.

Родился 11 августа 1894 года в деревне Ленчно Петроковской губернии Царства Польского в крестьянской семье среднего достатка, поляк. Окончил сельскую школу, Петроковское городское училище и коммерческое училище. В декабре 1918 года окончил артиллерийское отделение 1-х Московских командных курсов. Тогда же вступил в РКП (б).

С февраля 1919 года — в Красной Армии: комиссар дивизиона легкой артиллерии, затем сотрудник регистрационного отдела (военная разведка) штаба Западного фронта. Был ранен.

В Иностранном отделе ВЧК с марта 1921 года. До 1923 года являлся заместителем резидента ИНО ОГПУ и РУ Штаба РККА в Варшаве. С 1923 года — резидент ИНО под прикрытием должности секретаря полпредства СССР в Польше. Добился значительных оперативных результатов. После завершения командировки работал в центральном аппарате внешней разведки. В 1930—1933 годах являлся начальником 6-го отделения (разведка в странах Востока) ИНО ОГПУ. С 1934 года — начальник 4-го отделения (разведка в Польше, Финляндии и Прибалтийских государствах) ИНО ОГПУ — ГУГБ НКВД.

Майор госбезопасности. Награжден орденом Красного Знамени.

Арестован 11 мая 1937 года по обвинению в шпионаже и принадлежности к ПОВ («Польская организация войскова»). 14 августа того же года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Посмертно реабилитирован 22 сентября 1956 года.

БИРК Роман Густавович.

Родился в 1894 году в городе Балахна. Эстонец. Участник Первой мировой войны, капитан царской армии.

В 1918—1920 годах служил в Генштабе эстонской армии. С 1920 года — сотрудник посольства Эстонии в Советской России. Привлечен к сотрудничеству с ОГПУ в 1923 году. Активный участник операции «Трест». Награжден золотыми часами.

С 1927 года находился на нелегальной работе в Вене, учился в Консульской академии. Выполнял задания советской разведки в Австрии и Германии под прикрытием журналиста. Имел на связи ценную агентуру, осуществлял вербовки под «чужим флагом». В первой половине 1930-х годов стал кадровым сотрудником НКВД СССР.

В начале 1937 года был отозван в Москву и 23 июля того же года

арестован. По обвинению в шпионаже осужден к высшей мере наказания и 22 апреля 1938 года расстрелян.

Реабилитирован 11 марта 1963 года военным трибуналом Московского военного округа.

БОГДАНОВ Борис Давидович.

Родился в 1901 году. Окончил Владивостокский политехнический институт. Работал журналистом. Владел английским, французским и немецким языками.

В органах госбезопасности с 1922 года. Работал на Дальнем Востоке. Являлся начальником контрразведки Читинского окружного отдела ОГПУ. В 1929—1931 годах находился в служебной командировке в Китае по линии внешней разведки. В период конфликта на КВЖД участвовал в ряде сложных агентурных мероприятий по выводу в СССР из Маньчжурии руководителей белогвардейской организации «Братство русской правды».

В 1932—1937 годах являлся заместителем, затем—начальником разведотдела полпредства ОГПУ—УНКВД по Дальневосточному краю. Возглавлял разведработу по Японии, Корее и Китаю.

Арестован 23 августа 1937 года. По обвинению в участии в правотроцкистской организации приговорен к высшей мере наказания и 10 февраля 1938 года расстрелян.

Реабилитирован в 1958 году.

БОРТНОВСКИЙ Бронислав Брониславович.

Родился в Варшаве в 1894 году в семье чиновника. Поляк.

Окончил реальное училище. Учился в Политехническом институте в Варшаве. Еще в 1910 году вступил в Союз социалистической молодежи Польши, а в 1912 году — в Российскую социал-демократическую партию. В 1914 году за политическую деятельность был арестован и выслан в Саратов, где работал чертежником. Участник Октябрьской революции.

С 1918 года — в органах государственной безопасности: секретарь Ф.Э. Дзержинского, следователь Отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией, начальник Информационного отдела ВЧК. В ходе операции по захвату участников заговора Локкарта был тяжело ранен. С 1919 года — на Западном фронте: заместитель начальника, начальник

разведотдела фронта.

С декабря 1921 года по начало 1925 года — руководитель берлинской резидентуры ИНО и военной разведки. В апреле 1925 года возвратился в Москву и был переведен на руководящую должность в IV управление штаба РККА (военная разведка).

В 1930—1934 годах находился на нелегальной работе в Берлине и Копенгагене по линии Коминтерна. С 1934 года — руководитель Польско-Прибалтийского секретариата ИККИ.

Арестован в июне 1937 года. 3 ноября 1937 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Посмертно реабилитирован в 1955 году.

БРЖОЗОВСКИЙ Генрих Иосифович.

Родился в 1899 году в Минской губернии в семье рабочего. Поляк.

В 1912—1920 годах работал лакировщиком в мебельном производстве. С 1918 года член Компартии Польши и одновременно член РКП (б). До 1923 года находился на нелегальной партийной работе в Польше, подвергался арестам.

После возвращения в СССР в 1924 году стал работать в органах ОГПУ — НКВД (сначала — в контрразведывательном, а затем — в иностранном отделах). Выезжал в спецкомандировки в Японию и Чехословакию.

В 1935 году был назначен резидентом ИНО ГУГБ НКВД СССР в Финляндии.

Во второй половине 1936 года был отозван в СССР и 24 ноября того же года арестован. Комиссией в составе наркома внутренних дел, прокурора СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда СССР по обвинению в шпионаже приговорен к высшей мере наказания и 21 августа 1937 года расстрелян.

Реабилитирован 19 июля 1958 года определением военного трибунала Московского военного округа.

БЫСТРОЛЕТОВ Дмитрий Александрович.

Родился 4 января 1901 года в селе Айборы Евпаторийского района Крыма.

В 1919 году окончил одновременно выпускные классы мореходной школы в Анапе и местной гимназии. Служил матросом на пассажирских судах. В 1921 году в поисках работы эмигрировал в Турцию. В Константинополе с отличием окончил колледж для европейцев-христиан. Затем перебрался в Чехословакию и поступил на учебу в Украинский университет в Праге.

Будучи одаренным человеком, Быстролетов получил за границей специальности юриста, врача и художника-графика. Он знал более двадцати иностранных языков. Однако профессия у него была одна — с 1925 года он являлся советским разведчиком-нелегалом. В представлении к награждению его знаком «Почетный чекист», в частности, отмечалось: «Своей исключительной выдержкой и проявленной при этом настойчивостью способствовал проведению ряда разработок крупного оперативного значения». Возглавляемая им нелегальная резидентура добыла шифры МИД Англии и некоторых других европейских стран, что позволило советской внешней разведке длительное время получать ценную информацию.

После возвращения в Советский Союз в 1936 году работал в центральном аппарате внешней разведки. В сентябре 1938 года был арестован. Обвиненный в шпионаже и в связях с расстрелянными к тому времени «врагами народа» (его коллегами по нелегальной работе Н. Самсоновым и Т. Малли), Быстролетов был осужден на 20 лет исправительно-трудовых лагерей. Заключение отбывал в Норильлаге, Краслаге, Сиблаге, три года в одиночной камере подмосковного спецобъекта МТБ «Сухановка», затем на каторжных работах в Озерлаге и Камышлаге.

В 1954 году Быстролетов, ставший инвалидом, был освобожден из заключения. Реабилитирован в 1956 году.

В 1973 году по сценарию Быстролетова был снят художественный фильм «Человек в штатском», рассказывающий о работе разведки. Позже увидела свет литературная трилогия «Пир Бессмертных», в которой разведчик рассказал о своей жизни и работе.

Д.А. Быстролетов скончался 3 мая 1975 года. Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

ВАЙНШТЕЙН-ГУЧКОВ Мориц Иосифович.

Родился в 1901 году в Латвии. Один из основателей комсомола Латвии.

Член РКП (б) с 1920 года. Находился на подпольной партийной работе в Прибалтике.

В 1922 году был арестован полицией Латвии и после суда выслан в Советскую Россию. В 1924 году окончил правовое отделение факультета общественных наук Московского государственного университета.

В органах государственной безопасности с 1924 года. В 1925— 1926 годах — сотрудник берлинской резидентуры ОГПУ. С 1925 года— заместитель нелегального резидента в Германии Бертольда Карловича Илька. Помимо выполнения функций заместителя резидента имел на связи группу агентов в Германии и руководил агентурой, действовавшей в Англии. После возвращения в Москву в 1936 году являлся инструктором парткома НКВД.

В 1937 году арестован и приговорен к высшей мере наказания.

Полностью реабилитирован в 1959 году.

ВИНОГРАДОВ Борис Дмитриевич.

Родился в 1903 году в Калуге в семье служащего. В 1919 году вступил в РКП (б). В 1920—1921 годах— секретарь губкома комсомола, а затем губкома РКП (б) в Калуге.

В 1924 году окончил факультет общественных наук МГУ и был откомандирован в распоряжение ИНО ОГПУ. В совершенстве владел немецким языком.

С 1925 года находился на разведработе в Вене под прикрытием дипломатической должности. С 1930 года—сотрудник резидентуры внешней разведки в Берлине под прикрытием должности 1 -го секретаря полпредства СССР. В 1937—1938 годах работал в Польше под прикрытием 1-го советника полпредства СССР.

Арестован 3 февраля 1938 года. По обвинению в шпионаже приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 28 августа 1938 года к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован 4 августа 1956 года.

ВОРОПИНОВ Павел Фокич.

Родился в 1889 году в семье казака в станице Невинномысской Кубанского края. Детские и юношеские годы прошли в Маньчжурии, куда

его отец вместе с семьей приехал на строительство КВЖД. Знал китайский и английский языки.

В 1916 году сдал экстерном экзамены за 6 классов гимназии и по личной просьбе был направлен на учебу в Иркутское военное училище. Служил младшим офицером в Туркестанском стрелковом полку на Кавказском фронте. Избирался председателем ревкома полка. В 1917 году приехал в отпуск в Харбин и был кооптирован в Харбинский совет рабочих и солдатских депутатов. Участвовал в установлении советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке.

В органах госбезопасности с 1923 года. Рекомендован сотрудником Иностранного отдела С.М. Шпигельгласом, который его характеризовал как «ценного сотрудника, хорошо знающего политическую ситуацию стран Дальнего Востока». Работал в Контрразведывательном отделе ОГПУ. В характеристике, подписанной заместителем начальника КРО С.В. Пузицким, отмечалось, что «Воропинов незаменимый работник по китайским делам».

С 1930 года являлся начальником Иностранного отдела ГПУ Казахской ССР. Полковой комиссар. Провел ряд важных разведывательных операций за рубежом.

В декабре 1937 года арестован как «враг народа». Обвинялся в шпионаже в пользу Японии. 22 августа 1938 года Военной коллегией

Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 сентября 1956 года дело в отношении Воропинова П.Ф. было прекращено за отсутствием состава преступления.

ГОРДОН Борис Михайлович.

Родился 22 сентября 1896 года в городе Двинске Витебской губернии в семье рабочего кожевенного завода.

После окончания в 1911 году 7 классов торговой школы работал счетоводом на мануфактурном складе. Осенью 1915 года был призван в армию. Служил рядовым в 178-м пехотном запасном батальоне в городе Старая Русса. В начале 1916 года демобилизовался по болезни, работал счетоводом на мельнице в городе Ельце.

С февраля 1918 года член РКП (б). Участник Гражданской войны.

В органах государственной безопасности с 1920 года. Продолжи-

тельное время находился на руководящей работе в территориальных органах (ЧК Туркестана, Орловской и Архангельской областей, Курский губотдел ОГПУ, отделы ОГПУ по Центрально-Черноземной и Московской областям).

В 1932 году переведен на работу в Иностраннный отдел ОГПУ. В середине 1933 года окончил Институт красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики. С 1933 по 1937 год являлся руководителем «легальной» резидентуры в Берлине под прикрытием должности 2-го секретаря полпредства СССР в Германии. Привлек к сотрудничеству с советской разведкой ряд ценных источников, в том числе крупного чиновника имперского Министерства экономики доктора Арвида Харнака («Корсиканец»), возглавившего позднее подпольную антифашистскую сеть, ставшую известной как «Красная капелла».

Награжден грамотой коллегии ОГПУ, маузером с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» и нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК—ГПУ».

В мае 1937 года был отозван в Москву, а 20 июня того же года арестован. 21 августа 1937 года по обвинению в шпионаже и «за связь с врагом народа Артузовым» комиссией в составе наркома внутренних дел, прокурора СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

16 сентября 1967 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

ГОРОЖАНИН Валерий Михайлович.

Родился в 1889 году в городе Аккерман Бессарабской губернии в семье страхового агента. В 1907 году сдал экстерном экзамены за полный курс гимназии. В том же году вступил в партию эсеров.

В 1909—1912 годах учился на юридическом факультете Новороссийского университета в Одессе, однако был отчислен за революционную деятельность. В 1912 году был арестован, год содержался в одиночной камере, а затем до конца 1914 года отбывал ссылку в Вологодской губернии.

После Февральской революции 1917 года продолжил учебу в Новороссийском университете. В 1917—1918 годах активно участвовал в революционных событиях в Одессе.

В 1919 году вступил в члены РКП (б). С мая 1919 года—следователь по особо важным делам при президиуме Одесской ГубЧК. В период денкинской оккупации находился в Одессе, был арестован и приговорен к расстрелу. Освобожден Красной Армией. Затем работал на руководящих должностях в различных подразделениях украинского ГПУ.

В мае 1930 года откомандирован на работу в центральный аппарат ОГПУ. С 1932 года—на руководящих должностях в ИНО ОГПУ. Являлся заместителем начальника внешней разведки. С февраля 1937 года — заместитель начальника Особого бюро НКВД СССР. Старший майор госбезопасности.

Автор книги «Анатоль Франс и Ватикан» и написанного вместе с В.В. Маяковским сценария «Инженер Д'Арси».

Награжден орденом Красного Знамени и двумя нагрудными знаками «Почетный чекист».

19 августа 1937 года арестован по делу «о заговоре в НКВД УССР» и 29 августа 1938 года расстрелян.

В июне 1957 года реабилитирован.

ГРАФПЕН Григорий Борисович.

Родился в 1891 году в городе Одессе. В 1906 году окончил 6-классное городское училище, в 1909 году—три курса Одесского технического училища. С 1910 года работал печатником в типографии братьев Кульберг в Одессе. В июне—октябре 1908 года состоял в партии меньшевиков. С ноября 1908 по конец 1912 года жил и работал в США, являлся членом социалистической партии.

После призыва в армию в 1913 году служил рядовым, затем младшим унтер-офицером 131-го Тираспольского пехотного полка. С ноября 1917 года — командир роты связи Интернационального полка РККА. Участник Гражданской войны. С мая 1918 года по июль 1919 года являлся командиром батальона связи 57-й стрелковой дивизии. С августа 1919 года по август 1920 года — военный комендант городов Ромны, Прилуки, Сумы, Коногон. Затем по апрель 1921 года служил военным комендантом Киева и Чернигова.

В ноябре 1919 года стал членом РКП (б).

После демобилизации из армии осенью 1922 года находился на руководящих должностях Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, Нарномфина, Наркомвнешторга. С апреля 1927 года по сентябрь 1931 года

являлся управляющим делами и директором Импортного управления фирмы «Амторг» в Нью-Йорке.

В сентябре 1931 года зачислен на работу в Иностранный отдел ОГПУ. Являлся сотрудником резидентур в Италии и США. В 1937—1938 годах руководил «легальной» резидентурой НКВД в Лондоне. Работал под прикрытием должности атташе полпредства СССР в Великобритании. Являлся куратором члена «Кембриджской пятерки» Дональда Маклейна, а после отъезда последнего на работу в Париж — его коллеги по «пятерке» Джона Кернкросса.

В ноябре 1938 года отозван в Москву и 29 декабря того же года арестован. В январе 1939 года уволен из НКВД. За «связь с троцкистами» приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к 5 годам исправительно-трудовых лагерей и к ссылке на неопределенный срок и до декабря 1943 года находился в заключении.

После освобождения трудился на хозяйственных должностях в Севжелдорлаге и на Печорской железной дороге.

22 сентября 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. В 1956 году вышел на пенсию, переехал на постоянное жительство в Ленинград.

ГРИГОРЬЕВ Михаил Васильевич.

Родился в 1896 году. Член партии большевиков с 1917 года. Участвовал в подавлении Кронштадского мятежа, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Во внешней разведке с 1927 года. С 1933 по 1937 год являлся помощником руководителя нелегальной резидентуры во Франции. Поддерживал связь с ценной агентурой, участвовал в ответственных операциях против РОВС (Кутепов, Миллер, «Информация наших дней»). За проявленные смелость и находчивость награжден вторым орденом Красного Знамени.

В 1938 году был арестован. В 1940 году приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Полностью реабилитирован в 1956 году.

ГУРСКИЙ Карл Вольдемарович.

Родился в 1902 году в Брауншвейге (Германия). Немец.

После окончания средней школы уехал в Китай к брату, имевшему в Харбине свое торговое дело. В 1926 году женился на дочери банковского служащего Э.М. Равкиной, уроженке Москвы. С 1937 года гражданин СССР.

В разведке с 1926 года. До 1930 года выполнял разведывательные задания в Харбине и Шанхае. В 1931 году был выведен в качестве разведчика-нелегала в Германию. Работал в Гамбурге, был заместителем резидента в Берлине, имел на связи ценную агентуру. Затем некоторое время работал в центральном аппарате разведки в должности начальника отделения.

В 1939 году арестован и приговорен к высшей мере наказания. В 1940 году приговор заменен на 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Реабилитирован в 1956 году.

ГУТЦАЙТ Петр Давыдович.

Родился в 1900 году в селе Бородаевка Екатеринославской губернии в семье мелкого торговца. Окончил сельскую школу.

До 1917 года работал лодочником на переправе через Днепр, бурильщиком, рабочим каменоломни. В 1919 году вступил в партию, служил в речной милиции.

В 1920 году по рекомендации укома РКП (б) поступил на работу в уездную ЧК политкомиссаром. В 1922 году был мобилизован в РККА. Участвовал в борьбе с бандитизмом. Учился на курсах Школы ВЦИК, а затем — на курсах ВПШ ОГПУ.

С 1923 года — сотрудник органов госбезопасности. Работал в Экономическом управлении ОГПУ и в Иностранном отделе. С 1933 года — первый «легальный» резидент ИНО в США. Взаимодействуя с нелегальной резидентурой Базарова, добывал ценную политическую и научно-техническую информацию. Под его руководством резидентура создала эффективный агентурный аппарат внешней разведки в США. Майор госбезопасности.

В начале 1938 года отозван в Москву и назначен начальником отделения научно-технической разведки. 16 октября того же года арестован как участник контрреволюционной террористической организации. 21 февраля 1939 года приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

29 сентября 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

ДАТИЕВ (ОЧАКОВСКИЙ) Юлиан Яковлевич.

Родился в 1900 году. В 1919 году стал членом партии большевиков. В период Гражданской войны — комиссар бронепоезда.

В органах государственной безопасности с 1919 года. Работал в качестве сотрудника или руководителя резидентур в Афганистане (дважды), Харбине, Иране и Норвегии. Приобрел ряд ценных источников информации. Участвовал в ряде ответственных чекистских операций за рубежом.

В 1939 году арестован и приговорен к высшей мере наказания.

Реабилитирован в 1958 году.

ДЕРИБАС Терентий Дмитриевич.

Родился в апреле 1883 года в селе Успенское Екатеринославской губернии в семье зажиточного крестьянина. Окончил реальное училище в Кременчуге.

Член РСДРП с 1903 года. За активную партийную деятельность неоднократно арестовывался и подвергался ссылке. С 1911 года проживал и работал в городе Троицке Оренбургской губернии. После 1917 года находился на партийной и советской работе. Участвовал в подавлении мятежа в Кронштадте и в ликвидации антоновщины.

На оперативной работе в органах ВЧК с декабря 1920 года. В 1929 году назначен полномочным представителем ОГПУ на Дальнем Востоке. Принимал непосредственное участие в организации разведывательной работы в Китае против белоэмигрантов и японцев. С 1931 года — член Коллегии 0111У. С 19 июня 1937 года — начальник УНКВД Дальневосточного края. Комиссар государственной безопасности 1-го ранга.

За боевую деятельность награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени и двумя нагрудными знаками «Почетный чекист».

Арестован 12 августа 1937 года. Приговорен к высшей мере наказания и 27 июля 1938 года расстрелян.

Реабилитирован в 1957 году.

ЗАПОРОЖЕЦ Иван Васильевич.

Родился 6 января 1895 года в городе Большой Токмак Бердянского уезда Таврической губернии в многодетной крестьянской семье. Украинец. Настоящая фамилия — Гарькавый.

Окончил начальную школу, учился в Херсонском среднем сельскохозяйственном училище. В период учебы вступил в эсеровский кружок.

В начале 1915 года был призван в армию, воевал на Галицийском фронте. За антивоенную пропаганду был арестован. Бежал из-под ареста, перешел линию фронта и сдался австро-венграм. Жил в Австро-Венгрии на положении интернированного.

В январе 1918 года вернулся в Россию, вступил в партию левых эсеров и был направлен на подпольную работу на Украину. Участвовал в организации крестьянских восстаний против деникинцев, командовал партизанским отрядом.

После разгрома Деникина направлен ЦК левых эсеров (боротьбистов) на партийную работу в Николаев. Был членом губисполкома. После роспуска партии в мае 1920 года работал в Киеве членом губкома КП(б) У. В конце 1920 года назначен политкомиссаром Центральной школы червонных старшин в Харькове.

С апреля 1921 года — в Разведупре Штаба РККА. Находился на нелегальной работе в Польше, Чехословакии и Австрии.

В начале 1922 года переведен на работу в центральный аппарат ИНО ГПУ. Выезжал на разведработу в Берлин под прикрытием должности сотрудника полпредства. С апреля 1925 года — помощник начальника ИНО ОГПУ. Затем до марта 1928 года — резидент ИНО ОГПУ в Вене под прикрытием должности сотрудника полпредства. По возвращении в СССР работал на руководящих должностях в центральном аппарате ОГПУ.

С 30 октября 1931 года — заместитель полпреда ОГПУ по Ленинградскому военному округу. После образования НКВД 15 июля 1934 года — первый заместитель начальника УНКВД и начальник Особого отдела Управления госбезопасности УНКВД по Ленинградской области.

Награжден двумя нагрудными знаками «Почетный чекист».

В связи с убийством С.М. Кирова был арестован и 23 января 1935 года осужден Военной коллегией Верховного суда СССР на три года лишения свободы. Являлся заместителем, а затем начальником транспортного

управления Дальстроя.

1 мая 1937 года вновь арестован и вывезен в Москву. 14 августа того же года приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован в конце 1950-х годов.

ИЛЬК Бертольд Карлович.

Родился в 1896 году в городе Подволочиск в Галиции (Австро-Венгрия). Окончил гимназию, а затем Экспортную академию в Вене. Свободно владел немецким, польским, английским и русским языками.

С 1919 года являлся членом КП Галиции и КП Австрии. Находился на нелегальной партийной работе в Германии, Австрии и Венгрии. Неоднократно подвергался арестам. В 1925 году эмигрировал в СССР.

В июне 1926 года зачислен на работу в ИНО ОГПУ и сразу же направлен нелегальным резидентом в Германию. С позиций Гамбурга руководил крупными нелегальными резидентурами и компактными нелегальными группами, действовавшими в предвоенные годы в Германии, Польше, прибалтийских странах, Франции и Англии. Добывал исключительно ценную разведывательную информацию, осуществлял вербовку агентуры, проводил успешные активные мероприятия.

По возвращении в СССР в мае 1935 года работал на руководящих должностях в органах контрразведки.

28 апреля 1937 года был арестован по обвинению в шпионаже. 19 июня того же года комиссией в составе наркома внутренних дел, прокурора СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

30 октября 1958 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

КАЛУЖСКИЙ Евгений Маркович.

Родился в 1902 году в городе Екатеринославе. Получил высшее образование. В совершенстве владел японским языком.

По линии Иностранного отдела ОГПУ в начале 1930-х годов работал в Сеуле в «легальной» резидентуре. Являлся куратором исключительно ценного источника информации. Затем в Центре занимал должность

переводчика НКВД СССР.

Арестован 28 марта 1939 года как «японский шпион». Расстрелян 2 февраля 1940 года.

Реабилитирован в 1956 году.

КАРИН Федор Яковлевич.

Родился в 1896 году в селе Суслено Бессарабской губернии в семье бедного ремесленника. Окончил реальное училище.

С 1918 года — в РККА. С 1919 года — в органах ВЧК. Являлся членом коллегии Всеукраинской чрезвычайной комиссии. В конце того же года переведен в Москву, в оперативную часть Особого отдела ВЧК. В совершенстве владел немецким, английским и румынским языками. С 1921 года — в Иностранном отделе ВЧК. До 1924 года находился на нелегальной работе в Румынии, Австрии и Болгарии. С 1924 года—резидент ИНО ОГПУ в Харбине. В 1927—1933 годах находился на нелегальной работе в США и возглавлял нелегальные резидентуры в Германии и во Франции.

-^В 1934 году начальник внешней разведки А.Х. Артузов в аттестации на Карина подчеркнул: «Считаю т. Карина в первом десятке лучших организаторов-разведчиков СССР».

В мае 1934 года Ф.Я. Карин был переведен в военную разведку и назначен на должность начальника ее 2-го отдела, занимавшегося ведением разведывательной работы в странах Востока. Ему было присвоено звание корпусного комиссара, что соответствовало воинскому званию генерал-лейтенант.

16 мая 1937 года арестован. Дело «об участии комкора Ф. Карина в военно-фашистском заговоре» было рассмотрено 21 августа 1937 года на заседании Специальной комиссии. Разведчик был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован 5 мая 1956 года.

КЕДРОВ Игорь Михайлович.

Родился в 1908 году. Сын одного из основателей ВЧК М.С. Кедрова — соратника Ф.Э. Дзержинского.

В органах ОГПУ с 1930 года. Работал в КРО, возглавлял комсомольскую организацию отдела.

В разведке с 1933 года: сотрудник ИНО, заместитель начальника отделения по разведке в Германии и других европейских странах. Старший лейтенант госбезопасности.

В феврале 1939 года вместе со своим другом, старшим уполномоченным КРО ГУГБ НКВД лейтенантом госбезопасности В.П. Голубевым (1913 —1940) обратился к Берии с заявлением о нарушениях социалистической законности и необоснованных репрессиях в отношении кадров разведки.

Был уволен из органов НКВД, приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в 1940 году расстрелян.

Посмертно реабилитирован в 1954 году.

КОРНЕЛЬ Павел Иванович.

Родился в 1897 году. Член партии большевиков с 1919 года. В органах госбезопасности с 1920 года.

До 1924 года работал в периферийных органах ВЧК—ГПУ. Затем по 1926 год — в Восточном отделе ОГПУ. В разведку перешел в 1927 году и сразу же был направлен оперативным работником «легальной» резидентуры в Берлине. С 1932 года находился на ответственной работе в центральном аппарате разведки. Для выполнения специальных разведывательных заданий выезжал в Германию, Австрию, Норвегию и Турцию.

В 1937 году был арестован и приговорен к высшей мере наказания.

Реабилитирован посмертно в 1956 году.

КРАСНАЯ Елена Адольфовна.

Урожденная Старке. Родилась в 1900 году в Кракове в семье адвоката. Польшка. Жена сотрудника внешней разведки Юзефа Красного (скончался в декабре 1932 года).

В 1917 году окончила гимназию, затем училась в Краковском университете на юридическом факультете. С 1919 года член польской компартии. Находилась на подпольной партийной работе в Польше и Швейцарии.

В Иностранном отделе ВЧК с 1921 года. Вместе с мужем находилась на нелегальной работе в Австрии. В 1922 году была арестована в

Чехословакии. За конкретные разведывательные результаты была награждена именным оружием.

Возвратившись в СССР, работала в центральном аппарате внешней разведки.

С 1929 года на партийной работе. Училась в Институте Красной профессуры, занималась литературной деятельностью. Преподавала литературу в Московском педагогическом институте новых языков. Доцент.

Арестована 9 февраля 1937 года. 7 сентября того же года «за участие в антисоветской террористической организации» приговорена Комиссией НКВД СССР к высшей мере наказания. 10 сентября 1937 года расстреляна.

Реабилитирована 4 апреля 1957 года.

КУБАТКИН Петр Николаевич.

Родился в 1907 году в поселке Кольберовского рудника Успенского уезда Елизаветградской губернии в шахтерской семье.

С 1921 по 1927 год работал на шахте. В 1927—1929 годах находился на комсомольской работе.

В органах госбезопасности с сентября 1929 года. В 1929—1932 годах служил в пограничных войсках. С 1932 по 1937 год работал в подразделениях госбезопасности Одесской области. В 1937 году окончил Центральную школу НКВД СССР. Затем служил в подразделениях центрального аппарата НКВД. В 1939 году — секретарь парткома ГУГБ НКВД СССР.

В 1939—1941 годах руководил управлением госбезопасности Московской области. С августа 1941 по июнь 1946 года возглавлял управление госбезопасности Ленинградской области. Одновременно в 1945 году являлся уполномоченным НКГБ СССР по 2-му Прибалтийскому фронту.

С июня по сентябрь 1946 года возглавлял советскую внешнюю разведку. Генерал-лейтенант.

С 1946 по 1949 год работал начальником УМГБ Горьковской области. В апреле 1949 года назначен заместителем председателя Саратовского облисполкома.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Кутузова 1 -й степени, Кутузова 2-й степени, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

23 июля 1949 года арестован в связи с так называемым «ленинградским делом». 27 октября 1950 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован посмертно 26 мая 1954 года.

ЛАГО-ОЗЕРОВ Борис Федорович.

Родился 27 июля 1898 года в Петербурге в семье служащего Московской железной дороги. Рано потеряв отца, воспитывался отчимом — офицером Генштаба. Окончил реальное училище, учился на юридическом и медицинском факультетах Новороссийского университета в Одессе. Летом 1917 года поступил вольноопределяющимся на военную службу, воевал на Румынском фронте.

Участник Гражданской войны на стороне Белой армии. Служил в Сумском пехотном полку, был ранен, награжден Георгиевским крестом. В ноябре 1920 года вместе с остатками врангелевской армии эвакуировался в Константинополь, где жил до 1922 года. В 1922 году получил пособие правительства Чехословакии и выехал в Прагу.

С этого времени работал на советскую внешнюю разведку. Арестован в Румынии в 1925 году. На процессе в Кишиневе приговорен к 5 годам заключения. Отбывал срок в каторжной тюрьме Дофтана.

После выхода из тюрьмы в 1930 году объявил себя невозвращенцем, написал антисоветскую книгу и таким образом внедрился в резидентуру английской разведки в Румынии. Являясь кадровым сотрудником ИНО ОГПУ, стал доверенным лицом заместителя резидента СИС белоэмигранта Виктора Богомольца, передавая советской разведке ценную информацию. Затем по линии ИНО ГУГБ НКВД работал в Маньчжурии.

Арестован 21 апреля 1937 года. 20 сентября 1938 года по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной террористической организации приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован 17 декабря 1997 года Главной военной прокуратурой России.

ЛИВЕНТ-ЛЕВИТ Самуил Вольфович.

Родился 22 апреля 1898 года в Кишиневе в семье провизора. В 1905 году вместе с отцом эмигрировал в Германию. Отец владел аптекарским магазином в Берлине.

В 1918 году окончил гимназию. С ноября 1918 года являлся членом Союза Спартака, а затем — Компартии Германии. В 1918—1919 годах учился на факультете экономики и агрономии Берлинского университета. Одновременно был секретарем Вильгельсдорфского райкома партии в Берлине и обкома партии Южной Баварии. С сентября 1919 по март 1921 года — политзаключенный в тюрьмах Мюнхена и Нюрнберга. В 1921—1925 годах — сотрудник для поручений в советском торгпредстве в Берлине, редактор «Украинского экономического журнала» (Берлин). Член компартии Австрии с 1923 года. Работал в нелегальном партийном аппарате в Вене под именем Курт Адлер. Свободно владел немецким, английским и французским языками.

С июня 1925 года сотрудник ИНО ОГПУ. В 1925—1926 годах исполнял обязанности нелегального подрезидента на Балканах, где провел ряд ответственных разведывательных мероприятий. В 1926—1929 годах — помощник нелегального резидента в Стамбуле. В характеристике того периода отмечалось: «Провел большую работу, показав себя оперативно-опытным чекистом и стойким коммунистом».

Член ВКП (б) с 1929 года. В 1929—1931 годах работал в Москве помощником начальника отделения ИНО ОГПУ, капитан госбезопасности.

В 1931—1935 годах находился на нелегальной работе в Китае. В характеристике на имя наркома Ежова, подготовленной 10 февраля 1936 года начальником внешней разведки А. А. Слуцким, указывалось: «Своей работой в условиях тяжелого подполья на Дальнем Востоке, тов. Левит показал себя образцовым нелегальщиком, опытным оперативником, стойким и преданным коммунистом. Считаю тов. Левита одним из лучших наших нелегалов».

После возвращения из Китая работал в центральном аппарате внешней разведки.

26 декабря 1937 года арестован по обвинению в шпионаже и 28 августа 1938 года расстрелян.

Реабилитирован в 1958 году.

ЛОГАНОВСКИЙ Мечислав Антонович.

Родился в 1895 году в городе Кельцы в семье адвоката. Поляк. В 1914

году окончил гимназию в Ченстохове. В том же году вступил в Польскую партию социалистов (ППС) и в «Польскую организацию войсковую». В начале 1915 года был арестован и этапирован в Нижегородскую тюрьму, в которой находился до марта 1916 года. Освобожден под надзор полиции. В апреле 1916 года бежал от мобилизации в Оренбург, позднее перебрался в Москву. Работал на фабрике фирмы «Крамер».

После Февральской революции активно работал в ППС. Участник Октябрьской революции 1917 года в Москве. Член Московского областного комитета ППС. В июле 1918 года заявил о выходе из партии. В том же месяце вступил в РКП (б) и Компартию Польши и одновременно добровольцем в РККА. Окончил Первые московские артиллерийские курсы красных командиров. Служил в Западной стрелковой дивизии, сформированной из поляков. Участвовал в боевых действиях. Был ранен.

С мая 1920 года являлся начальником и комиссаром военной разведки 15-й армии на Западном фронте. В августе 1920 года — комендант и военком Белостокского округа.

В январе 1921 года отозван в распоряжение Дзержинского и направлен на работу в ИНО ВЧК. С апреля 1921 года — резидент советской разведки в Варшаве. В 1923—1925 годах — резидент в Австрии.

В ноябре 1925 года перешел на работу в НКВД. С сентября 1927 года — советник полпредства в Персии. В 1934—1937 годах — заместитель наркома внешней торговли.

Арестован 16 мая 1937 года. 29 июля 1938 года по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован 12 декабря 1956 года.

МАКОВСКИЙ Юрий (Ежи) Игнатьевич.

Родился 17 января 1889 года в Варшаве в семье интеллигентов. Поляк.

В 1909 году вступил в «революционную фракцию» Польской партии социалистов. Окончил подпольные курсы военных инструкторов и активно действовал в партийном подполье в качестве инструктора «стрелецких дружин». В 1914 году был арестован и отбывал наказание в варшавской, орловской и московской тюрьмах. Освобожден в марте 1917 года.

После Октябрьской революции — командир батальона при Витебском губвоенкомате, командир 4-го Варшавского полка Западной стрелковой

дивизии, а затем—исполняющий обязанности командира этой дивизии. В 1918 году вступил в члены РКП (б).

С марта 1919 года — помощник наркома по военным делам Литовско-Белорусской Советской республики. В апреле того же года направлен на нелегальную работу в Польшу. Являлся одним из руководителей нелегальной военной организации польской компартии. Арестован поляками 6 апреля 1920 года. 16 мая 1921 года в результате обмена выехал в Советскую Россию.

В органах ВЧК—ОГПУ—НКВД с 1921 года. Окончил Военную академию РККА и ее адъюнктуру. С августа 1932 года — нелегальный резидент ИНО ОГПУ во Франции.

Арестован 28 декабря 1935 года по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации. 4 ноября 1937 года приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован в 1967 году.

МАРКОВ Иван Александрович.

Родился в 1903 году в деревне Борки Бежецкого уезда Тверской губернии в крестьянской семье. Окончил сельскую школу, рабфак и в 1925 году — факультет общественных наук 1-го МГУ. В совершенстве владел французским и итальянским языками.

В 1926 году был принят в члены ВКП (б) и в том же году поступил на работу в ОГПУ. В 1927—1928 годах служил в Красной Армии. Затем вновь вернулся на работу во внешнюю разведку.

До 1931 года являлся сотрудником резидентуры ИНО ОГПУ во Франции. Затем был переведен в Италию в качестве помощника руководителя «легальной» резидентуры в Риме. За положительные результаты в работе неоднократно награждался руководством НКВД.

26 октября 1937 года был задержан итальянской полицией в момент, когда должен был забрать вещи и документы отозванного накануне в Москву из-за возможности провала советского разведчика-нелегала М.М. Аксельрода.

Освобожден из-за отсутствия прямых улик, но был вынужден покинуть страну.

Арестован в Москве 31 марта 1938 года. По обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации 20 июня 1938 года осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере

наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 1 июня 1957 года.

МЕССИНГ Станислав Адамович.

Родился в 1890 году в Варшаве в семье музыканта. Из-за материальных затруднений не закончил гимназию и рано начал трудовую деятельность в типографии.

Член партии большевиков с 1908 года, активный участник революционного движения. Неоднократно арестовывался царской охранкой. После Октябрьской революции был секретарем Сокольнического исполкома и председателем Сокольнической районной ЧК. С декабря 1918 года—член коллегии и заведующий секретно-оперативным отделом Московской ЧК. В июле 1920 года утвержден членом Коллегии ВЧК, с января 1921 года — председатель Московской ЧК.

В ноябре 1921 года назначается председателем Петроградской ЧК. С октября 1922 года—командующий войсками ГПУ Петроградского округа. Затем председатель Ленинградского ПТУ и заместитель председателя ОГПУ.

В октябре—ноябре 1929 года исполнял обязанности начальника внешней разведки, а с декабря 1929 года по август 1931 года возглавлял внешнюю разведку.

Награжден орденом Красного Знамени.

В 1931 году был переведен на руководящую должность в Наркомат внешней торговли. Затем являлся председателем Советско-Монгольско-Тувинской торговой палаты НКВТ СССР, членом Президиума Торгово-промышленной палаты СССР.

15 июня 1937 года арестован по обвинению в шпионаже в пользу Польши. 2 сентября 1937 года приговорен Особым совещанием к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован посмертно 6 октября 1956 года.

МНАЦАКАНОВ Азарий Айрапетович.

Родился в 1900 году в городе Ардсбиль (Иран). Армянин.

Сотрудник резидентур ИНО ОГПУ и НКВД в Тегеране (1928— 1932),

и Берлине (1932—1935). С 1935 года заместитель резидента «легальной» резидентуры в Вене.

С 1937 года работал в центральном аппарате разведки, курировал венскую резидентуру.

Арестован 15 апреля 1938 года. По обвинению в шпионаже осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 26 августа 1938 года к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован 20 февраля 1964 года.

МНАЦАКАНОВА Эрна Феликсовна.

Урожденная Бошкович. Родилась в 1902 году в городе Жирардув (Царство Польское). Польшка.

Жена Мнацаканова Азария Айрапетовича. Сотрудница советской внешней разведки. Находилась в служебных заграничных командировках вместе с мужем, работала в центральном аппарате разведки.

Арестована 15 апреля 1938 года. 26 сентября 1938 года по обвинению в шпионаже приговорена Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстреляна.

Реабилитирована 20 февраля 1964 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

ПАРТИН Шолом Моисеевич.

Родился 12 марта 1900 года в Витебске в семье служащего. В 1918 году окончил 7 классов коммерческого училища. В 1919 году вступил в РКП (б).

В 1918—1921 годах служил в РККА. Окончил школу комсостава и Пензенские пулеметные командные курсы. Служил в должности командира взвода.

В 1921 году демобилизовался из армии и был принят на работу в КРО ГПУ. В 1925 году был переведен на работу в Иностраннный отдел. По линии внешней разведки работал под прикрытием советского консула на станции Пограничная (Маньчжурия, Китай). Добился серьезных вербовочных результатов.

С середины 1930-х годов находился на руководящей работе в центральном аппарате ИНО. На момент ареста являлся начальником секретариата 7-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР.

Арестован 22 июня 1937 года. 10 марта 1938 года по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации приговорен комиссией НКВД СССР и прокуратуры СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 1 августа 1957 года.

ПУЗИЦКИЙ Сергей Васильевич.

Родился 29 марта 1895 года в городе Ломжа Иривислинского края (Польша) в семье учителя.

В 1912 году после окончания Егорьевской гимназии поступил на юридический факультет Московского университета. С началом Первой мировой войны был призван в армию и направлен в Александровское военное училище, а затем — на специальные артиллерийские курсы. После окончания учебы в 1916 году — прапорщик, затем подпоручик дивизиона тяжелой артиллерии в различных артиллерийских частях.

В 1917 году перешел на сторону революции. Был избран членом солдатского комитета дивизии.

В марте 1918 года как военный специалист направлен в штаб Московского военного округа на должность заведующего артиллерийской частью, а в ноябре того же года назначен следователем Революционного трибунала республики. В этой должности неоднократно выезжал на Восточный и Юго-Западный фронты для инспектирования военных трибуналов. Одновременно в 1919 году окончил юридический факультет Московского университета.

В мае 1920 года, оставаясь руководителем следственного отдела Ревтрибунала, постановлением Совета труда и обороны зачисляется в состав ВЧК сотрудником резерва административного отдела. С 1921 по 1922 год работает в Особом отделе ВЧК. С 1923 по 1931 год — на руководящих должностях в контрразведывательном подразделении ОГПУ.

Принимал непосредственное участие в аресте английского разведчика Сиднея Рейли (операция «Трест»). Являлся также активным участником операции «Синдикат-2», которая завершилась арестом руководителя антисоветской террористической организации «Союз защиты Родины и свободы» Бориса Савинкова. В ходе операции неоднократно выезжал по специальным заданиями в Париж. Являлся также непосредственным участником операции «Заморские» по аресту генерала Кутепова.

В октябре 1930 года повышен в должности до заместителя начальника Особого отдела ОГПУ СССР. С марта 1931 года — заместитель полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.

В ноябре 1931 переведен на руководящую работу во внешнюю разведку — являлся помощником начальника ИНО ОГПУ (с июля 1934 года — ИНО ГУГБ НКВД). В 1935 году ему присвоено специальное звание комиссара государственной безопасности 3-го ранга.

С 1935 по 1937 год — комиссар строительства канала Москва— Волга (Дмитровский ИТЛ НКВД).

За большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя нагрудными знаками «Почетный чекист», а также золотым оружием с надписью: «С.В. Пузицкому. За беспощадную борьбу с контрреволюцией. Ф. Дзержинский».

9 мая 1937 года арестован по обвинению в принадлежности к троцкистско-зиновьевскому блоку. 15 июня того же года лишен государственных наград. 19 июня 1937 года комиссией в составе наркома внутренних дел и прокурора СССР приговорен к высшей мере наказания и на следующий день расстрелян.

В июне 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

РЕЙФ Игнатий Яковлевич.

Родился в 1902 году в городе Ковеле в семье бакалейщика. До 1915 года проживал в Варшаве, затем жил и учился в Киеве.

С 1918 года, при гетманщине, активно участвовал в подпольной работе. С 1922 года — библиотекарь полпредства СССР в Берлине. Поддерживал негласный контакт с организацией КПГ земли Берлин-

Бранденбург. В 1924 году отозван в СССР и назначен сотрудником секретариата редакции газеты «Правда».

В 1925 году зачислен в штат Экономического отдела ОГПУ, затем перешел на работу в Иностранный отдел.

В апреле 1934 года направлен заместителем нелегального резидента Орлова-Никольского в Лондон. Являлся первым оператором члена «Кембриджской пятерки» Д. Маклейна.

В феврале 1935 года выслан из страны как нежелательный иностранец. После возвращения в Москву работал в центральном аппарате внешней

разведки.

Арестован 29 июля 1938 года. 28 августа 1938 года по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

15 декабря 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор отменен и дело закрыто за отсутствием состава преступления.

РИГИН Аристарх Аристархович.

Родился 17 января 1887 года в крестьянской семье.

Окончил немецкую школу в Петербурге, один курс Петербургского университета, университет в Цюрихе в 1910 году, два курса Военно-медицинской академии в 1913 году, ускоренный выпуск Александровского военного училища в 1916 году. Проживая в Швейцарии, являлся членом военно-боевой организации партии эсеров.

До 1917 года воевал в чине подпоручика на Салоникском фронте (в составе Особого экспедиционного корпуса русской армии во Франции), был ранен. Вел революционную работу среди солдат.

В сентябре 1917 года вернулся в Россию. С 1918 года — член РКП (б). В конце 1918 года переехал в Киев, работал секретарем члена ВЦИК Н.С.Тихменева. В 1919 году назначен военным руководителем Киевского района, затем — начальником Киевского гарнизона. В 1920 году был членом реввоенсовета 2-й трудовой армии, затем состоял для особых поручений при штабе Юго-Западного фронта.

В органах госбезопасности с 1921 года. Работал с нелегальных позиций в Австрии. Возглавлял «легальные» резидентуры в Китае, Дании, Японии, во Франции, в Италии и США. В составе группы чекистов обеспечивал безопасность советской делегации на Генуэзской конференции в 1924 году.

В 1935 году переведен вместе с А.Х. Артузовым в Разведупр РККА. Ему было присвоено звание бригадного комиссара.

Арестован 27 сентября 1937 года. Расстрелян 1 сентября 1938 года.

Реабилитирован в 1956 году.

САМСОНОВ Николай Григорьевич.

Родился в 1896 году в Нижнем Новгороде в семье железнодорожного служащего.

Окончил гимназию, поступил в Московский университет, однако почти сразу же был призван в армию. В 1917 году окончил Александровское военное училище. В совершенстве владел немецким и французским языками.

Участник Октябрьской революции и Гражданской войны. Член РКП (б) с 1918 года. Был комиссаром Центрального штаба Красной гвардии, комендантом военно-агитационного поезда имени Ленина. Участвовал в боях против Дутова.

С мая 1920 года — в ВЧК. Работал в Особом отделе. На работу в ВЧК рекомендован первым руководителем ИНО Я.Х. Давтяном, охарактеризовавшим его как «преданного и добросовестного работника». В 1922 году переведен в Иностранный отдел. Являлся сотрудником резидентур в Эстонии, Латвии и Турции. Возглавлял «легальные» резидентуры в Чехословакии, Германии и Китае. Будучи опытным и результативным разведчиком, с успехом выполнял ответственные задания Центра. Работая в Чехословакии, привлек к сотрудничеству Дмитрия Быстролетова, ставшего впоследствии видным разведчиком-нелегалом. Дважды награждался почетным боевым оружием, а также нагрудным знаком «Почетный чекист».

Арестован 16 августа 1937 года по обвинению в шпионаже. 15 ноября 1937 года комиссией в составе наркома внутренних дел СССР, прокурора СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован в 1956 году.

СЕРЕБРЯНСКИЙ Яков Исаакович.

Родился 9 декабря 1892 года в Минске. Окончил минское городское училище. В период революций 1917 года являлся активистом эсеровского движения. В мае 1920 года поступил на службу в центральный аппарат ВЧК. В октябре 1923 года, став кандидатом в члены ВКП(б), перешел во внешнюю разведку и сразу же выехал на нелегальную работу в Палестину. В 1925—1928 годах возглавлял нелегальные резидентуры в Бельгии и во Франции. После возвращения в Москву в апреле 1929 года был назначен начальником подразделения нелегальной разведки. Одновременно руководил Особой группой при председателе ОГПУ. В июле 1934 года

возглавил Спецгруппу особого назначения при наркомате внутренних дел. В 1935—1936 годах находился в спецкомандировке в Китае и Японии.

В период гражданской войны в Испании, будучи на нелегальном положении во Франции, принимал активное участие в организации поставок оружия и военной техники Республиканскому правительству из европейских стран через подставные фирмы.

Летом 1938 года Серебрянский был отозван из Франции, арестован и 7 июля 1941 года осужден к высшей мере наказания «за шпионскую деятельность в пользу английской и французской разведок». Однако приговор не был приведен в исполнение. Уже шла Великая Отечественная война, и разведке были необходимы опытные кадры. В августе 1941 года Серебрянский был амнистирован и восстановлен в органах и партии. Во время войны занимал руководящие посты в 4-м управлении НКВД—НКГБ СССР. Лично участвовал во многих разведывательных операциях. За период работы в органах госбезопасности полковник Серебрянский был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, многими медалями, а также двумя нагрудными знаками «Почетный чекист».

8 октября 1953 года Серебрянский был вновь арестован, теперь уже как участник преступной деятельности Берии. Одновременно было реанимировано дело 1938—1941 годов. 30 марта 1956 года Серебрянский скончался от сердечного приступа в помещении Бутырской тюрьмы на допросе у следователя военной прокуратуры СССР. В мае 1971 года реабилитировал по всем статьям предъявлявшихся ему ранее обвинений. В апреле 1996 года восстановлен в правах на изъятые при аресте награды.

Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

СИЛЛИ Карл Иванович.

Родился в 1893 году в городе Капошваре (Австро-Венгрия) в семье слесаря, работавшего на железной дороге. Венгр.

В 1910 году окончил 8 классов реального училища в городе Фюнфкирхен и поступил на юридический факультет Будапештского университета. Одновременно работал юристом-практикантом у частных адвокатов. Состоял членом Социал-демократической рабочей партии Венгрии. Окончил четыре курса университета.

После начала Первой мировой войны добровольцем вступил в австро-

венгерскую армию. Воевал младшим унтер-офицером в составе боснийско-герцеговинского пехотного полка. В 1915 году попал в русский плен. Содержался в лагере в Красноярске. Активный участник Октябрьской революции и Гражданской войны.

В апреле 1918 года вступил в РКП (б) и в Красную гвардию. В июле 1918 года попал в колчаковский плен, содержался в лагере для военнопленных, откуда бежал в партизанский отряд. В январе—мае 1920 года — заместитель военкома бригады имени III Интернационала.

С мая 1920 года — в органах ВЧК. Работал в Особых отделах 5-й армии и Южного фронта, в Экономическом управлении и Контрразведывательном отделе ОГПУ.

Во внешней разведке — с 1931 года. Находился на закордонной работе по линии ИНО ОГПУ в Германии, Австрии, Турции и Польше. Завербовал ряд ценных агентов. Принимал участие в сложных оперативных мероприятиях. Награжден знаком «Почетный чекист». Майор государственной безопасности.

Арестован 23 мая 1937 года, находясь в должности начальника 1-го отделения ИНО ГУГБ НКВД СССР. 21 августа 1937 года по обвинению в шпионаже приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В декабре 1967 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

СМИРНОВ Дмитрий Михайлович.

Родился в 1901 году. Член партии большевиков с 1920 года.

В органах ВЧК с 1922 года. С 1922 по 1924 год работал в Московской ЧК.

В разведке с 1925 года. Сотрудник резидентур в Австрии, Франции и дважды в Германии. Являлся одним из активных работников берлинской резидентуры. Вел агентурную разработку антисоветских эмигрантских организаций за рубежом.

В 1937 году арестован и приговорен к высшей мере наказания.

Реабилитирован в 1957 году.

СЛУЦКИЙ Абрам Аронович.

Родился в 1898 году в селе Парафиевка Борзьянского уезда Черниговской губернии в семье железнодорожника.

Окончил гимназию в городе Андигане. В 1914—1916 годах работал учеником слесаря, затем учеником конторщика на хлопковом заводе в Андигане. В 1916—1917 годах служил вольноопределяющимся в 7-м Сибирском стрелковом полку. В 1917 году вступил в партию большевиков.

Активный участник революционного движения и Гражданской войны. В органах ВЧК с 1920 года. В 1929 году с должности помощника начальника Экономического управления ОГПУ был назначен помощником начальника Иностранного отдела. В 1931—1935 годах — заместитель начальника Иностранного отдела. Руководил работой по линии научно-технической разведки, неоднократно выезжал в командировки в Германию, Францию и Испанию.

С мая 1935 по февраль 1938 года возглавлял советскую внешнюю разведку. Комиссар госбезопасности 2-го ранга.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя нагрудными знаками «Почетный чекист» и именованием маузером.

17 февраля 1938 года по приказу Ежова был отравлен в кабинете руководителя ГУГБ НКВД СССР М.П. Фриновского, а в апреле того же года посмертно исключен из партии как «враг народа».

СТЫРНЕ Владимир Андреевич.

Родился в 1897 году в городе Митава в семье чиновника Курляндского военного присутствия. Латыш.

Отец умер в 1905 году. Переехал с матерью в Москву в 1911 году. Окончил московскую классическую гимназию и физико-математический факультет МГУ.

Член РКП (б) с 1919 года. В органах ВЧК с 1920 года. Работал уполномоченным ИНО ВЧК, в постоянных представительствах ГПУ—ОГПУ по Туркестану и по Уралу, в КРО ОГПУ, в аппарате НКВД на Украине. Участник операции «Трест». За арест английского шпиона С. Рейли награжден орденом Красного Знамени. Дважды награждался нагрудным знаком «Почетный чекист». Комиссар государственной безопасности 3-го ранга.

Арестован 22 октября 1937 года. 15 ноября 1937 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован в 1967 году.

СУДОПЛАТОВ Павел Анатольевич.

Родился 7 июля 1907 года в городе Мелитополе в семье мельника. Рано остался без родителей. В 1919 году уехал в Одессу, беспризорничал, перебивался временными заработками.

В середине 1920 года определился помощником телеграфиста в роте связи 123-й стрелковой бригады 41-й дивизии 14-й армии. С бригадой участвовал в боях на Украине и на Польском фронте. Учился в Киеве на курсах подготовки политработников. С мая 1921 года работал в Особом отделе 44-й дивизии. Затем служил в Житомирско-Волынском губернском отделе ГПУ. В конце 1920-х годов переведен в Москву, в отдел кадров ОГПУ.

Во внешней разведке с 1932 года. В 1935—1938 годах работал с нелегальных позиций в Германии и Финляндии.

С ноября по декабрь 1938 года исполнял обязанности начальника внешней разведки.

С 1939 года — заместитель начальника внешней разведки. В годы войны одновременно являлся начальником 4-го управления НКВД—НКГБ СССР, руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в тылу противника, координировал работу агентурной сети на территории Германии и ее союзников. Генерал-лейтенант.

Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени и Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

В августе 1953 года арестован. До 1958 года находился под следствием. Виновным себя не признал. 12 сентября 1958 года приговорен к тюремному заключению сроком на 15 лет, с последующим поражением в политических правах на 3 года. 17 октября лишен воинского звания и наград. Отбывал наказание во Владимирской тюрьме, где перенес три инфаркта, ослеп на один глаз, получил инвалидность 2-й группы.

В августе 1968 года вышел на свободу. После освобождения занялся литературной деятельностью, опубликовал несколько книг. Более 20 лет боролся за свою реабилитацию. Только в феврале 1992 года был реабилитирован Главной военной прокуратурой Российской Федерации.

Скончался 24 сентября 1996 года.

В октябре 1998 года Президент России подписал Указ о восстановлении генерал-лейтенанта Судоплатова посмертно в правах на государственные награды в связи с его реабилитацией. В соответствии с этим указом семье П.А. Судоплатова были возвращены его ордена и медали.

ТОМЧИН Юрий Яковлевич.

Родился в 1898 году в Минске в семье рабочего-литейщика. С 1905 года жил в Америке. После возвращения в Россию работал конторщиком и служил в армии.

В ВЧК с 1919 года. В ИНО с 1921 года. Член РКП (б) с 1922 года. Окончил двухгодичный рабфак.

Работал в Италии, Германии и в ряде других стран Европы.

В центральном аппарате разведки являлся помощником начальника отдела виз и регистрации. Капитан государственной безопасности.

Арестован 10 апреля 1938 года. 28 августа 1938 года по обвинению в шпионаже приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован 1 декабря 1956 года.

ТУБАЛА Иоганн Фридрихович.

Родился в 1897 году. Окончил полный курс гимназии.

В органах ВЧК с 1918 года. В октябре 1919 года вступил в РКП(б). В 1924—1926 годах по заданиям КРО и ИНО ОГПУ проводил на Дальнем Востоке мероприятия по организации разведывательной работы в регионе, выезжал в командировки в Китай.

С мая 1930 года — начальник ИНО Закавказского ГПУ. В 1932 и 1934 годах выезжал с разведывательными заданиями в Турцию и Иран. В 1937 году находился в командировке в Синьцзяне. Награжден знаком «Почетный чекист». Майор государственной безопасности.

Арестован 19 октября 1937 года. Расстрелян 22 июня 1938 года.

Реабилитирован в 1958 году.

УНШЛИХТ Иосиф Станиславович.

Родился в 1879 году в городе Млаве Полоцкой губернии в семье служащего. Окончил Высшие технические курсы в Варшаве. Член РСДРП с 1900 года. Профессиональный революционер. Участник Октябрьской революции и Гражданской войны.

Член президиума и заместитель председателя ВЧК—ГПУ. Соратник Дзержинского. Возглавлял Секретно-оперативное управление (СОУ), в которое входил Иностраный отдел ВЧК ГПУ. Награжден орденом Красного Знамени и нагрудным знаком «Почетный чекист».

В 1938 году арестован, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Реабилитирован в 1956 году.

ФЕДОРОВ Андрей Павлович.

Родился 26 августа 1888 года в селе Мангуш Мариупольского уезда Екатеринославской губернии в крестьянской семье. После окончания двухклассного сельского училища поступил в мариупольскую гимназию. В 1905 году за участие в забастовочном движении учащихся был исключен из гимназии. Позднее сдал экстерном экзамены и в 1909 году поступил в Новороссийский университет в городе Одессе на медицинский факультет.

Во время учебы в университете участвовал в революционной деятельности партии эсеров, за что был исключен из университета и выслан из Одессы.

В 1910 году поступил на юридический факультет Харьковского университета. В 1912 году за участие в забастовке протеста против расстрела рабочих на Ленских золотых приисках исключен из университета и выслан за пределы Харьковской губернии. Проживая на Кавказе, в 1914 году экстерном закончил университет и получил диплом юриста.

В августе 1915 года призван на военную службу и направлен на учебу на офицерские курсы при Александровском военном училище в Москве. Через год был произведен в прапорщики и зачислен в 5-й Сибирский полк, расквартированный в Туркестане.

На службе в армии вел революционную работу среди солдат, избирался в полковой комитет. В 1917 году принимал активное участие в революционных событиях, поддержав Октябрьскую революцию. С приходом белогвардейцев в Среднюю Азию он был ими арестован, однако в связи с тяжелым заболеванием вскоре освобожден. Выехал на лечение в Ессентуки, где принимал участие в работе подпольной коммунистической

группы.

В конце августа 1919 года арестован деникинской контрразведкой по обвинению в связи с большевиками. За коммунистическую пропаганду приговорен к расстрелу, однако в конце декабря того же года по «манифесту Деникина» помилован и направлен «на перевоспитание» в караульную роту во Владикавказ. В январе 1920 года бежал в Тифлис, где был принят на работу в Закавказскую чрезвычайную комиссию в качестве секретного сотрудника особого отдела 10-й армии.

С 1920 по 1922 год работал на Кавказе, являясь уполномоченным, а затем начальником отделения Особого отдела Батумского укрепрайона. В 1922 году откомандирован в Тифлис, а затем в Кутаиси на должность начальника отделения Закавказской ЧК.

В 1922 году как чекист, имевший большой опыт работы, переведен в центральный аппарат ГПУ, где являлся вначале секретным сотрудником по загранице, а затем начальником отделения Контрразведывательного отдела.

В 1922 году перед Федоровым, как одним из руководителей контрразведывательного подразделения ГПУ, была поставлена задача по пресечению деятельности возглавляемого Б. Савинковым «Народного союза защиты Родины и свободы». В разработанной под руководством Ф.Э. Дзержинского операции «Синдикат-2» ему отводилась одна из главных ролей.

Выступая в качестве руководителя легендированной чекистами подпольной антисоветской организации «Либеральные демократы», Федоров неоднократно по заданию ГПУ выезжал в Париж к Савинкову, встречался с активистами его организации, а также с британским разведчиком С. Рейли. Бывая по заданию Дзержинского в Польше, встречался с сотрудниками военной разведки этой страны, которых снабжал специально подготовленными в Москве дезинформационными материалами.

В ходе операции «Синдикат-2», закончившейся арестом Савинкова в Москве, Федоров проявил исключительную смелость, находчивость и самообладание; выдержал неоднократные проверки со стороны польской контрразведки, а также со стороны ближайших помощников Савинкова.

За успешное выполнение сложного задания по разработке контрреволюционной организации Савинкова 5 сентября 1924 года награжден орденом Красного Знамени. Коллегия ОГПУ присвоила ему звание «Почетный чекист».

С 1933 по 1937 год работал начальником разведывательного отдела Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области. Майор

госбезопасности.

3 августа 1937 года арестован по обвинению в принадлежности к так называемому «троцкистско-зиновьевскому блоку». 20 сентября того же года расстрелян.

Реабилитирован посмертно Военной коллегией Верховного суда СССР 14 апреля 1956 года.

ФОРТУНАТОВ Евгений Алексеевич.

Родился в 1883 году в семье профессора медицины. Получил блестящее образование, знал несколько восточных языков. В 1910 году закончил медицинский факультет. До 1917 года работал врачом.

Активный участник революционного движения в России. Трижды арестовывался царским правительством и сидел в тюрьме. Во время первой русской революции был членом Казанского, Самарского и Ялтинского комитетов РСДРП.

Во внешней разведке с 1920 года. До 1926 года являлся помощником резидента в Шанхае и резидентом в Пекине под прикрытием врача советской миссии. Затем выезжал на разведывательную работу в качестве нелегального резидента в Париже и руководителя «легальной» резидентуры в Тегеран. В 1937 году являлся заведующим музеем УНКВД города Ленинграда (Ленинградский музей ВЧК).

В 1938 году приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Реабилитирован в 1956 году.

ШЕБЕКО-ЖУРБА Иван Иванович.

Родился 28 марта 1896 года в селе Смородинка Витебской губернии в крестьянской семье. Белорус.

В августе 1915 года был призван в армию. В 1919 году вступил в РКП(б). Некоторое время служил в РККА.

В органах ВЧК с мая 1919 года. Работал в Особом отделе Туркестанского фронта и в КРО ГПУ Туркмении.

В 1925 году окончил восточный факультет Военной академии РККА. Изучал английский и японский языки.

В 1925—1930 годах являлся оперработником «легальных» резидентур в Кобе (Япония), Сеуле (Корея) и в Дайрене (Китай). Затем два года работал

во Владивостоке в разведотделе по Японии. С 1933 по 1938 год — резидент ИНО ОГПУ в Токио под прикрытием должности 2-го секретаря полпредства СССР в Японии.

Арестован 27 марта 1939 года. Расстрелян 2 февраля 1940 года.

Реабилитирован в 1956 году.

ШПИГЕЛЬГЛАС Сергей Михайлович.

Родился 29 апреля 1897 года в местечке Мосты Гродненской губернии в семье бухгалтера.

После окончания 1 -го Варшавского реального училища поступил на юридический факультет Московского университета. Свободно владел польским, немецким и французским языками. В 1917 году с третьего курса юрфака был призван на военную службу и направлен в школу прапорщиков в Петроград. Затем служил в чине прапорщика в 42-м запасном полку.

Еще в Варшаве, а затем в Москве и Петрограде принимал участие в работе революционных кружков. В середине 1919 года стал членом РКП (б).

В том же году поступил на работу в так называемую комиссию М.С. Кедрова, практически выполнявшую задачи военной контрразведки, которая вскоре была включена в состав Особого отдела ВЧК. По линии Особого отдела выполнял специальные задания в Двинске, Орше, Минске и в ряде других городов. В характеристике, относящейся к 1920 году, отмечалось: «...состоял сотрудником Особого отдела и членом фракции РКП (б), проявив себя честным и заслуживающим доверия работником». По тем временам это была исключительно высокая аттестация.

В 1921 году выдвинут на руководящую работу в ЧК Белоруссии. Но уже через год отозван в Москву, переведен на работу в Иностраннный отдел и направлен в Монголию.

До 1926 года находился в Монголии, с территории которой вел активную агентурную работу по Китаю и Японии. Затем находился на нелегальной работе во Франции. С октября 1936 года являлся заместителем начальника внешней разведки. С конкретными оперативными заданиями выезжал в командировки в Германию и Испанию.

С февраля по июнь 1938 года исполнял обязанности руководителя советской внешней разведки. Одновременно преподавал в Школе особого назначения (ШОН) ГУГБ.

2 ноября 1938 года арестован и обвинен в измене Родине, в шпионаже

и в связях с «врагами народа». Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания. 29 января 1941 года расстрелян.

В ноябре 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

ШТЕЙНБРЮК Отто Оттович.

Родился в 1892 году в городе Оршово (Австро-Венгрия) в семье ремесленника. Немец. Окончил реальное училище и кадетский корпус. Капитан австро-венгерской армии. С 1917 года находился в плену в России. В 1918 году стал членом РКП (б). В этом же году выехал в Венгрию.

Член КП Венгрии, сотрудник ее военного отдела. В 1919—1920 годах — политзаключенный в Венгрии. В 1920—1921 годах находился на нелегальной партийной работе в Германии. Был арестован и выслан в Советскую Россию.

В органах ВЧК с 1921 года. Являлся особоуполномоченным закордонного отделения ИНО.

В 1923 году направлен в Германию в качестве одного из руководителей военного аппарата КПГ. Затем возглавлял «легальную» резидентуру в Швеции. В 1929—1930 годах—начальник контрразведывательного отдела полпредства ОГПУ по Западной области (Смоленск). С весны 1931 года — начальник 3-го отделения ИНО.

В 1935—1937 годах—начальник 1-го отдела Разведупра РККА. Корпусной комиссар.

Арестован 21 апреля 1937 года. Расстрелян 21 августа 1937 года.

Реабилитирован в 1958 году.

ЭЛЬМАН Борис Шевелевич.

Родился в 1900 году в деревне Байранча Аккерманского уезда Бессарабской губернии в семье комиссионера, работавшего на мельнице. Окончил реальное училище в 1917 году.

После захвата Бессарабии Румынией остался на оккупированной территории. В 1920 году перебрался в Италию и при помощи руководителя советской делегации В. Воровского выехал в СССР.

В 1924 году окончил факультет общественных наук 1-го МГУ. В том

же году вступил в РКП (б) и был принят на работу в ИНО ОГПУ. Находился на нелегальной работе в странах Восточной Европы. В 1929—1932 годах—руководитель «легальной» резидентуры внешней разведки в Риме. Затем работал по линии разведки в США.

В 1935 году переведен на работу в Разведывательное управление РККА. Являлся одним из организаторов закупки и доставки в Испанию оружия для республиканской армии.

5 ноября 1937 года был арестован. 26 февраля 1939 года по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован 20 октября 1956 года.

ЯКУШЕВ Александр Александрович.

Родился 7 августа 1876 года в городе Твери в семье потомственного дворянина, преподавателя Тверского кавалерийского юнкерского училища.

Окончил гимназию, юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1899) и Археологический институт (1902). Служил в Министерстве путей сообщения. За успехи по службе был награжден тремя орденами и двумя медалями.

В 1916 году стал действительным статским советником, что по Табели о рангах соответствовало чину генерал-майора в армии или контр-адмирала на флоте.

Октябрьскую революцию 1917 года не принял. Участвовал в саботаже новой власти. Отказался ей служить и был изгнан из министерства.

В 1918 году перебрался в Москву и поступил на службу к большевикам. Работал сначала в Высшем совете народного хозяйства РСФСР, затем — в Наркомате путей сообщения. В декабре 1920 года был откомандирован на работу в Наркомат внешней торговли РСФСР.

С 1921 года начал сотрудничать с органами ОГПУ—НКВД. Являлся ключевой фигурой в операции «Трест». В ходе операции неоднократно выезжал в страны Западной Европы.

В марте 1934 года был арестован и осужден на 10 лет лишения свободы. 12 февраля 1937 года скончался в Соловецком лагере.

Полностью реабилитирован 4 октября 1957 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РСФСР, СССР и РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иностранный отдел (ИНО) ВЧК при СНК РСФСР 20.12.1920-06.02.1922

Иностранный отдел (ИНО) Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР 06.02.1922—02.11.1923

Иностранный отдел (ИНО) Объединенного Государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР 02.11.1923—10.07.1934

Иностранный отдел (ИНО) Главного управления государственной безопасности (ГУТБ) НКВД СССР 10.07.1934—25.12.1936

7-й (разведывательный) отдел ГУТБ НКВД СССР 25.12.1936—09.06.1938

5-й (разведывательный) отдел Первого управления НКВД СССР 09.06.1938—29.09.1938

5-й (разведывательный) отдел ГУТБ НКВД СССР 29.09.1938—03.02.1941

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР 03.02.1941—20.07.1941

Первое (разведывательное) управление НКВД СССР 20.07.1941—14.04.1943

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР 14.04.1943—15.03.1946

Первое главное управление (ПГУ) МГБ СССР 15.03.1946—30.05.1947

Комитет информации (КИ) при СМ СССР 30.05.1947—29.01.1949

Комитет информации (КИ) при МИД СССР 29.01.1949—02.11.1951

Первое главное управление (ПГУ) МГБ СССР 02.11.1951—05.01.1953

Первое управление Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ СССР 05.01.1953—05.03.1953

Второе главное управление (ВГУ) МВД СССР 05.03.1953—13.03.1954

Первое главное управление (ПГУ) КГБ при СМ СССР 13.03.1954—05.07.1978

Первое главное управление (ПГУ) КГБ СССР 05.07.1978—22.10.1991

Центральная служба разведки (ЦСР) СССР 22.10.1991—18.12.1991

Служба внешней разведки (СВР) РСФСР 18.12.1991—25.12.1991

Служба внешней разведки (СВР) Российской Федерации с 25.12.1991

Приложение 2

РУКОВОДИТЕЛИ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

20.12.1920— 20.01.1921 Давыдов (Давтян) Яков Христофорович
(исполняющий обязанности)

20.01.1921— 10.04.1921 Катапян Рубен Павлович

10.04.1921—06.08.1921 Давыдов (Давтян) Яков Христофорович

06.08.1921— 13.03.1922 Могилевский Соломон Григорьевич

13.03.1922— 27.10.1929 Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович

27.10.1929—01.12.1929 Мессинг Станислав Адамович (исполняющий
обязанности)

01.12.1929—01.08.1931 Мессинг Станислав Адамович

01.08.1931—21.05.1935 Артузов (Фраучи) Артур Христианович

21.05.1935—17.02.1938 Слуцкий Абрам Аронович

17.02.1938—09.06.1938 Шнигельглас Сергей Михайлович (ис-
полняющий обязанности)

09.06.1938—02.11.1938 Пассов Зельман Исаевич

02.11.1938—02.12.1938 Судоплатов Павел Анатольевич (исполняющий
обязанности)

02.12.1938— 13.05.1939 Деканозов Владимир Георгиевич

13.05.1939— 15.06.1946 Фитин Павел Михайлович

15.06.1946—07.09.1946 Кубаткин Петр Николаевич

07.09.1946—19.09.1949 Федотов Петр Васильевич

19.09.1949—05.01.1953 Савченко Сергей Романович

05.01.1953—05.03.1953 Питовранов Евгений Петрович

05.03.1953—28.05.1953 Рясной Василий Степанович

28.05.1953—17.07.1953 Коротков Александр Михайлович (ис-
полняющий обязанности)

17.07.1953—23.06.1955 Панюшкин Александр Семенович

23.06.1955— 12.05.1956 Сахаровский Александр Михайлович
(исполняющий обязанности)

12.05.1956— 15.07.1971 Сахаровский Александр Михайлович

15.07.1971— 13.01.1974 Мортин Федор Константинович

13.01.1974—26.12.1974 Крючков Владимир Александрович
(исполняющий обязанности)

26.12.1974—01.10.1988 Крючков Владимир Александрович
01.10.1988— 06.02.1989 Кирпиченко Вадим Алексеевич (ис-
полняющий обязанности)
06.02.1989— 22.09.1991 Шебаршин Леонид Владимирович
22.09.1991—30.09.1991 Гургенов Вячеслав Иванович (исполняющий
обязанности)
30.09.1991—09.01.1996 Примаков Евгений Максимович
10.01.1996—20.05.2000 Трубников Вячеслав Иванович
20.05.2000—08.10.2007 Лебедев Сергей Николаевич
09.10.2007 — н/в Фрадков Михаил Ефимович

Приложение 3

ПЕРЕЧЕНЬ степеней и званий начальствующего состава органов НКВД — НКГБ СССР и их соответствие воинским званиям начальствующего состава Красной Армии (1935—1945)

№	НКВД — НКГБ СССР	Красная
	армия	
1	Сержант госбезопасности	Лейтенант
2	Младший лейтенант госбезопасности	Старший
	лейтенант	
3	Лейтенант госбезопасности	Капитан
4	Старший лейтенант госбезопасности	Майор
5	Капитан госбезопасности	
	Подполковник	
6	Майор госбезопасности	Полковник
7	Старший майор госбезопасности (комиссар госбезопасности)	Генерал-
	майор	
8	Комиссар государственной безопасности 3-го ранга	Генерал-
	лейтенант	
9	Комиссар государственной безопасности 2-го ранга	Генерал-
	полковник	
10	Комиссар государственной безопасности 1-го ранга	Генерал
	армии	
11	Генеральный комиссар государственной безопасности Советского Союза	Маршал